

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2021 Vol. 4 №4 (14)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по направлению **22.00.00 «Социологические науки»**.

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in the direction **22.00.00 “Sociological Sciences”**.

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 22.12.2021. Подписано в печать 28.12.2021. Выход в свет 29.12.2021.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 9,9. Тираж 550 экз. Заказ № 276.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США, Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

Caucasian Science Bridge

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center "ESZETT", Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation "Center for Social and Political Research" "Strategy", Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Бедрик А.В., Щукина Е.Л.

Государственная национальная политика
и молодежные объединения на Юге России 10

Зайцева А. А., Панфилова Ю. С.

Молодежные общественные объединения
в сфере национальной политики: оценки ростовской молодежи 17

Касьянов В. В., Болозин А. А.

Факторы снижения доступности массового спорта для молодежи 24

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Getova A.

Could the Online Learning Substitute the Traditional
one in the Bulgarian Universities: the Lecturers' Point of View 34

Залевская А.А.

Выбор профессии в системе формирования профессионально-
квалификационного потенциала студенческой молодежи
Ростовской области (по итогам социологического опроса) 45

Зинченко Я.Г., Хаустова А.К.

Внедрение новых форматов дополнительного образования детей
в условиях цифровой трансформации и пандемии Covid-19 52

Ковалев В. В., Лацвеева А. В.

Качество высшего образования и необходимость
его изменения в условиях онлайн обучения
(по оценкам преподавателей и студентов российских вузов) 60

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Безинских Ю.Ф., Белинская Д.В.

Особенности добрачного поведения молодежи:
опыт эмпирического исследования 70

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Сакович Д.Ю.

Постсекулярное в русском православии: «Бедная вера» 82

ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА «ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ» (г. Ростов-на-Дону, 2021 г.)

Валуйкова В. Е.

Социокультурная предопределенность конфликтологической
компетентности личности в условиях социальной напряженности ... 90

Денищенко М.Е.	
«Отцы и дети» в цифровую эпоху: причины конфликтов	94
Жиденко А. А.	
Институт медиации и его роль в укреплении молодой семьи в России и пути их устранения	98
Коновалов В.Н., Большаков А.Г.	
Книжная полка конфликтолога: методологический инструментарий анализа гражданских войн	104
Кузнецова Е.А., Митяева А.М.	
Сущность и содержание формирования экономической культуры курсантов военного вуза	109
Мартиросян С.А., Овруцкая Г.К., Безвербная Н.А.	
Скулшутинг в эпоху цифровизации	119
Овчинникова Т. М.	
Технология «Драматек» в медиации	124
Пупыкин Н.И.	
Российско-американское информационное противоборство на рубеже XX-XXI вв.	129
Скалабан И. А. Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска)	138
Информация для авторов	143

CONTENTS

SOCIOLOGY OF YOUTH

Bedrik A. V., Shchukina E. L.

State national policy and youth associations in the South of Russia 10

Zaytseva A.A., Panfilova Yu. S.

Youth public associations in the field of national policy:
estimates of the youth in Rostov region 17

Kasyanov V. V., Bolozin A. A.

Factors reducing availability of mass sports for young people 24

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Getova A.

Could Online Learning Substitute the Traditional
one in Bulgarian Universities: Lecturers' Point of View 34

Zalevskaya A. A.

Choice of profession in the system of formation of vocational
and qualification potential of student youth of the Rostov Region
(according to results of sociological survey) 45

Zinchenko Ya.G., Haustova A.K.

Implementation of new formats of additional education for children
in the context of digital transformation and the Covid-19 pandemic 52

Kovalev V. V., Latsveeva A. V.

Quality of higher education and necessity to change it
in the context of online learning (as evaluated by professors
and students of Russian universities) 60

SOCIOLOGY OF THE FAMILY

Bezinskih Yu. F., Belinskaya D.V.

Features of premarital behavior of young people:
experience of empirical research 70

YOUTH FORMAT

Sakovich D.Yu.

Post-secular in Russian Orthodoxy: "Poor Faith" 82

IN THE FOOTSTEPS OF THE V ALL-RUSSIAN CONFLICTOLOGICAL FORUM "VECTORS OF DEVELOPMENT OF MODERN CONFLICTOLOGY" (Rostov-on-Don, 2021)

Valuykova V. E.

Socio-cultural predestination of conflictological competence
of the individual in conditions of social tension 90

Denishchenko M. E. "Fathers and children" in the digital age: the causes of conflicts and ways to eliminate them	94
Zhidenko A. A. The mediation institution and its role in strengthening the young family in Russia	98
Konovalov V. N., Bolshakov A. G. Conflictologist's Book Regiment: Methodological Tools for the Analysis of Civil Wars	104
Kuznetsova E. A., Mityaeva A. M. The essence and content of the formation of economic culture of military university cadets	109
Martirosyan S.A., Ovrutskaya G.K., Bezverbnaya N. A. Skulshooting in the era of digitalization	119
Ovchinnikova T. M. Dramatek technology in mediation	124
Pupykin N. I. Russian-American information confrontation at the turn of the XX-XXI centuries	129
Skalaban I. A. Community analysis tools in urban conflicts (on the example of Novosibirsk)	138
Information for Authors	143

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.1

Научная статья

УДК 316.4

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.1>**Государственная национальная политика
и молодежные объединения на Юге России****Андрей В. Бедрик¹**¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

e-mail: abedrik@bk.ru

Елена Л. Щукина²²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

e-mail: elshukina@sfedu.ru

Аннотация.

В статье анализируется деятельность молодежных общественных объединений как субъектов национальной политики в России, что является новым исследовательским направлением, осуществляемым на стыке двух предметных областей научного знания – этнополитологии и этносоциологии. Стратегия государственной национальной политики России в качестве приоритетной задачи, сформулировала активизацию участия общественных организаций в развитии и регулировании сферы межэтнических отношений. Однако сами гражданские организации проявляют недостаточную активность в реализации данной задачи.

Авторами приводятся результаты собственного опроса молодежи Ростовской области, Краснодарского края и Республики Крым в рамках проекта «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России». По результатам анкетирования было установлено, что наибольшую активность в деятельности молодежных общественных объединений проявляет студенческая молодежь, которая, помимо реализации государственной политики, иницирует собственные проекты в наиболее интересных для нее областях, в частности, сохранении исторического наследия, медиации в межэтнических конфликтах и благотворительной деятельности.

Составлен реестр молодежных общественных организаций, включающих в свои уставы реализацию государственной национальной политики. Проведена диагностика деятельности молодежных общественных объединений трех субъектов южнороссийского региона: Ростовской области, Краснодарского края и Республики Крым, участвующих в реализации национальной политики России; осуществлена оценка их социальной эффективности в данной сфере. Проведено глубинное интервьюирование лидеров молодежных объединений и субъектов реализации национальной политики, представителей государственных и муниципальных структур.

Ключевые слова

национальная политика; молодежные общественные объединения; молодежь; некоммерческая организация; национально-культурные объединения.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ проект № 21-011-31684 «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России».

Для цитирования

Бедрик А.В., Щукина Е.Л. (2021). Государственная национальная политика и молодежные объединения на Юге России. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 10–16 . <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.1>

State national policy and youth associations in the South of Russia**Andrey V. Bedrik¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

e-mail: abedrik@bk.ru

Elena L. Shchukina²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

e-mail: elshukina@sfedu.ru

Abstract

The article analyzes the activities of youth public associations as subjects of national policy in Russia, which is a new research direction carried out at the junction of two subject areas of scientific knowledge – ethnopolitology and ethnosociology. The strategy of the state national policy of Russia, as a priority task, formulated the activation of the participation of public organizations in the development and regulation of interethnic relations. However, civil organizations themselves show insufficient activity in the implementation of this task.

The authors present the results of their own survey of the youth of the Rostov Region, Krasnodar Region and the Republic of Crimea, within the framework of the project "Youth public associations in the implementation of priority areas of state national policy in the South of Russia". According to results of the survey, it was found that the student youth is the most active in the activities of youth public associations, which, in addition to implementing state policy, initiates its own projects in the areas most interesting to it, in particular, the preservation of historical heritage, mediation in interethnic conflicts and charitable activities.

Register of youth public organizations has been compiled that include the implementation of the State national policy in their charters. Diagnostics of the activity of youth public associations of three subjects of the Southern Russian region: Rostov region, Krasnodar Territory and the Republic of Crimea, participating in the implementation of the national policy of Russia; an assessment of their social effectiveness in this area was carried out. In-depth interviewing of leaders of youth associations and subjects of national policy implementation, representatives of state and municipal structures was conducted.

Keywords

national policy; youth public associations; youth; non-profit organization; national cultural associations.

For Citation

Bedrik A. V., Shchukina E. L. (2021). State national policy and youth associations in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 10–16. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.1>

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and EISR project No. 21-011-31684 «Youth public associations in the implementation of the priorities of the state national policy in the South of Russia».

Введение.

Роль и место молодежных общественных объединений представляется чрезвычайно важной и актуальной в гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений на Юге России. Именно молодежь является, с одной стороны, наиболее активной социальной группой, с другой, - наиболее конфликтогенной (Чупров,Зубок,2015), соответственно, увеличение количества молодежных объединений и распространение их деятельности на развитие гармоничных межнациональных отношений будет способствовать усилению роли молодежных инициатив, проектов. Следует отметить, что наряду с количественным ростом различных молодежных объединений, возрастанием их роли как субъектов социальной политики, наблюдается явная недооценка их значимости в современном обществе, недооцениваются возможности их конструктивной работы. Иницируемые же государством или педагогическим сообществом мероприятия не находят должного отклика, а подчас и отторгаются молодежной средой, так как используются модели психолого-педагогической работы, не коррелирующие с их интересами. В самой молодежной среде актуализируется запрос на учет их мнения, что выявлено и в нашем исследовании, в ответах молодых респондентов. Соответственно, расширение сферы деятельности молодежных объединений, с включением проблематики межэтнической консолидации, позволит в полной мере реализовать стоящие перед современным государством и обществом задачи. «Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025 года» декларирует необходимость: «использования потенциала институтов гражданского общества, в том числе национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, в целях гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряженности, экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды» (Стратегия государственной национальной политики, 2012).

Методология и методы исследования

Теоретико-методологическая база исследования базировалась на неинституциональном подходе, что обусловлено необходимостью анализа общественных объединений, целевой группой деятельности которых выступает молодежь. В рамках исследовательского проекта использовались отдельные положения структурно-функционального подхода, что обеспечило возможности для анализа эффективности деятельности молодежных объединений в указанной сфере; компаративистский подход, который позволит сравнить социальные практики деятельности молодежных общественных объединений и перспективы имплементации лучших из них в различных региональных и локальных условиях.

Эмпирическое исследование проведено с применением метода опроса в форме анкетирования и интервьюирования. В настоящем исследовании принимало участие более 1500 респондентов: Ростовская область (523); Краснодарский край (518); Республика Крым (509). Выборка осуществлена в соответствии со следующими статистическими критериями: пол, возраст, место жительства, уровень образования, тип занятости. Для реализации поставленной задачи также использовался метод глубинных интервью с лидерами молодежных общественных объединений и должностными лицами, занимающимися национальной политикой в трех исследуемых регионах. Категория «молодежь», включала респондентов от 18 до 35 лет, что определено ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (ФЗ «О молодежной политике РФ», 2020).

Результаты и их обсуждение

Для эффективной реализации государственной национальной политики по регулированию межэтнических и межконфессиональных отношений «Стратегия государственной национальной политики» четко определила задачи по «воспитанию культуры межнационального общения, основанной на толерантности; создание в образовательных учреждениях структур студенческого самоуправления на интернациональной основе; проведение молодежными общественными объединениями мероприятий по профилактике проявлений межэтнической (межнациональной) нетерпимости и др.» (Стратегия государственной национальной политики, 2012). Помимо этого, подчеркивается, что сохраняют «актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической и религиозной нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма и терроризма» (Стратегия государственной национальной политики, 2012).

Как отмечается в многочисленных исследованиях по этносоциологии, этнической психологии, проявление агрессии, как правило, является безличным. Межкультурный диалог, знакомство с ценностями и традициями других культур, их многообразием, во многом, минимизирует конфликтогенную составляющую и позволяет преодолевать дистанцирование по принципу «свой» - «чужой». Чем более толерантно относятся респонденты к представителям иной национальности, тем в большей мере их отношение основано на личном опыте, и наоборот, агрессивные и нетерпимые настроения, во многом, базируются на иных источниках – опыте родственников, суждениях их окружения или СМИ (Щукина, 2020). Иницилируемые молодежными объединениями этнокультурные мероприятия, призваны минимизировать конфликтогенную составляющую, познакомить молодежь с многогранностью культурного богатства всех народов, проживающих в стране и регионе, способствовать формированию общероссийской идентичности.

Согласно приведенной таблице (Таблица 1), молодежь заинтересована участвовать в разрешении межэтнических конфликтов, брать на себя функции медиатора. Данная задача находится на втором или третьем месте по степени приоритетности интересов, в зависимости от субъектов южнороссийского региона. На первом месте у всех ре-

спондентов указывается деятельность по сохранению исторического наследия, трансляции исторической памяти посредством проведения исторических реконструкций и разработке историко-культурных туристических маршрутов.

Таблица 1.

Средняя арифметическая оценки интереса респондентов к направлениям деятельности молодежных организаций (Множественный выбор)

№	Вариант ответа	Ростовская область (в %)	Краснодарский край (в %)	Республика Крым (в %)
1	Популяризация культуры разных народов (кухня, обычаи, праздники, экскурсии и т.д.)	3,56	3,34	3,21
2	Популяризация языков разных народов	3,47	3,30	2,99
3	Решение конфликтов между представителями разных народов	3,85	3,67	3,50
4	Религиозное воспитание	2,37	2,85	2,63
5	Патриотическое воспитание	2,85	3,48	3,03
6	Благотворительные акции	3,83	3,94	3,65
7	Сохранение исторической памяти (реконструкции исторических событий, туристические маршруты и т.д.)	3,96	3,88	3,94

В Ростовской области несколько лет успешно реализуется проект «150 культур Дона», инициированный ОНФ и осуществляемый Министерством общего и профессионального образования Ростовской области, Южным федеральным университетом, представителями общественных некоммерческих организаций диаспор и землячеств, а также молодежными общественными организациями. Вовлечение широкого круга средних общеобразовательных учреждений в осуществление данного проекта, заинтересованность подростков и молодежи в его осуществлении как раз и способствует сохранению исторической памяти и историко-культурному просвещению молодежи. Данный проект можно рассматривать как реальную социальную практику в целях гармонизации межэтнических отношений на Юге России, в котором участвовали представители различных возрастных групп и осуществлялась административная поддержка.

Деятельность молодежных общественных объединений, как и, в целом, всех некоммерческих объединений, осуществляется за счет грантовой поддержки – Фонда Президентских грантов, комитета по молодежной политике, Министерства культуры, администрации региона, муниципальных образований, и др. (Курбатов, Месхи, Панфилова, Степанов, 2017). Для регулярного получения грантов нужно уметь грамотно и профессионально составлять заявки, что не всегда получается у молодых людей. При проведении интервьюирования, лидеры молодежных организаций высказывали мнение о том, что сфера этнокультурной политики практически не финансируется со стороны муниципалитетов.

Согласно приведенной таблице (Таблица 2), в наибольшей степени респондентов волнует вопрос поддержки их инициативы на уровне страны и региона; возможность открытого выражения своего мнения; помощь в области профессиональной подготовки и вопрос финансирования тоже выделены в качестве приоритетного, но финансирование не главная проблема в исследуемых регионах.

Исследуя социальную эффективность деятельности молодежных общественных объединений по интервьюированию информантов – лидеров молодежных организаций, где они демонстрируют достаточно позитивную картину оценки конкретных практик

гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур, можно частично согласиться с их результативностью. В то же время, рассматривая охват целевой аудитории, с получением от нее обратной связи, деятельность, в целом, представляется недостаточной. Диаграмма (Таблица 3) демонстрирует явное отсутствие информации о проведении этнокультурных мероприятий молодежными объединениями в социальных медиа. Подавляющее количество ответов – «крайне редко встречали информацию» (35,7%) и «никогда» (23,5%).

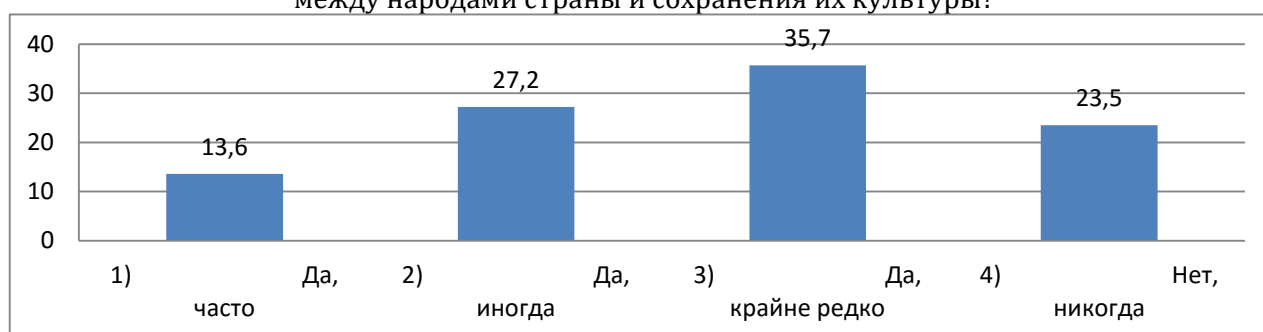
Таблица 2.

Как Вы полагаете, что необходимо сделать, чтобы молодежные общественные объединения более эффективно решали вопросы укрепления отношений между народами и сохранения их культур (не более 3-х вариантов ответа)? (Множественный выбор)

№	Варианты ответа	РО	КК	ПК
1	Ничего не нужно делать, они вносят заметный вклад в решение этих вопросов	3,5	9,2	9,6
2	Ничего не нужно делать, потому что молодежные объединения не способны внести вклад в решение этих проблем	7,7	13,5	12,2
3	Отделить эти объединения от государства	19,3	13,8	12,8
4	Выделять им больше денег	35,3	26,9	24,4
5	Готовить профессионалов для организации деятельности таких объединений	45,2	41,9	45,5
6	Дать молодежным объединениям возможность открыто выражать свое мнение по всем вопросам	66,7	62,7	60,3
7	Объединить эти молодежные организации под крылом государства	12,3	18,5	21,2
8	Поддерживать их инициативы на уровне страны и региона	69,5	56,2	51,9
9	Перевести их на самостоятельное обеспечение ресурсами (деньгами, людьми и т.д.)	10,3	11,2	11,5
10	Уменьшить контроль	16,9	10	15,4
11	Другое	0,9	0,8	2,6

Таблица 3.

Часто ли Вы встречаете в Интернете (социальных сетях) информацию об акциях, форумах, слетах и т.п., которые проводят молодежные объединения для укрепления отношений между народами страны и сохранения их культуры?

Несмотря на оформление институционально-правовых рамок деятельности гражданских институтов, декларацию на всех политических уровнях приоритетной задачи их участия в реализации направлений российской национальной политики, расширение материальной поддержки, социальная эффективность соответствующих институтов остается низкой. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов населения Юга России, по результатам которых только 12% респондентов положительно оценивают участие НКО в регулировании межэтнических отношений в регионе и сохранении национальных культур (Бедрик А.В., Сериков А.В., 2016).

Невозможно переоценить значимость межкультурного диалога для сохранения толерантных взаимоотношений и профилактики межэтнических конфликтов в регионе, сохранения единого социокультурного пространства страны. Необходимо акцентировать внимание не на том, что нас разъединяет, а на том, что объединяет. Выводы о необходимости деполитизация этнокультурных общностей, «деполитизации этничности», подчеркиваются во многих исследованиях (Бинеева, Чернобровкина, Мамина, 2020).

Одним из аспектов нашего исследования являлся анализ, по материалам СМИ, уровня общественной репрезентации выявленных социальных практик деятельности молодежных общественных объединений в сфере реализации национальной политики РФ. Мониторинг масс-медиа уточнил, что презентация текущих мероприятий, организуемых молодежными общественными организациями по межкультурной коммуникации, представляется весьма недостаточной. Соответственно, имеющийся у молодежных объединений потенциал используется недостаточно.

Заключение

Рассматривая молодежные общественные объединения в качестве акторов социально-культурного проектирования гармоничных межэтнических отношений, следует подчеркнуть, что данные объединения еще не играют ведущей роли, в реализации государственной национальной политики. Реестр молодежных общественных объединений, составленный авторами, демонстрирует весьма широкую представленность различных структур, включающих в свою деятельность вопросы гармонизации межэтнических отношений, сохранения и трансляции историко-культурного наследия. В то же время, социальная эффективность деятельности молодежных объединений с точки зрения других субъектов государственной национальной политики Юга России (органов государственной власти, органов местного самоуправления, национально-культурных объединений, институтов образования, СМИ), а также с точки зрения их собственной социальной базы – российской молодежи, представляется на сегодняшний день недостаточной.

Во многих случаях молодежь рассматривается как объект воздействия со стороны общества, государственных структур для её успешной социализации, вовлечения в политическую деятельность и, в дальнейшем, расширения участия в формировании успешного будущего нашего государства. В то же время, молодежные общественные организации можно рассматривать как своеобразные структуры медиаторов, между государством и молодежью, в целом.

Поскольку, исследовательский проект направлен на диагностику современного состояния молодежных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики, следует сделать вывод об активном участии узкого сегмента молодых, инициативных молодежных лидеров в инициировании и реализации молодежных проектов. К сожалению, большинство молодых людей не вовлечены, да и не знают о существовании многих молодежных объединений. Соответственно, можно предложить органам государственной власти и местного самоуправления более активно привлекать молодежных лидеров и молодежь, в целом, для решения актуальных задач межэтнических и межконфессиональных отношений на региональном и муниципальном уровне, т.к. именно молодежь призвана стать стратегическим ресурсом в реализации государственной национальной политики.

Литература

- Бедрик, А.В., Сериков, А.В. (2016). Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону). *Социально-гуманитарные знания*, 11, 123-131.
- Бинеева, Н.К., Чернобровкина, Н.И., Мамина, Д.А. (2021). Социальная справедливость в регулировании межэтнических отношений на Юге России: опыт социологического исследования. *Россия реформирующаяся*, 19, 444-461.

- Курбатов, В.И., Месхи, Б.Б., Панфилова, Ю.С., Степанов, О.В. (2017). Население юга России о перспективах регулирования межэтнических отношений органами региональной власти и муниципального управления. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 6, 61-67.
- О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 года №489 ФЗ. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>
- Чупров, В.И., Зубок, Ю.А., Уильямс, К. (2015). *Молодежь в обществе риска*. М.: Юридическое издательство Норма, 230.
- Щукина, Е.Л. (2020). Возможности распространения установок экстремизма через молодежные субкультурные объединения. *Обзор.НЦПТИ*, 4 (23), 54-59.

References

- Bedrick, A.V., Serikov, A.V. (2016). A large Southern Russian city as an environment of interethnic interaction (on the example of Rostov-on-Don). *Social and Humanitarian Knowledge*, 11, 123-131.
- Bineeva, N.K., Chernobrovkina, N.I., Mamina, D.A. (2021). Social justice in the regulation of interethnic relations in the South of Russia: the experience of sociological research. *Russia Reforming*, 19, 444-461.
- Kurbatov, V.I., Meskhi, B.B., Panfilova, Yu.S., Stepanov, O.V. (2017). The population of the South of Russia on the prospects of regulating interethnic relations by regional authorities and municipal administration. *POISK: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*, 6, 61-67.
- On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law No. 489 FZ of December 30, 2020. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>
- The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>
- Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A., Williams, K. (2015). *Youth in a risk society*. M.: Norma Legal Publishing House, 230.
- Shchukina, E.L. (2020). The possibilities of spreading extremist attitudes through youth subcultural associations. *Review. NCPTI*, 4 (23), 54-59.

Дата получения рукописи: 14.11.2021

Дата окончания рецензирования: 29.11.2021

Дата принятия к публикации: 13.12.2021

Информация об авторах

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: abedrik@bk.ru

Щукина Елена Львовна – кандидат исторических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: elshukina@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: abedrik@bk.ru

Shchukina Elena Lvovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: elshukina@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.2

Научная статья

УДК 316.35

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.2>**Молодежные общественные объединения в сфере национальной политики:
оценки ростовской молодежи****Анастасия А. Зайцева¹**¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

e-mail: anastt@sfedu.ru

Юлия С. Панфилова²²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия

email: panfilovajulia@mail.ru

Аннотация**Введение.** Настоящее исследование посвящено изучению представлений региональной молодежи о деятельности молодежных общественных объединений в сфере национальной политики.**Методы.** Теоретико-методологическую базу исследования составляет синтез неонституционального, структурно-функционального и социокультурного подходов. В эмпирическом исследовании приняло участие 523 респондента из Ростовской области в октябре-ноябре 2021 года.**Результаты и их обсуждение.** Авторы приходят к выводу о позитивном представлении молодежи о роли таких гражданских акторов, наряду с противоречивыми оценками их деятельности с точки зрения социальной и личностной эффективности. Отмечается несоответствие потребностей и интересов молодежи проводимым молодежными организациями акциям и мероприятиям. Повышение уровня осведомленности о молодежных организациях в сфере национальной политики через блоги и социальные сети, учет выявленных противоречий и несоответствий может лечь в основу для рекомендаций по повышению качества государственной национальной политики в Ростовской области.**Ключевые слова**

молодежные организации; общественные объединения; национальная политика; молодежь; Ростовская область, Юг России.

Для цитированияЗайцева А. А., Панфилова Ю. С. (2021). Молодежные общественные объединения в сфере национальной политики: оценки ростовской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 17–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.2>**Благодарности:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31684 «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России»**Youth public associations in the field of national policy:
estimates of the youth in Rostov region****Anastasiya A. Zaytseva¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

email: anastt@sfedu.ru

Yulia S. Panfilova²²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

email: panfilovajulia@mail.ru

Abstract**Introduction.** This study is devoted to learning of the opinions of regional youth about the activities of youth public associations in the field of national policy.

Methodology. Theoretical and methodological basis of the research is the synthesis of neo-institutional, structural-functional and socio-cultural approaches. 523 respondents took part in the empirical study in October-November 2021 in the Rostov region.

Results and its discussion. The authors come to the conclusion about positive perception of young people about the role of such civic actors, along with contradictory estimates of their activities from the point of view of social and personal effectiveness. There is a discrepancy between the needs and interests of young people to the actions and events held by youth organizations. Raising awareness of youth organizations in the field of national policy through blogs and social networks, taking into account the identified contradictions and inconsistencies can form the basis for recommendations to improve the quality of state national policy in the Rostov region.

Keywords

youth organizations; public associations; national policy; youth; Rostov region, South of Russia.

For citation

Zaytseva A.A., Panfilova Yu. S. (2021). Youth public associations in the field of national policy: estimates of the youth in Rostov region. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 17–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.2>

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31684

Введение

Молодежные организации в сфере национальной политики являются важнейшим актором урегулирования межнациональных взаимодействий в российском обществе. Реестр таких организации в Ростовской области насчитывает более 60 юридических лиц. Сюда можно включить и православные религиозные организации, и национально-культурные автономии, и казачьи общества, и патриотические движения. Все они так или иначе выполняют работу, связанную с межэтническими и межрелигиозными вопросами. Однако в большинстве таких организаций молодёжное крыло является частью полноценной организации, а не автономной структурой.

В научной литературе изучались некоторые аспекты, связанные с деятельностью общественных организаций: их экономическая деятельность (Филоненко&Ковалев, 2016), политическая социализация молодежи в рамках некоммерческих организаций (Отроков, 2021), деятельность диаспор (Чикарова, 2019), молодежные корейские организации (Ким&Ким, 2020), казачьи организации (Полянчук, 2018). Кроме того, рассматривались различные вопросы, связанные с межэтническими взаимодействиями в Ростовской области (Бедрик, Бинеева, Дюжиков, 2018; Бедрик, Дьяченко, Бинеева 2019). Однако то, как воспринимает деятельность таких молодежных организаций в целом молодежь Ростовской области и насколько она включена в нее, пока не изучалось.

Методология

Теоретико-методологическую базу исследования составляет синтез неинституционального, структурно-функционального и социокультурного подходов. С целью исследования оценок молодежи Ростовской области деятельности молодежных организаций в сфере национальной политики был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 523 респондента в октябре-ноябре 2021 года. Репрезентативность настоящего исследования достигалась за счет выборки по следующим статистическим критериям: пол, возраст, место жительства, уровень образования, тип занятости.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь необходимо было выявить представления молодежи о том, какое место занимают задачи, связанные с межэтническими и межрелигиозными взаимодействиями, среди ведущих направлений государственной политики. По мнению молодежи Ростовской области, среди приоритетных направлений государственной политики эти задачи не занимают лидирующих мест. Гораздо больше молодые люди обеспокоены ситуацией с необходимостью повышения уровня жизни населения (77,2%), улучшения ситуации в социальной сфере (60,3%), регулирования уровня коррупции, установление законности и правопорядка (47,6%). Развитие гражданских институтов и совершенствование местного самоуправления, сохранение культур народов, живущих на

территории страны и обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия в обществе как приоритетные направления государственной политики рассматриваются не более 15%.

Говоря о роли молодежи в жизни региона, молодые люди скорее склонны считать, что они сами могут оказывать влияние на решение отдельных вопросов и проблем (42,1%), но не являются полноценным активным игроком (диаграмма 1). Только 18,4% из опрошенных считают, что молодежь Ростовской области играет активную роль в жизни региона.

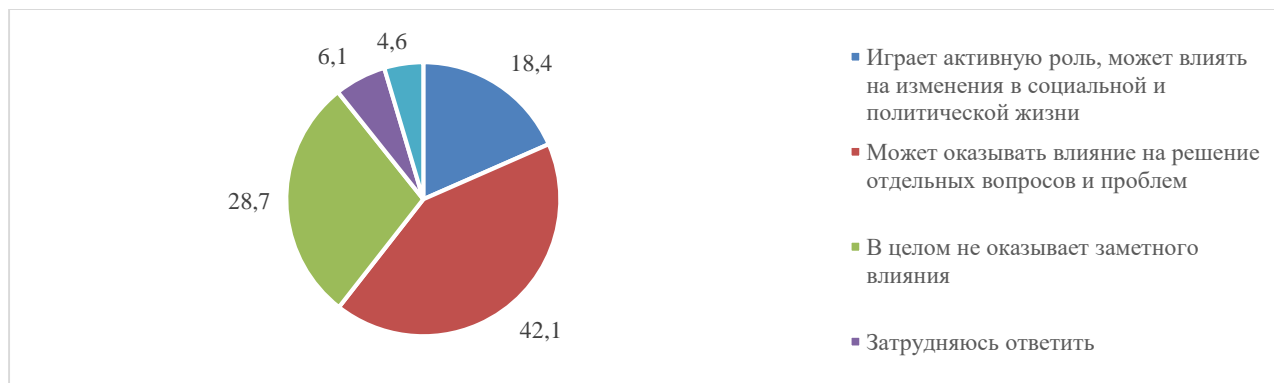

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос : «Как Вы полагаете, какую роль играет в социальной и политической жизни Вашего региона (области, края, республики) молодежь (1 ответ)?» (в %)

Тем не менее, среди основных рычагов воздействия на социальную и политическую жизнь в Ростовской области именно общественные организации занимают первое место, по мнению молодежи (диаграмма 2). Далее следует все больше набирающий обороты канал информации – социальные сети и блоггерство. После чего идут варианты ответов «участие в выборах» (47,8%) и «проведение акций и митингов» (42,1%), что отражает определенные сдвиги в массовом сознании, так как долгие годы исследования показывали молодежный абсентеизм и отсутствие веры в возможность влияния через политические механизмы участия.

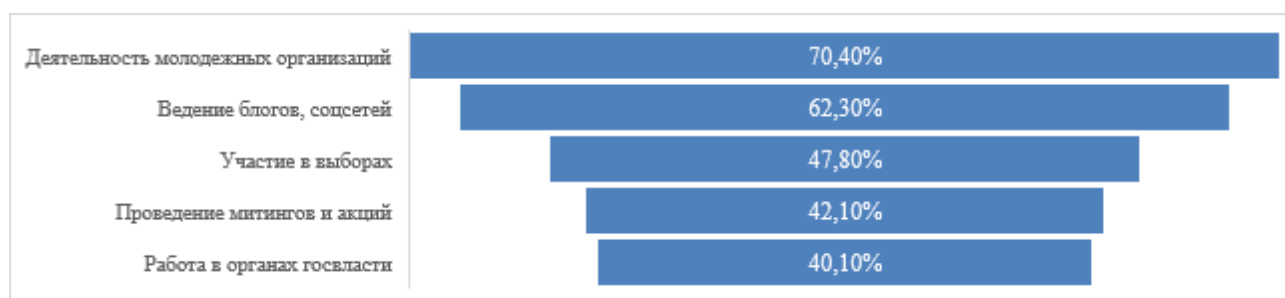

Диаграмма 2. Воронка основных каналов влияния на социальную и политическую жизнь в регионе (в %)

На вопрос о знании молодежных организаций, занимающихся вопросами национальной политики, более половины молодых людей Ростовской области ответили, что никогда о них не слышали (59,9%). Одновременно молодые люди чаще встречают информацию о конкретных гражданских практиках: акциях, форумах, слетах (часто – 13,6%, иногда – 27,2%, редко – 35,7%, никогда – 23,5%). Данный факт выявляет противоречие в осведомленности о деятельности организаций и о самих акторах. Молодежным общественным объединениям следует уделять более глубокое внимание собственному имиджу, информированности о себе со стороны молодежи как целевой группы.

Небольшая часть молодежи являются постоянными участниками общественной деятельности региона. Около трети волонтеров и активистов Ростовской области связаны с деятельностью межнациональных и межрелигиозных взаимоотношений. Какие направления деятельности таких молодежных организаций были бы интересны молодым людям больше всего? На данный вопрос респонденты отвечают так: сохранение исторической памяти (реконструкции исторических событий, туристические маршруты и т.д.) и решение конфликтов между представителями разных народов. Этот аспект вызывает особую тревогу респондентов в связи с участвовавшими в СМИ сообщениями о столкновениях представителей различных национальностей (<https://lenta.ru>, 2021). В связи с этими событиями в ноябре в Госдуме был внесен законопроект, запрещающий упоминания национальности преступников. В случае принятия данного закона, акцент общественного внимания может быть смещен в сторону самого события, а не личностей. Необходимо также добавить, что молодых людей интересует аспект благотворительности, несмотря на то, что это направление не входит в основные мероприятия организаций, занимающихся вопросами межнациональных и межрелигиозных взаимодействий. И в целом, рост потребности молодежи участия в благотворительности отмечается уже на протяжении нескольких лет (Зайцева, 2021).

В связи с этим между интересами молодежи и деятельностью молодежных организаций в сфере национальной политики наблюдается разногласие, ведь последние делают больший акцент на культурных практиках. Поэтому более половины опрошенных выражают сомнение в том, что сами мероприятия отвечают потребностям и помогают решить проблемы этой социальной группы. Так как число высоких и низких оценок социальной эффективности деятельности молодежных объединений примерно равны, можно констатировать, что ответы респондентов сильно поляризованы, что говорит о несформированности четкого мнения по данному вопросу. Респонденты затрудняются ответить, действительно ли деятельность молодежных объединений помогает решать проблемы укрепления отношений между народами страны, сохранять культуру.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос о личностной эффективности деятельности молодежных организаций (в %)

№	Вариант ответа	Согласие	Несогласие
1	Деятельность молодежных объединений нашего региона помогла мне изменить мнение о народах, проживающих в нашей стране, в лучшую сторону	42,5	57,5
2	Благодаря деятельности молодежных объединений я узнал много нового о народах нашей страны / моего региона	45	55
3	Благодаря деятельности молодежных объединений я понял, что некоторые мои представления о народах нашей страны были всего лишь стереотипом	43	57
4	Благодаря деятельности молодежных объединений я понял, что мне тоже интересно и важно заниматься проблемами укрепления отношений между народами и сохранением их культур	47,4	52,6
5	Для меня важно вносить свой вклад в реализацию проектов по укреплению отношений между народами и сохранению их культур	58,8	41,2

Практически по всем аспектам, связанным с личностной эффективностью деятельности молодежных организаций, мнения молодежи Ростовской области распределились поровну, с небольшим отклонением в сторону отрицания. (табл. 1). Вероятно,

этот аспект напрямую связан с осведомленностью и непосредственным участием в деятельности молодежных организаций, связанных с национальной политикой. То есть, практически половина опрошенных отмечает позитивные изменения в виде новых знаний о других народах, возможности сломать негативные стереотипы, понимание важности таких социальных практик. А другая половина, наоборот, с этими утверждениями не согласна. Единственным, получившим большее число положительных оценок, является утверждение о понимании важности собственного вклада в реализацию проектов по укреплению отношений между народами (58,8% против 41,2%).

Основной возможностью для себя в рамках молодежных национальных объединений респонденты видят способ проявить себя, найти друзей и единомышленников. При этом более 30% считают, что не существует таких объединений, которые были бы им интересны, и 45% говорят о том, что о них очень мало информации.

Последний вопрос связан с тем, что сама молодежь может предложить для повышения эффективности деятельности молодежных организаций. Здесь 69% ответили, что необходимо поддерживать их инициативы на уровне страны и региона, 66% – дать молодежным объединениям возможность открыто выражать свое мнение по всем вопросам. Такое распределение говорит о понимании необходимости усиления значимости гражданских институтов, увеличение их свободы и независимости. Около 45% молодежи считают, что необходимо готовить профессионалов для организации деятельности таких объединений. Действительно, для качественной работы в социальной сфере нужны определенные знания специфики региона, социальных проблем, юридических аспектов деятельности, финансовой грамотности, умения подавать заявки на гранты и понимать основы продвижения своей деятельности в СМИ и социальных сетях.

Подводя итоги, можно отметить несколько аспектов. Во-первых, по мнению молодежи Ростовской области, вопросы межнационального, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия не являются приоритетными для государственной политики. Во-вторых, молодые люди Ростовской области лучше осведомлены о конкретных мероприятиях, проводимых молодежными организациями в сфере межнациональных вопросов, нежели о самих организациях. Во-третьих, молодые люди считают молодежные общественные объединения эффективным механизмом воздействия на социальную и политическую жизнь в регионе. В-четвертых, наблюдается противоречие между потребностями, интересами молодежи и направлениями деятельности молодежных организаций. Молодые люди считают сохранение исторической памяти, решение межнациональных конфликтов и благотворительность приоритетными, в то время как молодежные общественные объединения скорее делают акцент на культурных практиках. В-пятых, респонденты скорее не согласны с тем, что мероприятия этих объединений оказали влияние на их представления о других народах и национальностях. Они затрудняются и в оценках не только личностной, но и социальной эффективности деятельности молодежных объединений. Хотя одновременно осознают важность собственного вклада в реализацию проектов по укреплению отношений между народами. И, наконец, в-шестых, молодые люди считают, что для повышения эффективности молодежной политики в изучаемой сфере необходимо давать больше свободы таким организациям, поддерживать их инициативы и готовить профессионалов для такой деятельности.

Заключение

Таким образом, в представлениях молодежи Ростовской области в целом складывается позитивный образ молодежных общественных объединений об их роли в жизни регионального социума. Однако, когда речь идет о конкретном социальном и личностном эффекте, молодежь затрудняется ответить или дает негативные оценки. Понима-

ние потребностей и интересов целевой группы, учет существующих разногласий в представлениях и реальных оценках молодежи помогут существенно трансформировать деятельность молодежных объединений в сфере национальной политики региона.

Литература

- Бедрик, А. В., Бинеева Н. К., Дюзиков С. А. (2018). Гражданский потенциал регулирования межэтнических отношений в современном российском обществе. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, 206-210.
- Бедрик, А. В., Дьяченко А. Н., Бинеева Н. К. (2019). Социальные субъекты гармонизации межэтнических отношений на Юге России: управленческий и гражданский потенциал. *Гуманитарий Юга России*, 8, 2, 137-147.
- Зайцева, А. А. (2021). Типы социального поведения студентов вузов Ростовской области в гражданской сфере. В *Ломоносов - 2021: материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12-23 апреля 2021 года*. Москва: ООО "МАКС Пресс".
- Ким, И. К., Ким, И. А. (2020). Молодежные корейские организации Юга России как фактор сохранения идентичности корейской молодёжи. *Корееведение в России: направление и развитие*, 1, 127-133.
- Отроков О. Ю. (2021). Специфика деятельности некоммерческих организаций России в направлении политической социализации молодежи. *Власть*, 2, 212-217.
- Полянчук, Т. В. (2018). Казахи организаций в консолидации гражданского общества. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2018, 5, 88-103.
- Трое дагестанцев избили заступившегося за девушку пассажира метро. Главное о нападении в Москве (2021). Информационный портал Lenta.ru. Режим доступа: <https://lenta.ru/brief/2021/10/07/izb/>
- Филоненко, Ю. В., Ковалев, В. С. (2016). Социальные нормы в экономической деятельности молодежных общественных организаций региона (на примере Ростовской области). *Россия: тенденции и перспективы развития*. 11-3, 631-634.
- Чикарова, Г. И. (2019). Диаспоры Ростовской области как субъект гармонизации межэтнических отношений. *Caucasian Science Bridge*. 2(4), 37-43.

References

- Bedrik, A.V., Bineeva N. K., Dyuzhikov S. A. (2018). The civil potential of regulating interethnic relations in modern Russian society. State and municipal administration. *Scientific Notes*, 4, 206-210.
- Bedrik, A.V. Dyachenko, A. N., Bineeva, N. K. (2019). Social subjects of harmonization of interethnic relations in the South of Russia: managerial and civil potential. *Humanities of the South of Russia*, 8, 2, 137-147.
- Zaytseva, A. A. (2021). Types of social behavior of university students of the Rostov region in the civil sphere. *Lomonosov - 2021: materials of the International Youth Scientific Forum, Moscow, April 12-23, 2021*. Moscow: MAX Press LLC.
- Kim, I. K., Kim, I. A. (2020). Korean youth organizations in the South of Russia as a factor in preserving the identity of Korean youth. *Korean Studies in Russia: Direction and Development*, 1, 127-133.
- Otrokov O. Yu. (2021). The specifics of the activities of non-profit organizations in Russia in the direction of political socialization of youth. *Power*, 2, 212-217.
- Polyanchuk, T. V. (2018). Cossack organizations in the consolidation of civil society. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2018, 5, 88-103.
- Three Dagestanis beat up a subway passenger who stood up for the girl. The main thing about the attack in Moscow (2021). Information portal Lenta.ru. Access mode: <https://lenta.ru/brief/2021/10/07/izb/>
- Filonenko, Yu. V., Kovalev, V. S. (2016). Social norms in the economic activity of youth public organizations in the region (on the example of the Rostov region). *Russia: trends and prospects of development*. 11-3, 631-634.
- Chikarova, G. I. (2019). Diasporas of the Rostov region as a subject of harmonization of interethnic relations. *Caucasian Science Bridge*. 2(4), 37-43.

Дата получения рукописи: 30.11.2021

Дата окончания рецензирования: 08.12.2021

Дата принятия к публикации: 15.12.2021

Информация об авторах

Зайцева Анастасия Андреевна – стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: anastt@sfedu.ru

Панфилова Юлия Сергеевна – старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: panfilovajulia@mail.ru

Information about the authors

Zaytseva Anastasiya Andreevna – Trainee researcher, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: anastt@sfedu.ru

Panfilova Yuliya Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: panfilovajulia@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Заявленный вклад авторов:

Зайцева Анастасия Андреевна – подбор и анализ литературы по теме исследования, анализ и интерпретация результатов эмпирического исследования, итоговые выводы.

Панфилова Юлия Сергеевна – разработка концепции, программы и социологического инструментария исследования, статистическая обработка данных результатов эмпирического исследования.

The declared contribution of the authors:

Zaytseva Anastasiya Andreevna – selection and analysis of literature on the research topic, analysis and interpretation of results of the empirical research, final conclusions.

Panfilova Yuliya Sergeevna – development of the concept, program and sociological research tools, statistical processing of data from results of the empirical research.

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.3

Научная статья

УДК 316.334

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.3>**Факторы снижения доступности массового спорта для молодежи****Валерий В. Касьянов¹**¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Краснодарский край, Россия

e-mail: culture@kubsu.ru

Андрей А. Болозин²,² Астраханский государственный университет, Астрахань, Астраханская область, Россия

e-mail: andrew-bolozin@mail.ru

Аннотация

Введение. Автором статьи анализируется состояние отрасли массового спорта в регионах современной России (на примере Южного федерального округа) на предмет обеспечения доступности спортивно-массовых услуг для молодёжи в возрасте 21-30 лет как наиболее уязвимой группы с точки зрения удовлетворения потребности в занятии массовой спортивной деятельностью. Определяется актуальность исследования, связанная со снижением вовлеченности в массовую спортивную деятельность молодежи возрастной категории 21-30 лет.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением метода анализа документов, в числе которых выступают постановления региональных органов власти и результаты исполнения принятых программ развития массового спорта.

Результаты и их обсуждение. В исследовании осуществлен анализ тех ограничений в массовом спорте, которые потенциально способны породить барьеры, препятствующие определенной части молодежи быть систематически включенной в массовую спортивную деятельность. В числе барьеров, ухудшающих показатели доступности, рост коммерциализации, проявляющийся в увеличении общего процента молодых людей в возрасте 21–30 лет, которые включаются в занятия массовой спортивной деятельности в сегменте платных услуг. Изучение материально-технического состояния спортивной инфраструктуры, ориентированной на возрастную группу 21–30 лет, показало, что количество и качество спортивных объектов не соответствует реальным запросам молодежи, ее готовности заниматься массовой спортивной деятельностью. Оснащение и развитие спортивных учреждений имеет ситуативный, избирательный характер, с приоритетом в сторону профессиональных клубов, что создает неравенство в условиях между спортом профессиональным и массовым. Те молодые люди, которые не могут оплачивать занятия спортом, все больше отклоняются от здорового образа жизни к асоциальным, аддитивным проявлениям, что влечет за собой рост социально-обусловленных болезней, проявлений девиантного и делинквентного поведения у представителей данной социальной группы.

Ключевые слова

массовый спорт; молодёжь; здоровье; социализация; спортивная инфраструктура; регионы России.

Для цитированияКасьянов В. В., Болозин А. А. (2021). Факторы снижения доступности массового спорта для молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 24–31. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.3>**Factors reducing availability of mass sports for young people****Valery V. Kasyanov¹**¹ Kuban State University, Krasnodar, Krasnodar Region, Russia

e-mail: culture@kubsu.ru

Andrey A. Bolozin²,² Astrakhan State University, Astrakhan, Astrakhan Region, Russia

e-mail: andrew-bolozin@mail.ru

Abstract

Introduction. The author of the article analyzes the state of the mass sports industry in the regions of modern Russia (in the example of the Southern Federal District) in order to ensure availability of mass sports services for

young people aged 21-30 years as the most vulnerable group in terms of meeting the need for mass sports activities. The relevance of the study is determined, associated with a decrease in the involvement in mass sports activities of young people aged 21-30 years.

Methods. The empirical study was conducted using the method of analyzing documents, including resolutions of regional authorities and the results of the implementation of adopted programs for the development of mass sports.

Results and its discussion. The study analyzes those restrictions in mass sports that are potentially capable of generating barriers that prevent a certain part of young people from being systematically included in mass sports activities. Among the barriers that worsen accessibility indicators is the growth of commercialization, manifested in an increase in the overall percentage of young people aged 21-30 who are involved in mass sports activities in the paid services segment. The study of the material and technical condition of sports infrastructure aimed at the age group of 21-30 years showed that the quantity and quality of sports facilities does not correspond to the real needs of young people, their willingness to engage in mass sports activities. The equipment and development of sports institutions has a situational, selective nature, with priority towards professional clubs, which creates inequality in the conditions between professional and mass sports. Those young people who cannot pay for sports are increasingly deviating from a healthy lifestyle to antisocial, additive manifestations, which entails an increase in socially-conditioned diseases, manifestations of deviant and delinquent behavior among representatives of this social group.

Keywords

mass sports; youth; health; socialization; sports infrastructure; regions of Russia.

For citation

Kasyanov V. V., Bolozin A. A. (2021). Factors reducing availability of mass sports for young people. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 24–31. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.3>

Введение

Характерной тенденцией для XXI столетия стала проблема снижения двигательной активности среди молодого населения – гиподинамии, вызванной современным прогрессом. Освобождённые от физической активности в повседневной жизни представители молодёжной группы всё больше нуждаются в компенсации двигательной деятельности посредством участия в различных спортивных практиках, в том числе в массовом спорте как общедоступной форме спортивной деятельности. По мнению многих отечественных социологов, массовый спорт в современном российском социуме выступает в качестве важного элемента поддержания здоровья и жизненных сил молодёжи (Самыгин, 2015).

Тем не менее массовый спорт на сегодняшний день является в наименьшей степени доступным для молодёжи в возрасте 21-30 лет, так как данная возрастная группа оказывается не включенной в систему организующей занятия массовым спортом и не имеет достаточно материальных ресурсов для вхождения в неё.

В целом, по стране материально-техническое состояние системы спортивных объектов оставляет желать лучшего. Многочисленные социологические исследования свидетельствуют о низком уровне обеспечения спорта (Воронина, 2021). Остро ощущается недостаток спортивных объектов, в частности предназначенных для нужд массового спорта.

А.А. Юссуф и А.В. Аверин пришли к выводу о том, что максимальному включению молодежи в спортивно-массовую деятельность на современном этапе объективно препятствует отсутствие возможностей для занятий спортом для молодежи различных категорий: сельской, малообеспеченной, учащейся и т.д., а также малоразвитость спортивной инфраструктуры по стране в целом (Юссуф, Аверин, 2021).

Согласно данным опроса ВЦИОМ, 26% молодёжи не занимаются физической культурой и спортом вообще, при этом 16% отметили, что не занимаются, так как нет инфраструктуры для занятий (ВЦИОМ, 2018).

Часто оснащение и развитие спортивных учреждений имеет ситуативный, избирательный характер, с приоритетом в сторону профессиональных клубов. Как утверждает В.М. Крылова, такая ситуация создает неравенство в условиях между спортом профессиональным и массовым (Крылова, 2014).

По итогам исследования В.П. Демеш и В.В. Крыловой сделан вывод о том, что строящиеся сегодня спортивные сооружения в абсолютном большинстве предназначены для нужд профессионального спорта (Демеш, Крылова, 2021). Важной проблемой в области массового молодежного спорта сегодня является кардинальное усовершенствование материально-технической базы и инфраструктуры. В этой связи необходимо существенное увеличение финансирования отрасли с учетом приоритетного развития массового спорта.

Подобная ситуация, создавая неравенство возможностей, существенно снижает доступность для молодежи массового спорта как элемента, необходимого для социализации. С учетом всего сказанного цель в представленной статье можно определить как анализ инфраструктурных особенностей развития массового спорта, выступающих фактором, снижающим его доступность.

Особенности развития инфраструктуры массового спорта

Особенностью ЮФО является высокая численность занимающегося ФКиС населения, она превышает соответствующий показатель в других округах и составляет 48,5 % от общего числа населения округа (доля граждан).

В целом по уровню развития объектов физкультурно-спортивной отрасли ЮФО является относительно благополучным, однако существует ряд факторов, препятствующих доступности массового спорта для молодежи в возрасте 21–30 лет.

Рассмотрение различных нормативных актов (Постановление Правительства Ростовской области..., 2021) и документов региональных министерств ФКиС субъектов ЮФО (Постановление от 12.10.2015..., 2016-2020) позволяет обозначить ряд ключевых проблем, связанных с возникновением институциональных ограничений доступности массового спорта:

- несоответствие уровня обеспечения материально-технической базы и физкультурно-спортивной инфраструктуры современным задачам развития массового спорта в РФ;
- недостаточное количество спортивных сооружений, предназначенных для нужд массового спорта;
- расширение доли платных услуг в сегменте массового спорта;
- высокая дифференциация в развитии и обеспечении спортивно-массовой отрасли в регионах ЮФО;
- низкий уровень числа молодежи, занятой в системе ФКиС;
- недостаточная обеспеченность квалифицированными тренерскими кадрами, обеспечивающими тренировочный процесс в массовом спорте;
- сравнительно небольшой объем средств федерального бюджета, направленных на отрасль массового спорта в ЮФО.

При общей высокой численности населения, занимающегося ФКиС (по сравнению с другими федеральными округами), занятость молодежи в возрасте 21–30 лет в системе ФКиС в Южном федеральном округе существенно ниже, чем в других возрастных группах. Так, если средний уровень молодежи, занятой в системе ФКиС в России составляет 51,62% от общего количества занятых, то в указанной возрастной группе этот показатель равен 19,84% (Ростовская область). Эти данные доказывают недостаточную роль физической культуры и спорта в социальном развитии Южного федерального округа» (Постановление от 12.10.2015..., 2016-2020).

«Реализация приоритетов государственной политики в сфере поддержки физической культуры и спорта привела к динамичному росту объектов, образующих физкультурно-спортивную инфраструктуру» (Постановление от 12.10.2015..., 2016-2020). В регионах ЮФО созданы новые спортивные и физкультурно-оздоровительные клубы, плоскостные сооружения, спортивные залы, стадионы и бассейны.

Вместе с тем, ключевой особенностью существующих физкультурно-спортивных объектов на территории ЮФО является слабая массовая специализация, что формирует определенные трудности при доступе наибольшего количества населения (в частности молодежи) к регулярным занятиям массовым спортом.

В 2020 г. ЮФО занимал 5 место по показателю единовременной пропускной способности спортивных сооружений (Информационная система мониторинга..., 2020), что является недостаточным для данного округа, поскольку общее число занимающихся здесь выше, чем в среднем по стране.

Причина подобного положения кроется в слабом техническом и инвентарном оснащении спортивных объектов и в низком количестве таковых на территории субъектов округа, что не позволяет охватить большее количество населения физкультурно-спортивной деятельностью.

Таблица 1

Показатели единовременной пропускной способности спортивных сооружений (по федеральным округам), 2020 г.

Субъект РФ	Единовременная пропускная способность спортивных сооружений (тыс. чел.)	% от норматива	Место
ЮФО	670 705,0	25,3	5
Приволжский ФО	1 665 782,0	29,4	2
Северо-Западный ФО	576 760,0	22,1	7
Сибирский ФО	1 016 303,0	27,6	3
Уральский ФО	623 842,0	26,8	4
Дальневосточный ФО	355 901,0	30,2	1
Центральный ФО	1 752 904,0	23,7	6
Северо-Кавказский ФО	325 022,0	17,7	8

«Одной из основных проблем в развитии физкультурно-спортивной отрасли в целом и спортивно-массового сектора в частности является высокий уровень дифференциации в развитии и обеспечении массового спорта» в различных субъектах ЮФО (Информационная система мониторинга..., 2020). Существенно отличается, например, оснащение спортивно-массовой инфраструктуры в различных регионах ЮФО.

Лидирующие позиции по данному вопросу занимают Ростовская область, Республика Адыгея и Волгоградская область. При этом разрыв с отстающими регионами составляет более 10 %.

Высокий уровень дифференциации в развитии массового спорта в регионах ЮФО сказывается на общей картине состояния спортивно-массового сектора в округе.

В качестве одного из факторов, сдерживающих развитие спортивно-массового сектора в ЮФО, выступает низкий уровень федеральных дотаций на данную отрасль.

В рамках реализации федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» ЮФО оказался на 6 месте по объему средств, выделенных из федерального бюджета на развитие массового спорта. Это означает, что основное бремя расходов на данную отрасль легло на местные бюджеты регионов.

Результатом исполнения мероприятий федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» стало создание новой спортивно-массовой инфраструктуры (Итоги реализации федеральной..., 2020). При этом важно отметить, что при общей высокой численности населения в ЮФО (16 428 458 млн. чел, 4 место среди округов), в рамках федеральной целевой программы в данном округе создано всего 53 объекта спортивно-массовой инфраструктуры (Информационная система мониторинга..., 2020), что 4,5 раза меньше чем, например, в Приволжском федеральном округе (29 673 644 млн чел.).

Существенным риском является неоднородность финансовых возможностей субъектов ЮФО, что приводит к различной степени эффективности и результативности исполнения ими собственных полномочий по развитию физической культуры и массового спорта. В целях повышения уровня обеспечения системы ФКиС в целом и отрасли массового спорта в частности «в каждом субъекте Российской Федерации, входящем в состав ЮФО, разработана и утверждена соответствующая целевая программа “Развитие физической культуры и спорта”. Финансирование программных мероприятий в ЮФО за счет средств консолидированного бюджета нестабильно. Согласно целевым и государственным программам (Информационная система мониторинга..., 2018), в 2019 г. совокупный объем финансирования целевых программ поддержки отрасли ФКиС регионов ЮФО из консолидированного бюджета составляет 84 967,8 млн. руб.» (табл. 2).

Таблица 2

Объемы финансирования целевых программ поддержки физкультурно-спортивной отрасли в регионах ЮФО

Субъект	Нормативно-правовой акт	Ресурсное обеспечение, млн руб.		
		2017	2018	2019
Республика Адыгея	Постановление от 7.11.2013 г. № 257 О государственной программе республики Адыгея «Развитие физической культуры и спорта» на 2014–2021 гг.	19 307,4	17 006,1	11 428,6
Республика Калмыкия	Постановление Правительства Республики Калмыкия от 11.10.2014 г. о республиканской целевой программе «Развитие физической культуры спорта в республике Калмыкия» на 2014–2019 гг.	12 163,3	13 499,6	15 000,0
Краснодарский край	Постановление от 12.10.2015 г. № 962 главы администрации (губернатора) Краснодарского края об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие физической культуры и спорта» на 2016–2020 гг.	5 402,1	5 402,1	5 402,1
Астраханская область	Постановление Правительства Астраханской области от 10.09.2014 г. о государственной программе «Развитие физической культуры и спорта в Астраханской области» на 2015–2020 гг.	12 854,46	22 432,3	24 207,9
Волгоградская область	Постановление от 16.12.2014 г. № 746-п об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие физической культуры и спорта в Волгоградской области» на 2015–2019 гг.	13 321,6	12 295,0	12 295,0
Ростовская область	Постановление Правительства Ростовской области об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие физической культуры и спорта» на 2014–2019 гг.			16634,2

На фоне указанных негативных факторов в развитии отрасли массового спорта на территории ЮФО в последние годы отмечается рост числа молодежи (Информационная система мониторинга..., 2018), занимающейся физкультурно-спортивной деятельностью на платной основе, что во многом способствует снижению доступности массового спорта для молодого населения ЮФО.

Увеличение числа молодых людей, занимающихся спортом платно, становится значимой проблемой для округа.

Таблица 3

Количество и профессиональный уровень
тренерско-преподавательского состава спортивных организаций РФ

Субъект РФ	Тренерско-преподавательский состав		
	Всего	Высшее профессиональное образование	Высшая квалификационная категория
ЮФО	10 312	4 856	1 422
Приволжский ФО	19 722	7 212	3 270
Северо-Западный ФО	8 015	4 240	1 652
Сибирский ФО	13 654	5 272	2 397
Уральский ФО	8 151	3 624	1 695
Дальневосточный ФО	3 643	1 661	717
Центральный ФО	21 121	9 999	4 429
Северо-Кавказский ФО	9 759	3 847	2 055

Заключение

Перечисленные проблемные факторы в развитии массового спорта на территории ЮФО привели к недостаточному привлечению молодого населения к регулярным занятиям массовым спортом, сдерживанию физического развития и физической подготовленности молодого населения и, как следствие, к ухудшению состояния здоровья молодежи округа.

Для отрасли массового спорта в ЮФО характерны несколько факторов, способствующих ухудшению доступности массового спорта для молодежи в возрасте 21–30 лет:

1. Низкое материально-техническое оснащение объектов, предназначенных для занятий массовым спортом молодежью. Сегодня на территории некоторых регионов ЮФО объекты массовой спортивной деятельности требуют капитального ремонта;
2. Недостаточное количество спортивных сооружений, предназначенных для нужд массового спорта. В ряде регионов ЮФО необходимо расширять сеть физкультурно-спортивных объектов для нужд массового молодежного спорта;
3. Растущая коммерциализация, расширение доли платных услуг в сегменте массового спорта;
4. Невысокие показатели числа молодежи, занимающейся в системе ФКиС;
5. Существенное отставание в развитии и обеспечении спортивно-массовой отрасли одних регионов ЮФО от других;
6. Низкий профессиональный уровень тренерских кадров, осуществляющих физкультурно-спортивную деятельность на территории субъектов ЮФО, что, несомненно, влияет на качество тренировочного процесса;
7. Небольшой объем ассигнований из федерального бюджета на развитие спортивно-массовой отрасли в ЮФО.

Литература

Воронина, В.Т. (2021). Экономические аспекты популяризации здорового образа жизни и активизации массового спорта среди россиян. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 10(2), 132-135.

Демеш, В.П., Крылова, В.В. (2021). Важность развития массового спорта в России. *Актуальные научные исследования в современном мире*, 4-11, 145-148.

Информационная система мониторинга и анализа показателей развития физической культуры и спорта. М., 2016-2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sport.ifinmon.ru>.

Итоги реализации федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы». Режим доступа: <https://minsport.gov.ru/activities/reports/fiz-ra-i-sport-skryt/26361/>

Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие физической культуры и спорта в Волгоградской области» на 2015–2019 годы // Правительство Волгоградской области постановление от 16.12.2014 г. № 746-п об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие физической культуры и спорта в Волгоградской области» на 2014–2018 годы. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/410804218>.

Постановление Правительства Астраханской области от 10.09.2014 г. № 370-П О государственной программе «Развитие физической культуры и спорта в Астраханской области». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/412718387>.

Постановление Правительства Ростовской области об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие физической культуры и спорта» от 17.10.2018 г. №648. Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/9731>.

Постановление от 12.10.2015 г. № 962 главы администрации (губернатора) Краснодарского края об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие физической культуры и спорта» на 2016–2020 гг. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430643124>.

Постановление от 7.11.2013 г. № 257 О государственной программе республики Адыгея «Развитие физической культуры и спорта» на 2014–2021 гг. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/460207714>.

Ростовская область вошла в пятерку самых спортивных регионов России. Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/12061>

Самыгин, С.И., Самыгин, П.С., Попов, М.Ю. (2015). Спорт как институт социализации современной российской молодежи *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 1, 76–82.

Спортивная Россия: быстрее, выше, сильнее! ВЦИОМ. 28.08.2018. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaya-rossiya-bystrye-vyshe-silnee->

Юссуф, А.А., Аверин, А.В. (2021). О взаимосвязи спортивной инфраструктуры и участия в массовом спорте: критический анализ литературы. *Управленческий учет*, 9-2, 606-612.

45,4% – доля граждан РФ, систематически занимающихся физкультурой и спортом. По итогам 2020 года. Режим доступа: <https://www.sports.ru/athletics/1095105926-minsporta-rossii-dolya-grazhdan-sistematicheski-zanimayushhixsya-fizku.html>

References

Voronina, V.T. (2021). Economic aspects of popularization of a healthy lifestyle and activation of mass sports among Russians. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 10(2), 132-135.

Demesh, V.P., Krylova, V.V. (2021). The importance of the development of mass sports in Russia. *Current scientific research in the Modern World*, 4-11, 145-148.

Information system for monitoring and analysis of indicators of the development of physical culture and sports. Moscow, 2016-2020. Available at: <http://sport.ifinmon.ru>.

Results of the implementation of the federal target program "Development of physical culture and sports in the Russian Federation for 2016-2020" Available at: <https://minsport.gov.ru/activities/reports/fiz-ra-i-sport-skryt/26361/>

On the approval of the state program of the Volgograd region "Development of physical culture and sports in the Volgograd region" for 2015-2019 // Government of the Volgograd Region Resolution №746-p dated 12/16/2014 on the approval of the state program of the Volgograd region "Development of physical culture and sports in the Volgograd region" for 2014-2018. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/410804218>.

Resolution of the Government of the Astrakhan region dated 10.09.2014 №370-P On the state program "Development of physical culture and sports in the Astrakhan region". Available at: <https://docs.cntd.ru/document/412718387>.

Resolution of the Government of the Rostov region on the approval of the state program of the Rostov region "Development of physical culture and sports" dated 17.10.2018 №648. Available at: <https://www.donland.ru/documents/9731>.

Resolution of 12.10.2015 №962 of the Head of the administration (Governor) of the Krasnodar Territory on the approval of the state program of the Krasnodar Territory "Development of physical culture and sports" for 2016-2020. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/430643124>.

Resolution №257 of 7.11.2013 On the State Program of the Republic of Adygea "Development of physical culture and sports" for 2014-2021. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/460207714>.

Rostov region has entered the top five most sports regions of Russia // <https://www.donland.ru/news/12061>

Samygin, S.I., Samygin, P.S., Popov, M.Yu. (2015). Sport as an institute of socialization of modern Russian youth *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, 1, 76-82.

Sports Russia: faster, higher, stronger! VTSIOM. 28.08.2018. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaya-rossiya-bystree-vyshe-silnee->

Yussuf, A.A., Averin, A.V. (2021). On the relationship between sports infrastructure and participation in mass sports: a critical analysis of the literature. *Management accounting*, 9-2, 606-612.

45.4% - the share of Russian citizens systematically engaged in physical education and sports. According to the results of 2020. Available at: <https://www.sports.ru/athletics/1095105926-minsporta-rossii-dolya-grazhdan-sistematicheskii-zanimayushhixsya-fizku.html>

Дата получения рукописи: 10.10.2021

Дата окончания рецензирования: 12.11.2021

Дата принятия к публикации: 15.11.2021

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой Истории России Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия; e-mail: culture@kubsu.ru

Болозин Андрей Александрович – старший преподаватель кафедры педагогики и непрерывного профессионального образования Астраханского государственного университета, г. Астрахань, Россия; e-mail: andrew-bolozin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kasyanov Valery Vasilevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, Head of the Department of History of Russia, Kuban State University, Krasnodar, Russia; e-mail: culture@kubsu.ru

Bolozin Andrey Aleksandrovich – Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Continuing Professional Education, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; e-mail: andrew-bolozin@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.4

Научная статья

УДК 316.334:37

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.4>

Could Online Learning Substitute the Traditional one in Bulgarian Universities: Lecturers' Point of View

Antoaneta G. Getova¹¹Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria

e-mail: tony22a@gbg.bg

Abstract

The COVID-19 pandemic affected many spheres of the social life, including the higher education. Since March 2020, university education in Bulgaria is held almost online, with the perspective the online learning to continue even during the second semester of the academic 2021-2022. The article is dedicated to lecturers' point of view about the first three semesters of online learning in Bulgarian universities: what are the advantages and disadvantages of online learning and, according to them, if it could eventually substitute the traditional one. The perceptions and attitudes of lecturers are crucial for potential introduction of the online learning after the end of the pandemic as lecturers are the main actors in such process. The article analyses results of empirical online research made in the summer of 2021. 77 lecturers and 253 students of different Bulgarian universities and programs took part in the research. This article focuses on lecturers' opinions only that is researched less often, than students' one.

Keywords

COVID-19; online learning; digitalization; higher education; online research.

For citation

Getova A. (2021). Could Online Learning Substitute the Traditional one in Bulgarian Universities: Lecturers' Point of View. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 34–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.4>

Сможет ли онлайн-обучение заменить традиционное в болгарских университетах: точка зрения преподавателей

Антоанета Г. Гетова¹¹Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

e-mail: tony22a@gbg.bg

Аннотация

Пандемия COVID-19 затронула многие сферы общественной жизни, в том числе высшее образование. С марта 2020 года университетское образование в Болгарии проводится практически онлайн, с перспективой продолжения онлайн-обучения даже во втором семестре академического 2021-2022. Статья посвящена точке зрения преподавателей на первые три семестра онлайн-обучения в болгарских университетах, его преимущества и недостатки, и может ли оно заменить традиционное. Восприятие и отношение лекторов имеют решающее значение для потенциального внедрения онлайн-обучения после окончания пандемии, поскольку лекторы являются основными действующими лицами в этом процессе. В статье анализируются результаты эмпирического онлайн-исследования, проведенного летом 2021 года. В исследовании приняли участие 77 преподавателей и 253 студента различных болгарских университетов и программ. В данной статье основное внимание уделяется мнениям преподавателей, которые редко исследуются, в отличие от мнения студентов.

Ключевые слова

COVID-19; онлайн-обучение; цифровизация; высшее образование; онлайн-исследования.

Для цитирования

Гетова А. Г. (2021). Сможет ли онлайн-обучение заменить традиционное в болгарских университетах: точка зрения преподавателей. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 34–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.4>

Introduction

The pandemic of COVID-19 led to unprecedented changes in many countries all over the world. During the spring of 2020 some experienced the first total lockdown in their history that affected many spheres of the social life, including the university education that had to be transferred online.

Bulgaria was no exception to this tendency: since March 2020 practically all the universities held online all the classes of the second semester of the academic year 2020 - 2021. The concept of online learning is not a brand new approach in the higher education: including in Bulgaria there were already several programs in different universities that relied only on online or/and distance learning, the approach is also object of academic interest from a very long time (Halachev, 2009). However, the lockdown put the universities in totally different situation. First, the programs and courses that were meant to be held in campus should be transferred online and second, that should be made in a very stretched time period. The abrupt and sudden changes brought many problems and challenges during the transition (and after it) so in the country and all over the world it attracted a very high academic interest: many surveys that were dedicated of the effects of the online learning on the participants in the educational process were made in 2020 such as these by Mulroney and Kelly (UK, 2020), Firang (Canada, 2020), Tokmakova, Bondarenko and Lunitsina (Russia, 2020). As Bulgarian example of the latter could be cited the survey about the students' attitudes to the online university course of management in the University of National and World Economy (Angelova, 2020) and the pilot survey of students and lecturers of two Bulgarian universities about the problems and perspectives of distance learning during the first lockdown (Getova, 2020). A search in the biggest academic platforms Web of science and Scopus shows that in 2020 more than 1000 articles (in English) were published in journals available in Scopus or Web of Science; respectively in Google Scholar there are even more than 29 000 results of articles, conference papers or preprints dedicated to the topic of the higher education and the online learning. In 2021, however, this tendency changes: in Scopus/Web of science the number of published article is already around 700 and in Google Scholar is less than 10 000 (till the end of October 2021). A more sophisticated analysis of these results shows that not all of the articles contain results of real research made on the topic; some even contain only observations and impressions of the courses held by lecturers during the periods of the university lockdown. As is shown in content analysis presented during the 15 ESA Conference in 2021, less than 400 of the 1000 mentioned articles of Scopus/Web Sciences journals contain any kind of empirical data (Stoykova and Getova, 2021). However, the search results for both years (2020 and 2021) undoubtedly show that the academic interest towards the problem is higher during the first year of online learning).

This drop of academic interest during the second year of the pandemic can be explained by various reasons. One of them is that during the next academic year (2020-2021) some universities made attempts for introducing hybrid or partially in person learning, so respectively the online learning began to "step back" to other approaches. The situation in Bulgaria was all the opposite.

During the academic year 2020-2021 most programs in the Bulgarian universities were held primarily online with the tendency to continue even during the next year: even during the first semester of the academic year 2021-2022 in most university programs in Bulgaria the classes are held online. The situation, considered in March 2020 as something temporary, endured 3 semesters with the possibility to continue even more. This raises important questions as could the "temporary" situation of online learning cause more permanent changes in the university education and how the main participants in the process, i.e. students and lecturers react to it, what are their opinions about the biggest problems and challenges of the online education. While the online learning in the second year of the

pandemic attracted less academic interest for similar surveys in the country (as the survey of Georgieva-Tsaneva and Serbezova of students of nursing), the almost permanent presence of the online learning since March 2021 in the Bulgarian university is a proof that the topic is important enough to be researched.

Most of the articles cited above have their main focus on the students as the learners are naturally the main subject in the educational process. The mentioned analysis by Stoykova and Getova about the publications of 2020, also shows that the majority of them are focused indeed on the students. Few reports and articles (Doolan et al., 2020, Kuleva 2020) also include or focus on the other side of the process, i.e. the lecturers. The opinion of the lecturers is crucial as they are those who practically introduced and adapted the new approach in the Bulgarian universities: even without previous experience, previous training or instructions: the first institutional document published by the Ministry of Education of Bulgaria on this matter came out in 2021. (Strategy for development of higher education in Republic of Bulgaria 2021-2030, 2021).

One of the surveys that focuses also on lecturers and not only on the students was made by members of the same team that made the pilot survey mentioned above. The purpose of the present paper is to analyze the opinions of the lecturers in Bulgarian universities regarding to the main problems and opportunities the lecturers had during the three semesters online and also their general attitude towards the online learning.

Main hypotheses

The first main hypothesis is that while the lecturers succeeded to adapt to the educational process online and appreciate its advantages, they still consider this approach as less effective than the traditional one.

The second hypothesis is that the lecturers consider the limited possibilities for real time interaction with the students as the main flaw of the online learning. These limited possibilities cause the feeling of disrupted or even non-existing educational process.

Respectively, most of the lecturers do not prefer the online approach except in emergency situations as is the pandemic.

Methodological limitations of the research

The research was made online in the end of the academic year 2020-2021 (in the summer of 2021). The research is a continuation of a pilot survey made by members of the same teams during the first lockdown in Bulgaria. The indicators in the new survey are based on those used in the pilot; however some of them were modified after the results received in the pilot survey, also new one were added to follow the changes during the next semesters held online. The full report in Bulgarian is published on: https://phls.uni-sofia.bg/article/3052_ (Getova, 2021)

77 lecturers and 253 students of different Bulgarian universities and programs took part in new survey. The questionnaire for students and lecturers were separate, although some indicators were included in both questionnaires with the purpose of comparison.

This analysis focuses on the lecturers' opinion only.

The demographic profile of the sample of lecturers can be seen in Table 1. All the respondents had online classes during the mentioned period.

A sample of snowball type was used (Biernacki and Waldorf, 1981).

While it is a non-representative type of sample, it gives the opportunity to collect opinions from different subgroups as is presented in Table 1 and in this way it is possible to register the main tendencies within the target group of the research and respectively to fulfill its purposes.

Table 1

Demographic profile of the sample

			Gender of the lecturers			Total
			Female	Male	N/A	
Sofia university	Age of the lecturers	till 35 y.o.	1	1	1	3
		36- 45 y.o.	12	8	1	21
		46- 55 y.o.	13	3	0	16
		over 55 y.o.	9	4	0	13
	Total	35	16	2	53	
Other universities	Age of the lecturers	till 35 y.o.	1	0		1
		36- 45 y.o.	5	2		7
		46- 55 y.o.	2	3		5
		over 55 y.o.	1	4		5
	Total	9	9		18	
N/A	Age of the lecturers	till 35 y.o.	1	0	0	1
		36- 45 y.o.	2	0	1	3
		46- 55 y.o.	1	1	0	2
		over 55 y.o.	4	1	1	6
	Total	8	2	2	12	
Total	Age of the lecturers	till 35 y.o.	3	1	1	5
		36- 45 y.o.	19	10	2	31
		46- 55 y.o.	15	6	0	21
		over 55 y.o.	11	9	0	20
	Total	48	26	3	77	

Analysis of the results

While the survey mentioned above has wider scope, in this part of the paper are commented results related to the main hypotheses.

The question if the lecturers had really adapted to the online learning during the three semesters since the beginning of the pandemic was never asked directly in the survey. Instead of these was included series of indicators that follow the main aspects of the process of teaching online and how it changed compared to the beginning of the online learning (in March 2020).

As was mentioned above, the fast and unexpected introduction of the online learning didn't give to the lecturers enough time to adapt the process of teaching to online environment that caused series of problems in the process. After the first semester online however, the lecturers already had enough experience with the teaching online and could overcome at least part of the problems in the beginning, to adapt better the educational process to the new environment. In fact, most of them consider that the teaching online during the next year grew better compared with the beginning of the pandemic. This is shown in detail in Figure 1.

As it can be seen in the figure, the biggest improvement in comparison with the previous year is the technological preparation to teach online. It is not surprising, as the experience with the online learning before the pandemic for most of the lecturers was small or even non-existent.

During the first semester online they had the opportunity to acquire enough practical experience with teaching in virtual environment.

Most of the lecturers consider the time for preparation for the classes and their possibilities to provide learning resources good as it was or even better than the previous year.

The organization of the exams is also considered as successful as /more successful than the previous year. It can be concluded that the main aspects of the online teaching, according to the lecturers are improved in the course of the three semesters online. However, the more "personal" aspects of the teaching as is the motivation to teach online didn't improve at all: the

share of those who think that the things are worse in this aspect (21%) is similar to the share of those who think that it is better than the previous year (23%).

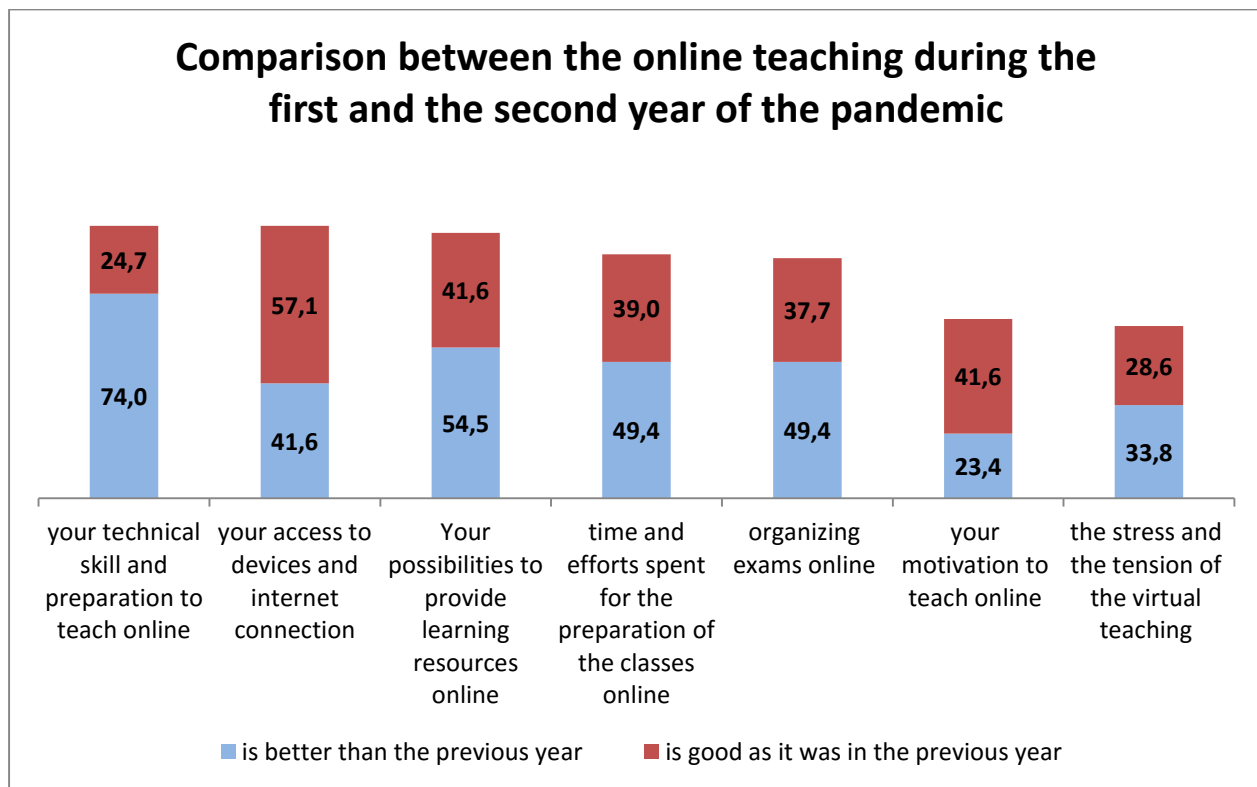

Figure 1. Comparison between the online teaching during the first and the second year of the pandemic. Source: Getova, 2021.

While 42% think that their motivation is as good as it was the previous year, the share of those who think that is bad as or even worse, is significant (34% in total). Similar tendency can be seen about the stress and the tension of teaching in virtual environment: while the majority still thinks that in this aspect is good as or better in comparison to the previous year, almost 29% think that the situation is bad as or even worse. It is in a way paradoxical that the technical “adjustment” and the improvement of the organization of the learning process online during the time is accompanied with decreasing motivation and increasing stress for the lecturers. It can be concluded that no matter that they obviously adapted to the teaching online, they don’t feel comfortable about it; on the contrary, in time it is highly probable that their motivation to teach online would ever decrease more.

The explanation of this can be found in the way the lecturers perceive the online learning as whole and what they consider as its major flaws and problems and respectively, its advantages.

In the next figure, it can be seen what the lecturers consider as major disadvantages of the online learning.

First, it should be clarified that this indicator is based on open-ended question asked during the pilot survey in 2020. In the next survey, the questions about the advantages and the disadvantages of the online learning were closed with statements based on the most popular spontaneous answers for both students and lecturers with additional open-ended option for ‘other’. As the answers for ‘other’ in both questions (about advantages and disadvantages) are marked by less than 5 lecturers, it can be concluded that these indicators were successfully operationalized in the survey and the scale used is adequate enough to show the main strengths and flaws of the online learning according to lecturers.

Three of the most frequently chosen options about the disadvantages of the online learning are related to different aspects of the communication with the students, including during the classes and the informal communication out of the classes. While the latter is not an essential part of the educational process itself, for the lecturers it is obviously important to have it with the purpose to maintain more constant contact with the learners.

During the process of online learning, however, is much more difficult to maintain such contact: for example, there are no real breaks between the classes, or at least no breaks in which the lecturers and students could stay together and communicate to each other. The lecturers do use different channel of communications to contact with the students, i.e. they don't count only on the platform of online learning, but the most used additional channel is the email (mentioned by 93% of the respondents) that offers only possibilities for indirect communication.

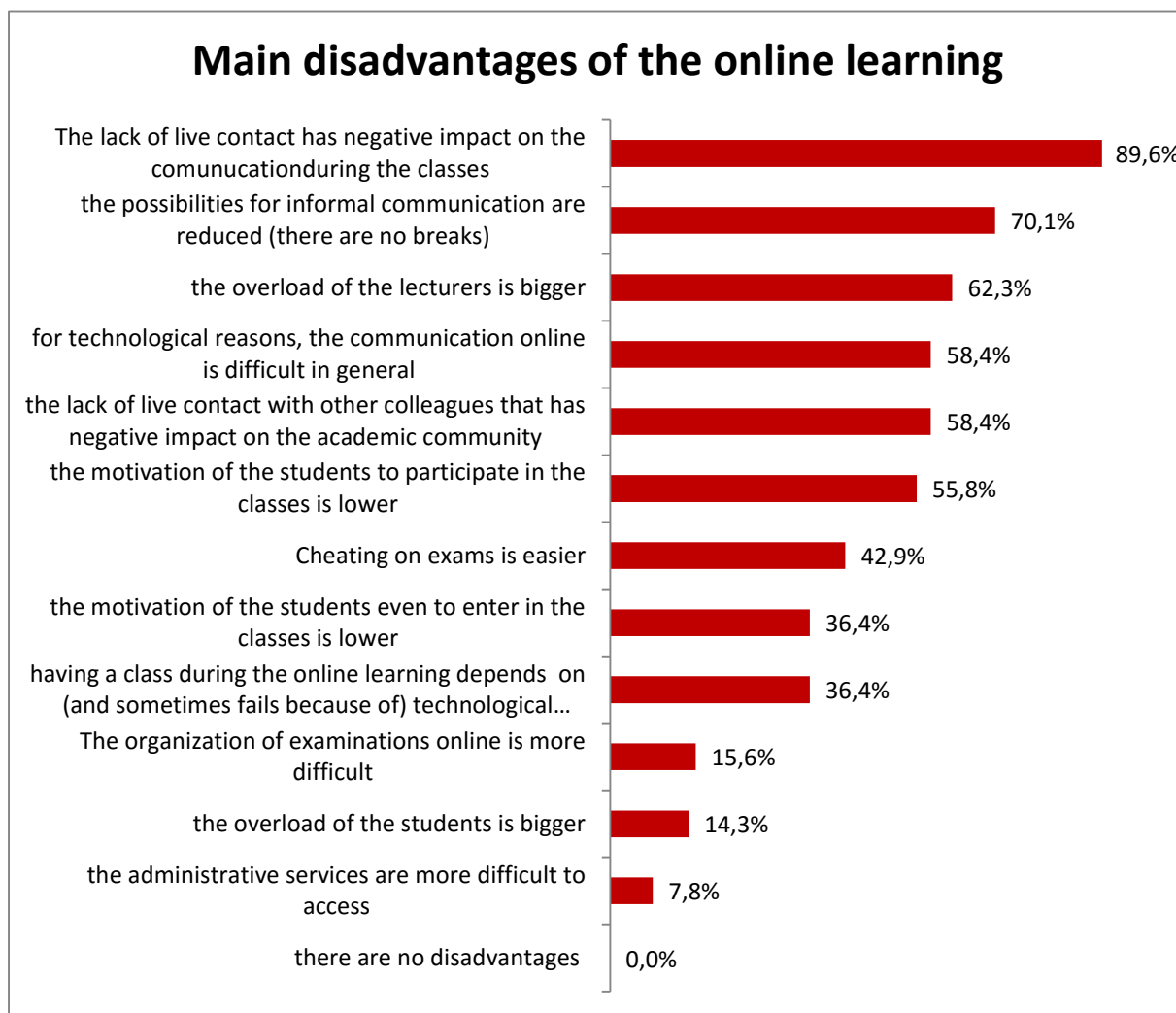

Figure 2. Main disadvantages of the online learning. Source: Getova, 2021.

Is not less difficult to maintain such contact during the classes as for technological reasons the communication is not direct but mediated by the technology. It is important to mention also that more than 80% of the lecturers answer that the students generally enter without cameras during the classes (only with audio connection or even like listeners) so the communication during the classes is partial and even cannot be considered as virtual equivalency of the real time communication for the lack of visual contact.

This lack of visual contact is not a characteristic by default for the online learning, however, for practical reasons described also in the open-ended questions (technical problems, crash of the platforms for online learning, poor Internet connection) the most frequent contact between students and lecturers during the last three semesters is only by audio connection or

even chat. This circumstance has negative impact especially on the feedback, as the lecturers can barely receive such.

Is not surprising then that almost 90% of them mention the lack of live contact with the students as the biggest disadvantage of the online learning as this circumstance affects in a very negative way the process of communication during the classes (and out of them). Also, the lecturers consider as major flaw of the online learning process the lack of live contact with other colleagues in the academic community. While the communication with the other lecturers is not essential part of the educational process itself, for the lecturers this situation of alienation (for the lack of live contacts) affects very negatively the academic community.

Apart from the different problems related to the communication online, another very frequently mentioned disadvantage of the online learning according to lecturers is their overload. More than 60% of them think that the amount of work and efforts during the online teaching is bigger. Most of them do not think that the overload of students is bigger so it can be concluded that they consider the online learning as harder and more exhausting not in general for all participants but especially for the teachers in the process. It is not surprising that they are critical towards this approach and that few of them prefer it instead of the traditional one (see below).

The lecturers also mentioned as big disadvantage the lower motivation of the students to participate in the classes (compared with the situation in person). This can be related to the problems of the communication: as for technical reasons the students have more passive role during the classes, they inevitable would lose the enthusiasm to participate in them, or at least this is the lecturers' impression. Of course, it could be speculated that there is no real lack of motivation by the students but this impression comes from the limited feedback the lecturers receive, but even in this case, this is obviously seen as problem in educational process online. It is important to mention also that almost 39% of the lecturers also think that the students' motivation to participate in the classes was bad as or even worse than the previous year.

The Cramer's V coefficient between the two indicators shows moderate correlation (the value of Cramer's V is 0.50): the majority of lecturers who think that the motivation of students is generally lower during the online learning also think that this motivation decreased over time: i.e. the problem of students' motivation according to them would become even bigger if the online learning continues.

This coefficient is used in the analysis as the most appropriated for the type of the sample and indicators included (Kraska-Miller 2013, 70-71).

42% of the lecturers are also worried by the possibility of easier cheating during the online exams. While the technology implemented in the online platforms also gives some level of protection against cheating, especially if the exam is in the form of test with close-ended questions, the worry of more cheating could be also a result of the lack of feedback or "control" (if the lecturer practically cannot see what exactly the students are doing during the exams, it is probable to think that the students will use this opportunity to search information in Internet resources, for example).

While the lecturers are generally critical towards the online approach, they also recognize its advantages. The distribution of answers to this question is shown in Figure 3.

As it can be seen on the figure, the aspects most frequently recognized as advantages by the lecturers are mostly technological and organizational: flexibility, easier organization of resources, time effectiveness. More than 80% think that saving time is the biggest advantage of the online learning. This is a direct result of the fact that the online learning is virtual: it doesn't require a physical location to be organized and so it saves time from traveling to this particular location and also, of the organization of the working day. It is not necessary for the agenda of the classes to be organized in different way than the agenda of the in person learning, but as the necessity to go to the location of the classes doesn't exist, the tasks for the day could be organized more effectively than with the same program of classes but in person learning,

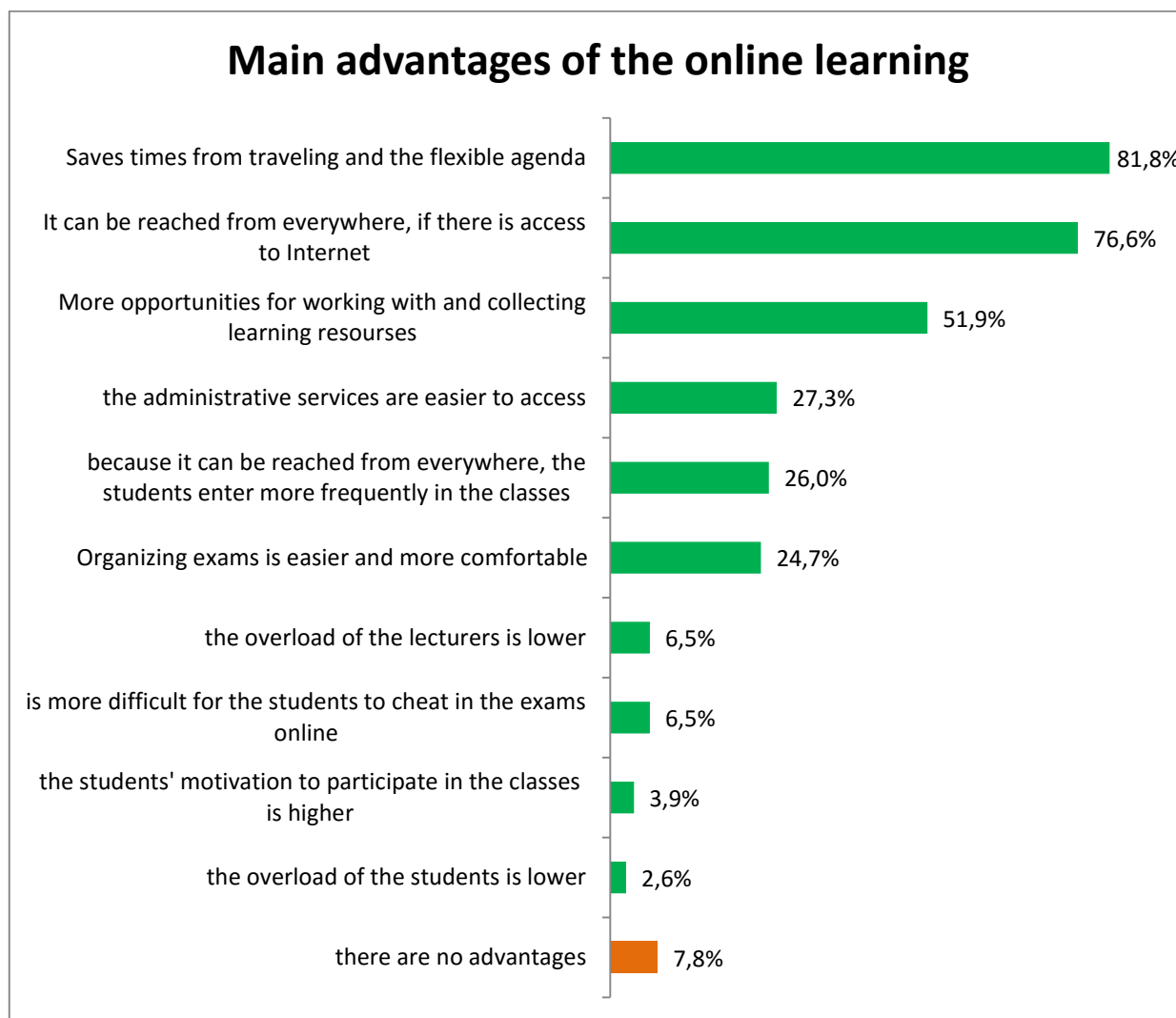

Figure 3. Main advantages of the online learning. Source: Getova, 2021.

This flexibility of the online learning comes by the fact that the platforms for teaching can be accessed practically from everywhere and give enough technological facilitations as sharing screen, using virtual whiteboard and so on, the lecturer needs only internet connection and access to a device that could be used during the teaching. It gives the opportunity to the lecturers (and the students) to reach the virtual classroom from practically everywhere, especially in the case if they use a mobile device or laptop.

This flexibility doesn't automatically lead to increased number of students during the online classes: only 26% of the lecturers agree with this statement. The technological easiness of the process doesn't lead to increased motivation for the students to participate in the classes either: only 3 of all 77 lecturers had chosen this option. Most of the lecturers actually think that the motivation of students is lower during the online learning (see above).

Working with learning resources is another advantage of the online learning, according to 52% of the lecturers. Most platforms used for online learning as MS Teams, Moodle and others mentioned by the lecturers, offer opportunities for online storage of files and also records of the classes that facilitates not only the students but the lecturers as they invest less efforts to acquire and give access to such resources.

Another advantage according to lectures is the development of the academic activities in virtual environment as: organizing and participating in scientific conferences, working on academic projects and so on. While these options were not part of the question of the advantages of the online learning, they were included in separate indicator about the assessment of the academic life itself. The results are shown in the next figure.

It can be concluded that the possibilities to participate in academic events and activities were mostly unaffected or even increased online. While these activities are not direct part of the educational process itself, they are essential part of the work of the lecturers and it is important to see what the lecturers think about this matter.

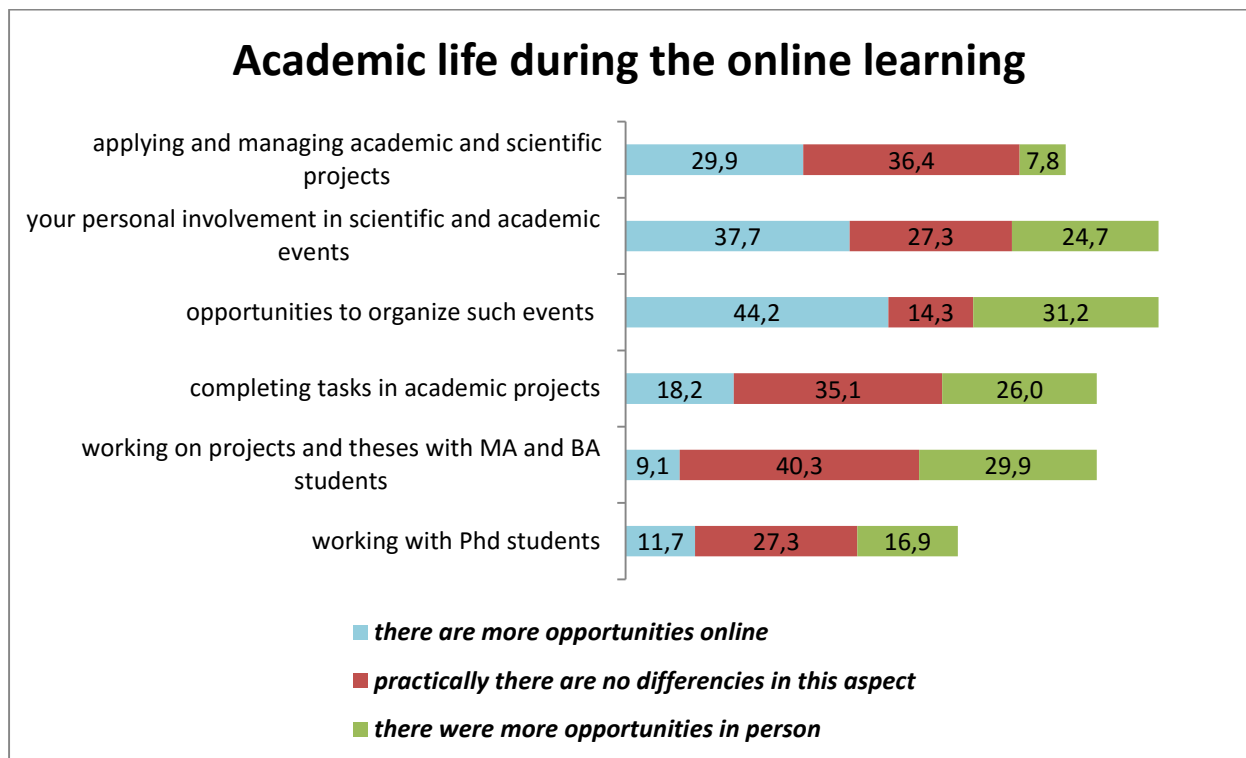

Figure 4. Academic life during the online learning. Source: Getova, 2021.

As can be seen in the figure, most of the lecturers think that online they have even more opportunities to participate in conferences (congresses and similar), to organize such events and to participate in academic projects. About the working tasks in such projects, most of them consider that the opportunities online and in person are the same; the situation is similar regarding the individual work with students on BA, MA or PHD theses. Obviously, according to lecturers this part of their work is unaffected or even amplified in virtual environment.

While all these advantages are appreciated by the majority of lecturers, in general they are more critical towards the online learning. For example, only 5 of all 77 lecturers prefer this approach of teaching instead of the traditional one. The explanation of this can be found in the problems and the disadvantages it demonstrates in comparison to the traditional in person approach. Moreover, 68% of them agree with the statement that the online learning would never fully substitute the in person approach, and 77% think that, apart from the emergency situation nowadays, the online learning is appropriate as supplementary form of education. This skepticism about the online learning in general is based on the experience they have in the past three semesters: no matter that the online learning gives enough technical and organizational advantages and also stimulates the development of academic events and projects, it also limits the communication between students and lecturers which leads to difficulties in the educational process itself.

Conclusion

According to the analysis above, during the past three semesters in pandemic in Bulgaria, the lecturers succeeded to adapt the teaching process to the new virtual environment, although not without problems. That confirms the first hypothesis of the research.

The main problems are not related to technical or organizational aspects of the online learning but to more personal factors as the motivation to teach online and the decreasing motivation of the students to participate in the classes online. The latter is considered as one of the flaws of the online learning in general. The biggest disadvantages of the online learning, according to the lecturers, are the limitations in the communication between them and the students, including the informal communication that in virtual environment is very reduced or even non-existent that confirms the second hypothesis. The alienation in the educational process online: both between students and lecturers and even within the academic community itself, is considered as one of the biggest flaws of the online learning. Another big disadvantage, according to lecturers is their work overload online.

The online approach has also its advantages. Such according to the lecturers in the survey are the technological and organizational aspects of the online learning: flexible agenda, saving time, working with resources. However, these facilitations hardly overcome the disadvantages of the online learning for the lecturers: they consider it appropriate only as supplementary form of education (apart from the pandemic time) and also the majority of them do not prefer this approach instead of the traditional one.

The last statistics of the pandemic show that it will endure at least in the next year which would continue to affect the higher education in Bulgaria. The attitudes and perceptions of the lecturers about the online learning are crucial for the successful (or unsuccessful) introduction and continuation of the approach as the lecturers are those who have to handle the main part of the process. While the research described above is not based on representative sample, it succeeds to register the main tendencies in the attitude of the lecturers that is very skeptical towards the opportunities and results of the online learning as basic approach in the higher education.

References

- Angelova, M. , (2020). Students' Attitudes to the Online University Course of Management in the Context of COVID-19, *International Journal of Technology in Education and Science (IJTES)*, 4(4), 283-292.
- Biernacki, P, and D Waldorf. (1981). Snowball Sampling: Problems and Techniques of Chain Referral Sampling. *Sociological Methods and Research*, 10, 2, Sage Publications, 141-163
- Doolan, Karin et al. (2020). Student Life during the COVID-19 Pandemic Lockdown: Europe Wide Insights, Draft Report. Available at: http://www.ehea.info/Upload/BFUG_DE_UK_73_11_6_students_Covid_19_survey_results.pdf
- Firang, David. (2020). COVID-19 pandemic on international students in Canada. *International Social Work*, Sage Publications, 63(6), 820-824
- Georgieva-Tsaneva, G., and Serbezova, I., (2021) Online Training and Serious Games in Clinical Training in Nursing and Midwife Education. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications(IJACSA)*,12, 5, 317-322
- Getova, A. (2020). Problems and challenges to the distance learning during the emergency situation. (Research Report). Available at: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>.
- Getova, A. (2021). Attitudes and expectations towards the online learning during the second year of the pandemic (Research Report). Available at: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>
- Halachev, P. (2009). Educational Challenges for e-Learning in Higher Education in Bulgaria. *International Journal of Learning*, 16, 6, 737-745.
- Mulrooney, Hilda Mary, Helly Alison Faith (2020). COVID-19 and the move to online teaching: impact on perceptions of belonging in staff and students in a UK widening participation university. *Journal of Applied Learning & Teaching*, 3, 2, 1-14.
- Kraska-Miller, M. (2014). *Nonparametric Statistics for Social and Behavioral Sciences*. Boca Raton, CRC Press.
- Kuleva, M. (2020). The impact of COVID-19 Pandemic on the evaluation of the effectiveness of online distance learning, *Pedagogy*, 92, 7S, 74-83
- Stoykova, E. and Getova, A. (2021).The "Fast And Dubious" Research On Higher Education During Covid-19 Pandemic: Where Did Sociology Go?, Oral presentation at the 15th ESA Conference, Barcelona. Available at: <https://www.europeansociology.org/esa-conference-2021-in-barcelona>
- Tockmakova, S.I., Bondarenko O.V., Lunitsina, YU. V. (2020). The experience on the distance learning of the students of the stomatology faculty in the situation of the pandemic of COVID-19, *Contemporary problems of the science and the education*, N3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29772>

Strategy for development of higher education in Republic of Bulgaria 2021-2030. (2021). Available at: <https://www.mon.bg/bg/143>.

Литература

Токмакова С.И., Бондаренко О.В. и Луницына Ю.В. (2020). Опыт дистанционного обучения студентов стоматологического факультета в условиях пандемии COVID-19, *Современные проблемы науки и образования*, 3. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29772>

Гетова, А. (2020). Проблеми и предизвикателства пред дистанционното обучение по време на извънредно положение (доклад). Режим доступа: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>.

Гетова, А. (2021). Нагласи и очаквания към онлайн обучението през втората година на пандемията (доклад). Режим доступа: <https://phls.uni-sofia.bg/article/3052>

Angelova, M. (2020). Students' Attitudes to the Online University Course of Management in the Context of COVID-19, *International Journal of Technology in Education and Science (IJTES)*, 4(4), 283-292.

Biernacki, P. and D Waldorf. (1981). Snowball Sampling: Problems and Techniques of Chain Referral Sampling. *Sociological Methods and Research*, 10, 2, Sage Publications, 141-163

Doolan, Karin et al. (2020). Student Life during the COVID-19 Pandemic Lockdown: Europe Wide Insights, Draft Report. Режим доступа:

http://www.ehea.info/Upload/BFUG_DE_UK_73_11_6_students_Covid_19_survey_results.pdf

Firang, David. (2020). COVID-19 pandemic on international students in Canada. *International Social Work*, Sage Publications, 63(6), 820-824.

Georgieva-Tsaneva, G., and Serbezova, I. (2021). Online Training and Serious Games in Clinical Training in Nursing and Midwife Education, *International Journal of Advanced Computer Science and Applications(IJACSA)*, 12.

Stoykova, E. and Getova, A. (2021). The "Fast And Dubious" Research On Higher Education During Covid-19 Pandemic: Where Did Sociology Go?, Oral presentation at the 15th ESA Conference, Barcelona, Spain. Available at: <https://www.europeansociology.org/esa-conference-2021-in-barcelona>

Halachev, P. (2009). Educational Challenges for e-Learning in Higher Education in Bulgaria. *International Journal of Learning*, 16, 6, 737-745.

Mulrooney, Hilda Mary, and Helly Alison Faith (2020). COVID-19 and the move to online teaching: impact on perceptions of belonging in staff and students in a UK widening participation university. *Journal of Applied Learning & Teaching*, 3, 2, 1-14.

Kraska-Miller, M. (2014). *Nonparametric Statistics for Social and Behavioral Sciences*, Boca Raton, CRC Press.

Kuleva, M. (2020). The impact of COVID-19 Pandemic on the evaluation of the effectiveness of online distance learning. *Pedagogy*, 92, 7S, 74-83

Стратегия за развитие на висшето образование в България: 2021-2030. (2021). Режим доступа: <https://www.mon.bg/bg/143>.

Дата получения рукописи: 10.11.2021

Дата окончания рецензирования: 30.11.2021

Дата принятия к публикации: 26.11.2021

Информация об авторе

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологических наук, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария; e-mail: tony22a@gbg.bg

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria; e-mail: tony22a@gbg.bg

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.5

Научная статья

УДК 316.35

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.5>

**Выбор профессии в системе формирования
профессионально-квалификационного потенциала студенческой молодежи
Ростовской области (по итогам социологического опроса)**

Анна А. Залевская¹

¹ Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия,
e-mail: anna.zalevskaya92@mail.ru

Аннотация**Введение.**

Актуальность темы статьи объясняется кризисными факторами в системе профессионализации современной молодежи российских регионов. Одним из показателей ее профессионального уровня и залогом удачной адаптации в профессионально-трудовом поле выступает профессионально-квалификационный потенциал. Его формирование – целая череда этапов в жизни молодежи, и важнейшим из них является выбор профессии.

Методы. Эмпирическую базу исследования представляют результаты социологического опроса, проведенного среди студентов вузов Ростовской области: Донского государственного аграрного университета, Южного федерального университета, Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) имени М.И. Платова). Репрезентативность эмпирической базы обеспечивается использованием модели многомерной стратифицированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов). Общее количество опрошенных студентов составило 1214 человека.

Результаты исследования. В ходе исследования становится ясно, что студенты в целом удовлетворены выбором профессии (специальности); при выборе профессии большинство руководствовалось собственным интересом к профессиональной деятельности и советом со стороны родителей, однако, студенты не имеют четкого представления о будущей профессии, и в особенности это касается должностных обязанностей и организации трудового процесса. От будущей работы студенты ожидают прежде всего достижение материального благополучия, но и интерес к профессиональному развитию играет немаловажную роль. Доминанта материальной составляющей становится источником последующих сложностей во время первого трудоустройства и разочарований в профессии.

Ключевые слова

профессия; молодежь; студенческая молодежь; профессионально-квалификационный потенциал; рынок труда.

Для цитирования

Залевская А.А. (2021). Выбор профессии в системе формирования профессионально-квалификационного потенциала студенческой молодежи Ростовской области (по итогам социологического опроса). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 45–51. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.5>

**Choice of profession in the system of formation of vocational and qualification potential
of student youth of the Rostov Region (according to results of sociological survey)**

Anna A. Zalevskaya¹

¹ Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk,
Rostov Region, Russia,
e-mail: anna.zalevskaya92@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic of the article is explained by crisis factors in the system of professionalization of modern youth of Russian regions. One of the indicators of its professional level and the key to successful adaptation in the vocational field is vocational potential. Its formation is a series of stages in the life of young people, and the most important of them is the choice of profession.

Methods. The empirical basis of the study is presented by the results of a sociological survey conducted among students of universities of the Rostov region: Don State Agrarian University, Southern Federal University, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI). The representativeness of the empirical framework is provided by using a multivariate stratified sample model with quota selection of observation units (respondents). The total number of students surveyed was 1214 people.

Results of the study. During the study, it becomes clear that students are generally satisfied with the choice of profession (specialty); when choosing a profession, most were guided by their own interest in professional activity and advice from parents, however, students do not have a clear idea of the future profession, and especially with regard to job responsibilities and the organization of the labor process. First of all students expect achieving material well-being from future work, but also interest in professional development plays an important role. The dominant material component becomes a source of subsequent difficulties during the first employment and disappointments in profession.

Key words

profession; youth; student youth; vocational potential; labor market.

For citation

Zalevskaya A.A. (2021). Choice of profession in the system of formation of vocational and qualification potential of student youth of the Rostov Region (according to results of sociological survey). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 45–51. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.5>

Введение

В каждом обществе, в каждую эпоху формируется свой запрос на специалиста, на профессионализм. Соответственно, система образования отвечает за реализацию сложившегося со стороны социума и профессионального рынка труда запроса, за трудовую этику молодежи, ее профессионально-трудовые ценности и последующие сложности или перспективы трудовой адаптации (Vereshchagina, Volkov, Krotov & Ukolov, 2015). По словам Ю.Н. Никулиной, «основной задачей современной системы образования является формирование компетентной личности, конкурентоспособной на рынке труда, способной к саморазвитию и профессиональному самоопределению» (Никулина, 2020). Что же означает «быть конкурентоспособным» в условиях современного рынка труда? Какой специалист сегодня может считать себя компетентным? Какой специалист будет уверенно смотреть в профессиональное будущее, не боясь оказаться за пределами рынка труда без средств к существованию? Что позволяет сформироваться этой уверенности?

В условиях мобильного мира (Урри, 2012) уровень конкурентоспособности работника, специалиста, профессионала определяется тем, насколько соответствует мобильным характеристикам современного мира человек, насколько он является мобильным по отношению к этому миру, насколько гибко и вовремя может приспособиться к нему, адаптироваться к его вызовам и быстрым переменам, перестроиться в духе времени к новым трендам (Черныш, 2018). Ушли в прошлое традиционные стратегии профессионализации, имеющие четко выраженный формат вертикальной восходящей мобильности, да и сами границы между вертикальной и горизонтальной мобильностью уже не столь очевидны, носят размытый характер. Смена профессии уже никого не удивляет, как и работа не по специальности, полученной в рамках учебного заведения.

Иными словами, наступила эра транспрофессионалов, а это означает, что будущее за специалистами, готовыми к изменениям в профессиональном поле, к расширению границ своей профессиональной деятельности за счет освоения новых профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда в данный период времени в контексте конкретных региональных условий, социально-экономической ситуации и других реалий динамично меняющегося мира профессий и трудовых отношений (Зеер, Сыманюк, Лебедева, 2018).

В данных условиях вопросы о том, каким образом формируется профессионально-квалификационный потенциал молодежи, какие факторы оказывают на этот процесс определяющее влияние, приобретают актуальный характер, но изученными с социологической точки зрения их не назовешь. Преимущественно к теме профессионально-квали-

лификационного потенциала обращаются представители экономической науки (Клементовичус, 1996). Социологи также обращаются к данной теме (Григорьева, 2007), но работ, в которых бы изучался конкретно профессионально-квалификационный потенциал российской молодежи в границах обозначенных нами проблемных зон и вопросов, прежде всего связанных с его формированием в региональных условиях, еще явно недостаточно.

Полагая, что в основе любого процесса, связанного с вопросами профессионального становления и развития, находится профессиональное самоопределение, мы решили подойти к решению указанной выше задачи с точки зрения проблемы выбора профессии молодежью, для чего обратились к мнению молодежи студенческой. Хорошо известно из результатов многочисленных научных работ российских ученых, что, во-первых, первый опыт трудоустройства молодежи после получения диплома о высшем образовании проходит очень сложно (Варшавская, 2019), и порядка половины поствузовской молодежи трудоустраиваются на работу, не связанную с полученной профессией/специальностью, или пополняют ряды фрилансеров, прекариата (Тощенко, 2018), а, во-вторых, многие работодатели достаточно критично оценивают профессиональный уровень выпускников российских вузов, что находит подтверждение в эмпирических и иных источниках (Демиденко, 2019; Воденко, Фатеева, Иванченко, 2018).

Таким образом, отталкиваясь от мнений и позиций работодателей, молодежь, выходящая на рынок труда после получения профессионального образования, далеко не всегда обладает адекватным полученной специальности квалификацией для эффективного выполнения профессиональных функций. И вопрос о профессионально-квалификационном потенциале молодежи российских регионов носит далеко не праздный характер. Формируется этот потенциал в образовательном пространстве, а проявляется в ресурсных возможностях молодого специалиста в области труда в соответствии с полученным профессиональным образованием и присвоенной квалификацией, в совокупности предполагающими наличие определенных профессиональных компетенций, мотивационных установок в отношении к труду и профессиональной деятельности, а также способности и готовность к профессиональному развитию. На данном основании ключевые индикаторы профессионально-квалификационного соответствия молодежи требованиям современного рынка труда, с нашей точки зрения, выстраиваются следующим образом: соответствие теоретических знаний занимаемой должности/квалификации; соответствие практических знаний занимаемой должности/квалификации; умение применять теоретические знания в профессиональной деятельности; умение применять практические знания в профессиональной деятельности; стремление к профессиональному совершенствованию; способность налаживать контакты с коллегами/руководством; строгое соблюдение внутренней дисциплины и корпоративной этики; умение работать в нестандартной ситуации.

Описание эмпирического инструментария.

Итак, как уже было указано выше, мы исходим из той установки, что в основе процесса профессионализации изначально находится процесс выбора профессии, а потому решили выяснить, каким образом осуществляется профессиональный выбор региональной молодежью и в какой степени она удовлетворена им уже на этапе получения профессионального образования.

В качестве основного источника получения первичной информации выступили студенты вузов Ростовской области, таких как: Донской государственный аграрный университет, Южный федеральный университет, Южно-Российский государственный технический университет (НПИ) имени М.И. Платова). При этом учитывалось направление образовательной программы (бакалавриат, магистратура, специалитет), группа

специальностей и пол. Расчет выборочной совокупности основан на случайном бесповоротном отборе. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многомерной стратифицированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов). Объем выборочной совокупности (n) равен 1214 респондентов

Результаты социологического опроса

В первую очередь нас интересовало, что побудило молодых людей выбрать ту или иную специальность. Опрос показал, что выбирают специальность молодые люди, преимущественно, по личной заинтересованности в ней (49,5 %), а также по совету родителей, родственников, друзей (26,8 %), по уровню оплачиваемости профессии (10,1 %). Из числа опрошенных нами 54,2 % респондентов собираются работать по специальности и удовлетворены выбором профессии 85,5 %.

Что же думают о будущей профессии студенты вузов Ростовской области? Эта информация важна тем, что определяет, во многом, готовность перенимать и воспроизводить социально-экономические и культурные детерминанты выбранной профессии. Однако не все молодые люди до конца осознают специфику и особенности выбранной профессии, вследствие чего и наблюдается серьезная проблема с трудоустройством современных выпускников региональных вузов страны. Многие идут работать не по специальности, переучиваются, затрачивая как собственные средства, так и средства государства. По данным различных исследований, невостребованность выпускников вузов составляет от 28 до 50 %, а по некоторым - и до 70 %, однако, работа по специальности является основным условием завершения начатой в образовательном учреждении профессиональной социализации, а вынужденное переучивание задерживает их профессиональное становление и дальнейшую трудовую мобильность (Зубок, Чупров, 2015).

Данные нашего исследования подтверждают данную тенденцию, однако отмечают отличия у представителей разных программ обучения. Так, бакалавры наименьше всего представляют место будущей работы, свои должностные обязанности и организацию трудового процесса (см. табл. 1). Данный факт можно аргументировать тем, что на программы бакалавриата поступают молодые люди после школы, и чаще всего выбор специальности навязан родителями или родственниками, а не собственным выбором. Студенты, обучающиеся по программам магистратуры и специалитета, более осознанно относятся к выбранной профессии, четко представляют организацию, в которой собираются работать (29,3 % - магистры), знают свои должностные обязанности (23,3 % - магистры). Это говорит о том, что молодые люди осознанно поступают в магистратуру и имеют четкое представление о том, зачем и для чего им нужна именно эта программа обучения.

Основной составляющей в будущей профессии респонденты считают материальную составляющую (максимальную оценку выбрали 69,1 % опрошенных). Вторую ранговую позицию занимает позиция о том, что работа должна быть интересной – 43,5 %, карьерные перспективы разместились на третьей строчке – 41,5 % (табл. 2). Главным в трудовом выборе молодежи является наличие возможности вертикальной мобильности, самовыражения и самореализации, материальная стабильность и благополучие, престиж и социальный статус.

Значимость материальной составляющей в профессиональном выборе более значима для студентов периферийных вузов (рис. 1). Молодежь периферийных вузов острее чувствует социальное расслоение и неравенство российского общества, которое проявляется в доступности образования, досуга, иных материальных благ. Для того чтобы им достичь материального благополучия, требуется, прежде всего, высокооплачиваемая работа (в ущерб всему (интересу, семье, личному времени и т.д.).

Таблица 1

Представления студентов о своей будущей профессии

Бакалавры				
Вариант ответа (%)	Четко представляю	Примерно представляю	Не представляю	Затрудняюсь ответить
Место работы (конкретная организация, ее тип, структура)	9,8	48,7	40,4	1
Должностные обязанности	6,8	26,6	63,9	2,6
Организация трудового процесса	4,3	53,3	33,7	8,8
Магистры				
Вариант ответа (%)	Четко представляю	Примерно представляю	Не представляю	Затрудняюсь ответить
Место работы (конкретная организация, ее тип, структура)	29,3	57,3	11,3	2,1
Должностные обязанности	23,3	48,1	25,6	3
Организация трудового процесса	16,3	42,8	33,7	7,2
Специалисты				
Вариант ответа (%)	Четко представляю	Примерно представляю	Не представляю	Затрудняюсь ответить
Место работы (конкретная организация, ее тип, структура)	23,6	51,9	18,9	5,6
Должностные обязанности	20,3	45,6	32,9	1,2
Организация трудового процесса	12,1	39,6	43,1	5,2

Таблица 2¹

Что планируют получить респонденты от будущей профессии

Вариант ответа	Шкала оценок				
	1 min	2	3	4	5 max
Высокооплачиваемую работу	-	0,3	0,8	29,7	69,1
Интересную работу	0,1	3,6	13	26,6	43,5
Возможность карьерного и профессионального роста	-	1,1	11	53,6	41,5
Социальный статус	0,2	4,7	10,7	48	36,1
Возможность самосовершенствования и саморазвития	-	1,3	1,6	63,9	33,1

Резюмируя итоги нашего эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы: студенты в целом удовлетворены выбором профессии (специальности) (85,5 %), свой выбор они делают, руководствуясь собственным интересом к выбору профессиональной деятельности (49,5 %) и советом родителей (26,8 %).

¹ Респонденту предлагалось каждый вариант ответа оценить по 5-ти балльной строке, где 1 – это минимальный уровень, 5 – максимальный.

Однако студенты не имеют четкого представления о будущей профессии, и в особенности это касается должностных обязанностей (63,9 % не представляют свои должностные обязанности) и организации трудового процесса (53,3 % примерно представляют организацию трудового процесса). От будущей работы студенты хотят получить материальное благополучие (69,1 %), но также важным является собственный интерес к специальности (43,5 %).

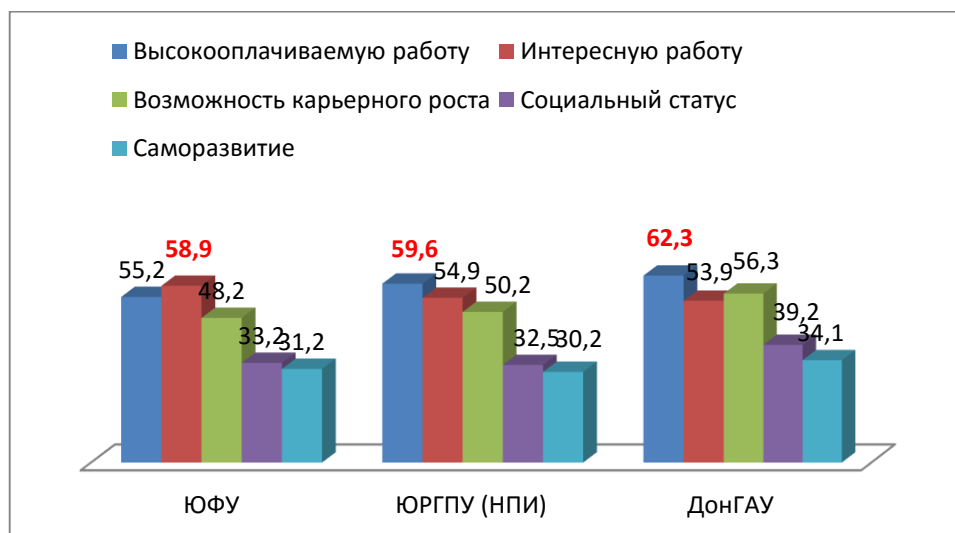

Рисунок 1. Ожидание респондентов от профессии, в % от количества опрошенных

Выбор профессии принципиально важен для профессионального развития молодежи. Выявленный интерес к профессии, удовлетворенность своим выбором – это те позитивные моменты, которые могли бы заложить основы для положительного прогноза профессионализации региональной молодежи, если бы не проблемы трудоустройства, оплачиваемости труда молодых специалистов, в комплексе определяющие синдром разочарования профессиональным выбором на этапе профессионально-трудовой адаптации. Разочарование в профессии опасно выходом из профессионального поля и, соответственно, потерей шансов на рост профессионально-квалификационного потенциала. В этой ситуации важно вовремя скорректировать профессиональную траекторию с тем, чтобы полученные в ходе образования компетенции стали основанием для наращивания квалификационных характеристик. Сделать это самостоятельно могут далеко не все, и дальнейший выбор профессионального пути приобретает зачастую стихийный характер, что не способствует эффективной профессионализации молодежи. Следовательно, необходимы структуры, механизмы и специалисты, способные в той или иной ситуации сложностей трудовой и профессиональной адаптации, самореализации вовремя и грамотно скорректировать траекторию профессиональной жизни молодого человека.

Литература

- Варшавская, Е. Я. (2019). Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность. *Социологические исследования*, 45, 7, 56-66.
- Воденко, К.В., Фатеева, С.В., Иванченко, О.С. (2018). Институциональные основы национальной российской государственной политики в сфере развития профессионально-квалификационного и инновационного потенциала молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10, 30-35.
- Григорьева, Э.Н. (2007). *Непрерывное образование как фактор развития профессионально-квалификационного потенциала предприятия: на материалах ОАО «Татнефть»*. Казань.
- Демиденко, С.Ю. (2019). О некоторых факторах незанятости городской молодежи // *Информационно-аналитический бюллетень*, 4, 7-20.
- Зеер, Э. Ф., Сыманюк, Э. Э., Лебедева, Е. В. (2021). Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности. *Сибирский психологический журнал*, 79, 89-107. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>

Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2015). Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда. *Социологические исследования*, 5, 114-122.

Клементовичус, Я.Я. (1996). *Оценка профессионально-квалифицированного потенциала персонала предприятий в условиях трансформирующейся экономики*. СПб.

Никулина, Ю.Н. (2020). Профессиональная ориентация молодежи в системе кадрового обеспечения экономики региона. *Экономика, предпринимательство и право*, 10, 4, 1263-1280. doi: 10.18334/epp.10.4.100895.

Тощенко, Ж.Т. (2018). *Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография*. М.: Наука, 350.

Урри, Дж. (2012) *Мобильности*. М.: Практикс.

Черныш, М.Ф. (2018). Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах. *Социологические исследования*, 7, 13-23.

Vereshchagina, A. V., Volkov, Yu. G., Krotov, D.V. & Ukolov, R. A. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. *Asian Social Science*, 11, 8, 88-95.

References

Warsawshskaya, E. Ya. (2019). Strategies for finding work as graduates of universities: prevalence and effectiveness. *Sociological research*, 45, 7, 56-66.

Vodenco, K. V., Fateeva, S. V., Ivanchenko, O. S. (2018). Institutional Framework of the National Russian State Policy in the Field of Development of Vocational and Innovative Potential of Youth. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 10, 30-35.

Grigorieva, E. N. (2007). *Continuing education as a factor of the development of the professional and qualification potential of the enterprise: on the materials of OAO «TATNEFT»*. Kazan.

Demidenko, S. Yu. (2019). On some factors of unemployment of urban youth. *Information and analytical bulletin*, 4, 7-20.

Zeer, E. F., Simanyuk, E. E., Lebedeva, E. V. (2021). Transprofessionalism as a predictor of pre-adaptation of a subject of activity. *Siberian psychological journal*, 79, 89-107. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>

Zubok, U. A., Chuprov, V. I. (2015). Young specialists: training and demand in the labor market. *Sociological research*, 5, 114-122.

Klementovichus, J. J. (1996). *Assessment of the professional potential of enterprise personnel in a transforming economy*. St. Petersburg.

Nikulina, U. N. (2020). Vocational orientation of youth in the system of personnel support of the region's economy. *Economics, entrepreneurship and law*, 10, 4, 1263-1280. doi: 10.18334/epp.10.4.100895.

Toshchenko, J.T. (2018). *Precariat: from proto-class to new class. Monograph*. Moscow: Nauka, 350.

Urry, J. (2012). *Mobility*. M.: Praxis.

Chernysh, M. (2018). The concept of social mobility in changing societies. *Sociological research*, 7, 13-23.

Vereshchagina, A. V., Volkov, Yu. G., Krotov, D.V. & Ukolov, R. A. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse // *Asian Social Science*, 11, 8, 88-95. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n8p88>.

Дата получения рукописи: 08.11.2021

Дата окончания рецензирования: 11.12.2021

Дата принятия к публикации: 12.12.2021

Информация об авторе

Анна Александровна Залевская – аспирант, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Российская Федерация; e-mail: anna.zallevskaya92@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Anna Alexandrovna Zallevskaya – Postgraduate Student, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation; e-mail: anna.zallevskaya92@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.6

Научная статья

УДК 316.43

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.6>**Внедрение новых форматов дополнительного образования детей
в условиях цифровой трансформации и пандемии Covid-19****Ярослава Г. Зинченко¹,**

¹ Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Анна К. Хаустова²,

² Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: bazhenova@ecobiocentre.ru

Аннотация

Введение. Авторами предпринята попытка проанализировать контексты мнений, осмыслить тенденции и дать прогноз относительно возможностей организации эффективного дополнительного обучения детей в условиях дистанционного формата. Представлены возможности социологического мониторинга, заключающего в себе результаты исследования мнений школьников, а также родительского и педагогического сообществ региональных Экостанций, созданных в 2020 году и являющимися авторской разработкой.

Методы. Эмпирическая база представлена данными опроса руководителей и педагогов организаций дополнительного образования. Было опрошено 1000 респондентов из 45 регионов России. В выборке были представлены все федеральные округа. В качестве респондентов выступили: 40 руководителей, а также 144 педагога организаций дополнительного образования, 494 родителя и 550 детей. Также были использованы эмпирические данные интернет-опроса, проведенного в мае 2020 года нашими коллегами из Центра общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского ВШЭ (Павлов, Гошин, Косарецкий, Иванов, Ершова, 2021).

Результаты. Выделены организационные, программно-методические, профессиональные (кадровые) и технологические дефициты деятельности Экостанций. Сделаны выводы относительно выявленных новых рисков и системных проблем, а также проектирования управленческих решений для эффективного развития внешкольного образования в условиях цифровой среды.

Ключевые слова

цифровая трансформация; пандемия; дополнительное образование детей; Экостанция.

Для цитирования

Зинченко Я.Г., Хаустова А.К. (2021). Внедрение новых форматов дополнительного образования детей в условиях цифровой трансформации и пандемии Covid-19. *Caucasian Science Bridge*. 4 (4), С. 52–59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.6>

**Implementation of new formats of additional education for children
in the context of digital transformation and the Covid-19 pandemic****Yaroslava G. Zinchenko¹,**

¹ South Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Rostov region, Russia

e-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

ORCID 0000-0002-5765-8693

Web of Science ResearcherID Y-9224-2018

SPIN-код: 9751-8141

Anna K. Haustova²,

² South Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Rostov region, Russia

e-mail: bazhenova@ecobiocentre.ru

ORCID: 0000-0003-1877-3354

Abstract

Introduction. The article attempts to analyze the contexts of opinions, comprehend trends and make a forecast regarding the possibilities of organizing effective additional education for children in a distance format. The article presents the possibilities of sociological monitoring, which includes the results of researching the opinions of schoolchildren, as well as the parental and pedagogical communities of regional Ecostations, created in 2020 and being the author's development.

Methods. The empirical base is represented by the data from the survey of heads and teachers of supplementary education organizations. 1,000 respondents from 45 regions of Russia were interviewed. All federal districts were represented in the sample. The respondents were: 40 heads, as well as 144 teachers of supplementary education organizations, 494 parents and 550 children. We also used empirical data from an Internet survey conducted in May 2020 by our colleagues from the Center for General and Additional Education named after A. A. Pinsky. A.A. Pinsky HSE (Pavlov, Goshin, Kosaretsky, Ivanov, Ershova, 2021).

Results. Organizational, software-methodical, professional (personnel) and technological deficiencies of Ecostation activity are highlighted. Conclusions are made regarding the identified systemic problems and the design of management solutions for the effective development of out-of-school education in a digital environment.

Keywords

digital transformation; pandemic; additional education for children; Ecostation.

For citation

Zinchenko Ya.G., Haustova A.K. (2021). Implementation of new formats of additional education for children in the context of digital transformation and the Covid-19 pandemic. *Caucasian Science Bridge*. 4 (4), P. 52-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.6>

Введение

Пандемия принесла в образовательный мир свои цифровые «следы», претворяя в жизнь один из национальных приоритетов развития страны до 2030 года – цифровую трансформацию. Что придёт вслед за этим? Возможно ли воспитать гармонично развитую личность на онлайн-просторах Всемирной сети для полноценной социальной жизни в эпоху неопределённости? И что думают по этому поводу сами участники образовательного процесса?

Ограничительные меры вкупе с режимом дистанционного обучения охватили не только школы и университеты, но и дополнительное образование детей, став вызовом для детей, родителей, педагогов, руководителей организаций и органов управления образования. Миллионы российских школьников потеряли возможность привычных очных занятий, живой коммуникации и совместной деятельности с педагогами и сверстниками. Для части подростков изменения формата обучения и отмена олимпиад и соревнований создали существенные риски в самореализации и раскрытия их таланта, поступлении в учебные заведения.

Безусловно, практика реализации дополнительных общеобразовательных программ в дистанционном формате существовала и до пандемии, а тема цифровизации дополнительного образования детей и ранее присутствовала в государственной повестке и экспертных дискуссиях, но заметно менее масштабно, и, скорее, применительно к высшему и общему образованию.

Именно сложный 2020 год стал годом внедрения в практику инновационного формата организации дополнительного образования детей – нашей разработки – Экостанции.

Экостанция – это образовательная организация нового типа, представляющая собой современное, профессиональное и высокотехнологичное образовательное пространство в области естественных наук, ориентированное на формирование у детей

навыков и компетенций по приоритетным направлениям развития науки и технологий в области биологии, экологии, природопользования и охраны окружающей среды (Хаустова, Панин и др., 2020).

Сама инициатива автора по созданию Экостанций в субъектах Российской Федерации была поддержана Министерством просвещения Российской Федерации и внесена в распоряжение от 3 февраля 2020 г. № Р-9 «О внесении изменений в методические рекомендации по приобретению средств обучения и воспитания в целях создания новых мест в образовательных организациях различных типов для реализации дополнительных общеразвивающих программ всех направленностей в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», утвержденных распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 17 декабря 2019 г. № Р-136» (Хаустова, Панин и др., 2020, 7). На 1 декабря созданы 55 региональных экостанций в 54 регионах с охватом более 12 тысяч обучающихся (Филиппова, 2021).

Чтобы оценить возможность долговременного существования и социальной эффективности этого проекта, нами был проведён мониторинг ситуации в дополнительном образовании в период завершения этого учебного года, на который пришлась вторая волна пандемии. Мы старались рассмотреть с разных сторон процесс адаптации организаций дополнительного образования к новым условиям. Нас интересовали специфика трансформации программ, отношение к новому опыту педагогов, детей и родителей, сложности, с которым пришлось столкнуться участникам образовательных отношений.

Мы поставили себе цель – сформулировать проблемы и рекомендации по их решению, которые могут быть извлечены из полученного опыта для будущего этой сферы образования детей. Какие достоинства и недостатки состояния системы дополнительного образования высветила ситуация пандемии? Какие новые технологии и практики целесообразно сохранить после пандемии? Какие изменения должны произойти в государственной политике в сфере дополнительного образования? Вот тот круг вопросов, но которые мы пытались найти ответы.

Эмпирическая часть исследования

Собирая данные для ответа на интересующие нас вопросы, мы провели опрос руководителей и педагогов организаций дополнительного образования. Было опрошено 1000 респондентов из 45 регионов России. В выборке были представлены все федеральные округа. В качестве респондентов выступили: 40 руководителей, а также 144 педагога организаций дополнительного образования, 494 родителя и 550 детей.

Также были использованы эмпирические данные интернет-опроса, проведённого в мае 2020 года нашими коллегами из Центра общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского ВШЭ (Павлов, Гошин, Косарецкий, Иванов, Ершова, 2021).

Результаты исследования

Прежде всего стоит отметить, что большинству опрошенных руководителей понятны миссия, цель и задачи Экостанции, а также указали, что в результате внедрения модели в организации запустились новые дополнительные программы на базе созданных новых мест, обновилась материально-техническая база.

Основные ожидания руководителей в связи с получением их организациями статуса Экостанций – это дополнительное финансирование, материально-техническое оснащение. Стоит отметить и ряд других ответов. Среди них – ввод дополнительных ставок, непрерывное бесплатное обучение педагогов, увеличение функциональных площадей организации, участие Экостанции в реализации инновационных региональных и федеральных проектах.

В некоторых ответах руководителей прослеживалось понимание того, что придание организации статуса экостанции уже сегодня формирует новый бренд естественно-научной направленности в дополнительном образовании, что создает возможности и условия для того, чтобы организация становилась ведущей площадкой в регионе по экологическому образованию и просвещению.

Также среди ответов руководителей было предложение по включению в государственное задание Экостанции проведение областных конкурсных и массовых мероприятий с обучающимися, включая финансирование выездов на федеральные мероприятия.

Почти 82 % опрошенных руководителей отметили, что в их организациях были разработаны и запущены на новых местах новые программы, а старые программы были обновлены.

Стоит отметить широкий спектр программ, соответствующих приоритетным направлениям развития науки, техники и технологий в Российской Федерации (биотехнология, микробиология, генетика, иммунология, зеленая энергетика, нанотехнологии, агротехнологии, сити-фермерство, экомониторинг и т.д.).

Важно, что перечисленные программы обращены к обучающимся с разными потребностями.

21 % опрошенных ответили, что в их организациях имеются и реализуются в гибридном формате образовательные программы для детей с особыми потребностями. 15,8 % сообщили, что программы реализуются только в очном формате. 2,6 % реализуют программы в только в онлайн-формате. Еще 15,8 % опрошенных планируют разработку и запуск таких программ в новом учебном году.

60 % руководителей отметили, что в освоении программ принимают участие обучающиеся, находящиеся в ТЖС. 15,8 % отметили, что привлечение таких детей запланировано в новом учебном году.

Что касается дополнительных общеобразовательных программ для одаренных детей, то 34,2 % опрошенных ответили, что в их организациях такие программы имеются и реализуются в гибридном формате; 15,8 % сообщили, что программы реализуются только в очном формате; 2,6 % реализуют программы в только в онлайн-формате, а 28,9 % опрошенных планируют разработку и запуск таких программ в новом учебном году.

В отличие от школ, информатизация которых прошла несколько этапов в последние десятилетия, организации дополнительного образования не входили в соответствующие профильные государственные программы и проекты. Развитие инфраструктуры осуществлялось зачастую по остаточному принципу, а иногда и случайным образом (например, школа передавала на баланс свою старую технику, получая новую).

Результаты опроса это подтвердили. Только 32 % организаций имеют в организации кабинет информатики и вычислительной техники. В 64 % организаций такие кабинеты вовсе отсутствуют, что позволяет нам сделать вывод о низкой динамике компьютеризации – процесса, необходимого для организации образовательного процесса с использованием цифровых технологий на необходимом уровне.

Основные проблемы перехода на дистанционное обучение были связаны с техническим обеспечением — наличием необходимого количества и качества устройств, высокоскоростного Интернета, подписок на цифровые сервисы для работы и учебы. Большинство опрошенных педагогов отметили «недостаток и непригодность технологического оборудования для таких занятий в семьях».

Можно сделать вывод, что статистика показала недостаточный уровень оснащения организаций как лицензионным программным обеспечением, необходимым для реализации современных решений в области дистанционного обучения, так и низкий уровень компьютеризации образовательных организаций.

Наряду с проблемами развития инфраструктуры для внедрения цифровых технологий, отчетливо проявился дефицит готовности педагогических кадров к использованию цифровых инструментов.

18 % педагогов отметили очень низкий и низкий уровень цифровой грамотности до начала пандемии. 50 % педагогов оценила свой уровень цифровой грамотности как средний. Только четверть опрошенных педагогов оценили свой уровень развития цифровых компетенций до пандемии выше среднего.

После снятия ограничений ситуация раскрылась в более позитивном ключе. 81% ответивших отметили существенный рост цифровой грамотности, оценив её уже на высоком уровне.

Особенно остро перевод на дистанционные рельсы обучения восприняли организации дополнительного образования, где данная деятельность является основной, а именно: дома, центры, дворцы творчества, спортивные, музыкальные и художественные школы, провайдеры курсов для детей и взрослых. Введенные ограничения создали серьёзные препятствия для проведения характерных для сферы дополнительного образования регулярных соревнований, конкурсов и массовых мероприятий.

Среди трудностей, с которыми пришлось столкнуться при переходе на дистанционный формат реализации программ, педагоги выделили материально-техническое оснащение и ИТ-инфраструктуру, которая часто подводила (отсутствие компьютера с необходимым цифровыми сервисами (23%), доступа к высокоскоростному интернету (22%), технические неполадки (29 %). Наибольшей же трудностью для педагогов стала трансформация учебного материала для преподавания в онлайн-формате (39%), в том числе нехватка методического сопровождения проведения занятий в дистанционном формате (18 %). Таким образом, дистанционное обучение требует серьёзной трансформации контента, адаптации процесса к условиям взаимодействия в онлайн-среде, качественного распределения синхронных и асинхронных составляющих.

Переходя к теме трудностей детей, в первую очередь необходимо отметить, что подавляющее большинство опрошенных отметили, что им не хватает живого контакта с наставником и личного общения со сверстниками (70 %); 32 % указали на снижение мотивации к обучению.

Снижение заинтересованности детей во многом обусловлено сложностями, с которыми им пришлось столкнуться при переходе на удалённый формат дополнительных занятий. Результаты опроса показывают, что более трети детей (34%) стали чаще сталкиваться с проблемой непонимания изучаемого материала.

Трудности, возникающие в период дистанционного обучения, по мнению обучающихся, были связаны с материально-техническим оснащением образовательного процесса (технические неполадки (48 %); доступ к Интернету (40 %); отсутствие достаточного кол-ва компьютерной техники (28 %); отсутствие необходимого оборудования дома для выполнения практических заданий (26 %).

Отношение родителей к удалённому формату занятий отрицательное: только 7 % детей и 1 % родителей отметили его в качестве желаемого. Остальная часть опрошенных отдала предпочтение очному формату. 20 % детей предпочли бы смешанный формат обучения. Каждый второй опрошенный родитель (50,6 %) считает, что изменение формата обучения в период пандемии способствовало возникновению рисков, связанных с самореализацией и раскрытием таланта их детей.

Обсуждение результатов

Изменения в организации работы системы дополнительного образования в период пандемии привели к возникновению новых вызовов, заключающих в себе как точки роста, так и риски для системы и её участников.

1. Институциональная трансформация. Переход дополнительных занятий детей в цифровое пространство привел к изменениям ландшафта дополнительного образования – закрепление после пандемии некоторых образовательных событий в онлайн-среде на постоянной основе.

Длительный же запрет на проведение массовых мероприятий может привести к исчезновению отдельных видов и форматов очной и событийной педагогики, что становится риском для роста девиантного и протестного настроения школьников и молодежи.

2. Доступность и равенство возможностей: курс на повышение и снижение. Отмечается повышение доступности дополнительного образования для получателей услуг с особыми образовательными потребностями; проживающих в сельской местности; с высокой удаленной занятостью родителей.

При этом снижается доступность качественных программ для детей из семей, находящихся в ТЖС. Ограничения локдауна выявили недостаточный уровень материально-технической оснащенности образовательного процесса как в семье, так и в организациях общего и дополнительного образования, что влияет негативным образом на социальное самочувствие семейных россиян.

3. Персонализация дополнительного образования. Пандемия стала катализатором усиления процессов персонализации дополнительного образования, расширив возможности выбора тематики, продолжительности, ритма занятий и количества экстерриториальных онлайн-курсов.

При этом, массовая персонализация образования сводит на нет коллективные формы обучения, что требует отдельного изучения в области возрастной психологии и влияния персонализированных подходов на становление социально-ответственной личности, ориентированной не только на личные, но и на общественные интересы местного сообщества, региона, государства в целом.

Ограничительные меры и отмена очных мероприятий стимулировали снижение уровня готовности заниматься определенными видами деятельности и демонстрировать достижения высокого уровня. Для определенных практик ((олимпиад, соревнований, экспедиций) перерывы и «потеря темпа» имеют критическое значение — они фактически лишают талантливых детей шансов на выстраивание восходящей траектории.

4. Активизация деятельности провайдеров услуг из частного сектора. Ограничительные правительственные меры увеличили число провайдеров (в том числе индивидуальных преподавателей/предпринимателей) услуг, предлагающих качественные бесплатные онлайн-курсы и программы.

В то же время очевидна неготовность государственной системы дополнительного образования к конкурированию с частным сектором вследствие отсутствия современного информационно-коммуникационного обеспечения и в целом, в связи с невысоким уровнем цифровой грамотности педагогов.

Ситуация работы дополнительного образования в дистанционном режиме наглядно продемонстрировала, что его привлекательность для детей и уникальность эффектов тесно связаны с очной практической деятельностью и общением, показала бессмысленность ведения образовательного процесса полностью в онлайн-формате для целого ряда направлений.

Однако есть основания считать, что опыт работы в новых условиях не пройдет бесследно для всех категорий участников образовательных отношений. Они освоили новые навыки, адаптировали или трансформировали профессиональные и учебные стратегии. Появились новые программы, были созданы оригинальные образовательные платформы и приложения.

Режим работы в новых условиях позволил увидеть особые возможности форматов и методов онлайн-образования и их сравнительные преимущества наряду с традиционными практиками. Форс-мажорные обстоятельства дали уникальный шанс для

проб. Организации дополнительного образования учатся создавать все более качественный онлайн-продукт, проводить занятия разных форматов, ищут варианты комбинации очного и дистанционного обучения. Важно и то, что работа в условиях карантина высветила широкий круг проблемных аспектов организации и управления в системе дополнительного образования.

Заключение

Подводя итоги отметим, что в период пандемии система дополнительного образования реализовывала, в первую очередь, запрос на позитивную занятость.

В государственном секторе произошла «вынужденная» пересборка содержания под цифровую нишу. Причем дистанционный формат стал возможен не для всех программ дополнительного образования.

С выходом основного и дополнительного образования детей в единое онлайн-пространство обострилась конкуренция между основным и дополнительным образованием за время ученика.

В условиях дистанционного образования возросли приоритеты охраны здоровья детей и обеспечения кибербезопасности

Основные тренды трансформации дополнительного образования – «оцифрованная дидактика» и педагогический дизайн. Простой перенос содержания и структуры очных занятий в онлайн-среду без потери качества невозможен, особенно в такой практикоориентированной и коммуникативной сфере как дополнительное образование.

Технологии *blended learning*, «перевернутый класс» как формы синтеза аудиторных, самостоятельных и дистанционных занятий показывают свои конструктивные возможности. И одновременно актуализируется запрос на смену парадигмы проектирования образовательного процесса, а также использования методов современного педагогического дизайна.

Литература

Хаустова, А.К., Панин, А.В. и др. (2020). *Методические рекомендации по созданию Экостанций в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование»*. М.: ФГБОУ ДО «Федеральный детский эколого-биологический центр», 123.

Павлов, А.В., Гошин, М.Е., Косарецкий, С.Г., Иванов, И.Ю., Ершова, В.С. (2021). *Дополнительное и неформальное образование школьников в условиях пандемии COVID-19*. М.: НИУ ВШЭ. 88 с.

Распоряжение Министерства просвещения РФ от 3 февраля 2020 г. № Р-9 «О внесении изменений в методические рекомендации по приобретению средств обучения и воспитания в целях создания новых мест в образовательных организациях различных типов для реализации дополнительных общеразвивающих программ всех направленностей в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», утвержденные распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 17 декабря 2019 г. № Р-136». Режим доступа: <https://base.garant.ru/73526940/>

Филиппова, Е. (02.12.2021). В Минпросвещения предлагают открыть экостанции для школьников в каждом регионе. *Парламентская газета*. Выпуск. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-minprosveshheniya-predlagayut-sozdat-ekostancii-dlya-shkolnikov-v-kazhdom-regione.html>

References

Haustova, A.K., Panin A.V. et al (2020). *Methodological Recommendations on Creating Eco-Stations within the Framework of Regional Projects, Ensuring the Achievement of the Goals, Indicators and Outcome of the Federal Project "Every Child's Success" of the National Project "Education"*. М: Federal Children's Environmental and Biological Center, 123.

Pavlov, A.V., Goshin, M.E., Kosaretsky, S.G., Ivanov, I.Y., Ershova V.S. (2021). *Additional and non-formal education of schoolchildren under the pandemic COVID-19*. М.: National Research University Higher School of Economics, 88.

Instruction of the Ministry of Education of the Russian Federation from February 3, 2020, №R-9 "On amendments to methodological recommendations for the acquisition of teaching and training aids to create new places in educational institutions of different types to implement additional educational programs of all kinds

within the framework of regional projects, ensuring the achievement of objectives, indicators and results of the federal project Success of Every Child national project "Education", approved by Order of the Ministry of Education of Russia. Available at: <https://base.garant.ru/73526940/>

Filippova, E. (02.12.2021). The Ministry of Education suggests opening eco-stations for schoolchildren in every region. Parliament newspaper. Issue of Available at: <https://www.pnp.ru/social/v-minprosveshheniya-predlagayut-sozdat-ekostancii-dlya-shkolnikov-v-kazhdom-regione.html>

Дата получения рукописи: 05.12.2021

Дата окончания рецензирования: 15.12.2021

Дата принятия к публикации: 20.12.2021

Информация об авторах

Зинченко Ярослава Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

e-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Хаустова Анна Константиновна – аспирант кафедры социологии Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС, заместитель директора по организационно-методическому сопровождению естественнонаучной направленности Федерального центра дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: bazhenova@fedcdo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Zinchenko Yaroslava Gennadyevna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Khaustova Anna Konstantinovna – Postgraduate Student, Department of Sociology, South Russian Institute of Management Branch, Russian Academy of National Economy, Deputy Director for organizational and methodological support of natural sciences at the Federal Center of Additional Education and Organization of Rest and Recreation for Children, Moscow, Russian Federation; e-mail: bazhenova@fedcdo.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.7

Научная статья

УДК 316.344.34:377

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.7>**Качество высшего образования и необходимость его изменения в условиях онлайн обучения (по оценкам преподавателей и студентов российских вузов)****Виталий В. Ковалев¹,**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: vitkovalev@yandex.ru**Александра В. Лацвеева²,**² Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия,
e-mail: iluxin.2011@mail.ru**Аннотация**

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная активизацией использования дистанционных технологий в образовательном процессе высшей школы России. Ставится проблема, в соответствии с которой онлайн обучение снижает качество образования. Выдвигается гипотеза, согласно которой использование дистанционных технологий обосновывается незаинтересованностью акторами высшего образования традиционно понимаемого качества образования. Ставится цель, направленная на подтверждение или опровержение социального запроса на снижение качества образования.

Методы. Исследование в теоретическом контексте опирается на неинституциональный подход, а эмпирически реализовано с применением массового опроса.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что едва ли представленный результат в фокусе определения перспектив на достижение полезного качества образования в условиях онлайн обучения можно рассматривать как обнадеживающий. На данном этапе исследования допустимо высказать три предположения. *Первое:* преподаватели не имеют достаточного количества ресурсов для эффективной работы в условиях онлайн обучения. *Второе:* студенты не имеют достаточного количества ресурсов для эффективной учебы в условиях онлайн обучения. *Третье:* онлайн обучение отвергается большей частью респондентов как форма получения образования, способная обеспечить надлежащее качество образования. Соединяя три высказанных тезиса, мы приходим к конечному выводу о том, что среди студентов и преподавателей отсутствует запрос на снижение качества образования.

Ключевые слова

качество образования; онлайн обучение; высшее образование; стандарт качества; студенты; преподаватели; массовый опрос; неинституционализм; ресурсы качества.

Для цитирования

Ковалев В. В., Лацвеева А. В. (2021). Качество высшего образования и необходимость его изменения в условиях онлайн обучения (по оценкам преподавателей и студентов российских вузов). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 60–68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.7>

Quality of higher education and necessity to change it in the context of online learning (as evaluated by professors and students of Russian universities)**Vitaliy V. Kovalev¹,**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: vitkovalev@yandex.ru**Alexandra V. Latsveeva²**² Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russia,
e-mail: iluxin.2011@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined, justified by the intensification of use of distance technologies in educational process of higher education in Russia. The problem is posed, according to which online learning reduces quality of education. The hypothesis is put forward, according to which the use of distance technologies is justified by disinterest of higher education actors in the traditionally understood quality of education. The purpose is set to confirm or refute the social request to reduce the quality of education.

Methods. The theoretical context of the study is based on neo-institutional approach, and empirically it is implemented using mass survey.

Results and its discussion. The analysis showed that the presented result in the focus on determining the prospects for a useful quality of education in an online learning environment can hardly be regarded as encouraging. Three assumptions are permissible at this stage of study. *First:* Professors do not have enough resources to work effectively in online learning environment. *Second:* Students do not have enough resources to learn effectively in online learning environment. *Third:* Online learning is rejected by the majority of respondents as a form of education that can provide an adequate quality of education. Combining the three theses expressed, we come to the ultimate conclusion that there is a lack of demand among students and professors to reduce quality of education.

Keywords

quality of education; online learning; higher education; quality standard; students; professors; mass survey; neo-institutionalism; resources of quality.

For citation

Kovalev V. V., Latsveeva A. V. (2021). Quality of higher education and necessity to change it in the context of online learning (as evaluated by professors and students of Russian universities). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 60–68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.7>

Введение

В настоящее время в высшую школу России активно начинают внедряться дистанционные образовательные технологии. Отчасти этот процесс был инспирирован ситуацией самоизоляции, связанной, в свою очередь, с ухудшением эпидемиологической обстановки во всем мире. Но, на самом деле, цифровизация российского образования началась значительно раньше, когда в программы развития высшего образования в виде индикаторов стали включать количественные показатели, свидетельствующие о степени распространенности онлайн курсов в учебных планах российских университетов. Делалось это как бы исподволь, без четкого прояснения органами государственной власти своих позиций. Академическое сообщество, в своей основе, сформировало к этим инициативам министерства образования негативное отношение, опасаясь, что такой подход к «цифровизации» приведет к снижению качества образования. Очевидность подобного исхода подталкивает к выдвиганию гипотезы, что в институциональном пространстве высшей школы у некоторых акторов есть осознанная заинтересованность в снижении качества образования из-за представлений об избыточности фундаментального и системного образования. Заинтересованность государства в отказе от него может проявляться в связи с тем, что онлайн обучение приведет к снижению финансовых издержек, а у студентов – оптимизации временных и материальных затрат. Данную гипотезу на примере государства проверить невозможно. Поэтому исследование проведено в форме опроса преподавателей и студентов. С учетом сказанного, цель определяется как подтверждение или опровержение социального запроса на снижение качества образования.

Теоретические основы и методы исследования

Методологической основой исследования выступает неинституциональный подход (Савельев, 2016; Московский, 2005; Норт, 1997). Ведущее понятие, которое в рамках данного подхода можно продуктивно использовать при анализе полученных эмпирических данных, – транзакционные издержки (Вольчик, Нечаев, 2014; Коммонс, 2012; Coase, 1992; Coggan, Vuitelaar, Whitten, 2013; Лукичев, 2011). Применяя его, мы приобретаем возможность оценивать степень готовности со стороны студентов и преподавателей затрачивать на обучение объем ресурсов, который необходим для приобретения фундаментальных и системных знаний.

Ведущий эмпирический метод – массовый опрос. В опросе участвовали преподаватели и студенты одиннадцати высших учебных заведений по репрезентативной всероссийской выборке. Выборочная совокупность в группе студенты составила 2794 респондентов, в группе преподаватели – 305 респондентов. Опрос проводился в форме анкетирования с применением гугл-форм. Обработка данных осуществлялась в программе SPSS-22. Время опроса: сентябрь-ноябрь 2021 г.

Результаты исследования

Анализ данных проведем в опоре на два эмпирических индикатора: 1) согласованность представлений о качестве образования у студентов и преподавателей; 2) необходимость изменения стандарта качества в условиях онлайн обучения.

Вопросы анкет (студентов и преподавателей) были выстроены с учетом разработанной концепции. Теперь наша задача состоит в том, чтобы проверить, насколько наши представления, сконструированные теоретически, отражаются в представлениях реальных акторов институционального пространства высшей школы. Во-вторых, не менее важно понять, совпадают ли между собой представления самих акторов института высшего образования. Поскольку наша методология основывается на неинституциональной парадигме, то во внимание надо принимать согласованность целевых ориентаций относительно представлений между студентами и преподавателями о содержании понятия качество высшего образования. Мы исходим из гипотезы, что отсутствие такого согласования сильно затрудняет обеспечение качества высшего образования как эталона, т.к. автоматически делает сомнительным его полезность и приводит к потере доверия между преподавателями и студентами. Ряд вопросов анкеты были специально ориентированы, чтобы затронуть все аспекты качества высшего образования с точки зрения логического объема этого понятия.

Один из главных признаков качества высшего образования – доверительность. Студентов мы попросили установить, кто реально с их точки зрения «формирует стандарт качества высшего образования», а преподавателей – отметить желаемого социального актора, обладающего должной «компетенцией в определении стандарта качества».

Таблица 1

Источник обеспечения качества высшего образования
по оценкам преподавателей и студентов, в %

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
Преподаватели: академическое сообщество конкретного вуза, т.к. оно задает гибкие рамки эталона качества Студенты: преподаватель, т.к. он определяет эталон качества, реализует образовательный процесс и осуществляет контроль за успеваемостью студентов	56,1	64,1
Преподаватели: государство, т.к. оно выступает гарантом универсального качества для всех вузов Студенты: государство, т.к. оно устанавливает стандарты качества, а контроль за их реализацией проводит администрация вуза	28,4	13,3
Преподаватели: студенты, т.к. они могут самостоятельно определять, что и в каком объеме нужно изучать, чтобы получить качественное образование Студенты: студенты самостоятельно определяют, что и в каком объеме им нужно изучать, чтобы получить качественное образование	14,1	22,6

Существенных расхождений при согласовании представлений не выявлено. Самое главное, что большая часть респондентов из группы «студенты» (64,1%) признают ведущую роль преподавателя в определении эталона качества. Этому же мнению придерживаются и преподаватели (56,1%). Среди них сравнительно значимая роль в указанном контексте придается государству (28,4%), а студенты на второе место по частоте выборов поставили уверенность в собственной способности определять, «что и в каком объеме им нужно изучать, чтобы получить качественное образование» (22,6%). Самым важным показателем в представленных результатах мы считаем то, что студенты по-прежнему доверяют преподавательскому составу формировать эталон качества, а также контролировать процесс его восприятия на занятиях и оценочных мероприятиях (контрольные работы, зачеты, экзамены и т.п.).

С точки зрения заданной концепции исследования большое значение имеет субъектно-ориентированный подход (Галлямов, Кузнецов, 2017; Заборова, Щипачева, 2004; Игнатъев, Варламова, Степанов, 2016; Тихонов, 2013). Обычно в его рамках принято оценивать качество образования с точки зрения полезности получаемых знаний, умений, навыков. При этом полезность подменяется в дискурсе малоинформативным понятием удовлетворенность. Мы считаем это ошибочным, поскольку «удовлетворенность» всего лишь маркер эмоционального состояния, не имеющий никакого практического значения для оценки качества. Но, независимо от научной семантики, навязывать студентам, ещё не закончившим обучение, жесткие рамки результирующего образовательный процесс признака, мы посчитали нецелесообразным, и предложили им, в равной мере как и преподавателям, высказаться о качестве образования в формате открытого вопроса.

Наибольшая сложность открытых вопросов при обработке данных – их формализация. Ввиду этого, несколько разъяснений о решении названного затруднения. Когда нами исследовался логический объем понятия «качество высшего образования», то за основу из сложившегося дискурса было взято представление о качестве как о предзаданном эталоне и получившемся в процессе его инсталляции в образовательный процесс ожидаемо полезном результате. Другой аспект изучаемого понятия – условия обеспечения качества, также важны для установления искомого качества, т.к. через него формируется другой важнейший признак качества высшего образования – доверительность. Попросту говоря, если нет доверия относительно внешних условий образовательного процесса, то отсутствует вера, что его результат будет обладать свойством полезности. С учетом важности всех трех аспектов была осуществлена формализация открытого вопроса.

Первая группа – качество как образовательный эталон. Студенты не стали описывать качество образования в ракурсе абстрактных для них понятий. Несмотря на высказанную ранее (табл. 1) готовность самостоятельно оценивать качество своего образования (22,6%), они не показали должного понимания, через какие объективные показатели это можно сделать. Все немногие (1,6%), кто ссылался на федеральные стандарты или академические правила, это были магистранты, заканчивающие обучение. Бакалаврам же крайне затруднительно оказалось выразить представление о качестве, которое не связано с условиями обучения или субъективными ожиданиями от результата. Преподаватели куда чаще ссылались на ФГОСы, опыт советского образования, «классическое образование», «очное образование» и т.п. Преподаватель, в отличие от студента, уже имеет опыт включенной работы в академическом сообществе, где вопросы качества образования в той или иной степени необходимости являются объектом дискуссий и оценок со стороны коллег. Следовательно, он способен выделять разные модели образования – развивающее, проблемное, знаниево-профессиональное, культуруориентированное и т.п. Преподаватель, обладающий достаточными когнитивными интересами и способностями, знает ресурсные возможности разных моделей образования и, соответственно, способен экстраполировать их на потенциально возможный результат. Это,

можно сказать, главный предметный вывод относительно исследования по первому индикатору.

Таблица 2

Что, по Вашему мнению, представляет собой качественное образование, в %

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
1. Качество как образовательный эталон		
1) соблюдение государственных стандартов или правил, выработанных в академическом сообществе	7,1	1,6
2. Качество как ожидаемый результат от образования		
2) полезная теоретическая и практическая информация по профессии	20,1	26,9
3) профессиональные навыки, необходимые для дальнейшего качественного роста и развития	11,5	10,8
4) успешность в профессии	12,8	4,1
3. Качество как наличие необходимых условий для образования		
5) условия для интеллектуального, духовного, эстетического становления личности	21,2	17,6
6) квалифицированный преподавательский состав	13,2	17,8
7) материально-техническая база (аудитории, лаборатории, инвентарь, программное обеспечение)	4,7	5,0
8) партнерство вуза, студентов и работодателей	7,7	9,9
9) учет индивидуальных особенностей студентов	1,3	2,7
10) самообразование при помощи наставников	0,4	1,8
11) доступность	-	1,8

Продолжим по второй и третьей группам. Оценка качества как ожидаемого от образования результата выявила, что пятая часть преподавателей и четверть всех студентов связывают успешность образовательного процесса с получением полезной практической и теоретической информации по профессии. Также мы выделили отдельную группу, в которой полученные знания дополнительно рассматриваются в виде основы для дальнейшего профессионального развития (11.5 / 10.8). Ожидаемым было достаточно частое упоминание о профессиональной успешности. Но если среди преподавателей такой выбор сделали 12.8%, то среди студентов заметно меньше – 4.1%. Допустимо предположить, что в условиях кризиса молодежь начинает снижать уровень своих социальных притязаний.

Относительно третьей группы – качество как наличие необходимых условий для образования, лидером выборов стала ориентированность на развитие, причем вне профессиональной привязки (21.2 / 17.6). Также важное значение, особенно студентами, было придано наличию квалифицированного преподавательского состава (13.2 / 17.8). Кроме сказанного, студенты и преподаватели в плане создания условий для достижения полезного качества ждут практикоориентированности (7.7 / 9.9), хорошей материально-технической базы (4.7 / 5.0), учета индивидуальных особенностей обучающихся (1.3 / 2.7). Но эти позиции уже не лидеры мнений.

В целом, можно сказать, результаты исследования показали наличие единства представлений об образовании и его качестве со стороны преподавателей и студентов как акторов институционального пространства высшей школы. Единственное суще-

ственное различие имеется в понимании значимости теоретической и особенно практической информации, необходимой для профессионального становления. Релевантность этого аспекта преподаватели оценивают заметно меньше, чем студенты. Это потенциально способно вызывать рассогласованность во взаимодействии социальных акторов, что с большой степенью вероятности может отрицательно отразиться на способности российской высшей школы обеспечивать качество образования.

Далее обратимся ко второму эмпирическому индикатору – *необходимости изменения стандарта качества в условиях онлайн обучения*. По данному индикатору качество высшего образования будет рассматриваться в контексте технологий онлайн обучения. Независимо от образовательных технологий, качество образования связывается с овладением определенными компетенциями (качество как эталон). Еще до того, как в российских вузах утвердился компетентностный подход, всем участникам образовательного процесса было очевидно, что выпускник должен обладать актуальными знаниями, умениями и навыками. В академическом сообществе имеется общее понимание, какие качества потребуются дипломированному специалисту вне зависимости от профессиональной принадлежности. В современных ФГОСах это принято именовать универсальными компетенциями. Акцент именно на них в исследовании сделан постольку, поскольку опрос проводился по широкому спектру образовательных направлений и специальностей.

Чтобы сделать их характеристику, мы включили в анкету два вопроса. В первом из них заданные значения перенесены из дискурса, сложившегося в полемике между сторонниками и противниками онлайн обучения. Поэтому к трем компетенциям из государственных стандартов были добавлены те, которые, по мнению сторонников онлайн обучения, в современном обществе имеют большую степень актуальности, а следовательно, повышают сегмент полезности в формируемом вузами эталоне качества. Во втором вопросе респондентам предоставлена возможность сделать рейтинговую оценку по пятибалльной шкале более расширенному составу универсальных компетенций, взятых из ФГОСов. По сути, главная задача, решаемая по второму индикатору, установить, имеется ли необходимость в радикальном изменении эталона качества и образовательных технологий его формирования.

Итак, начнем с первого вопроса.

Таблица 3

Приоритетность умений и навыков для будущей профессиональной деятельности выпускников вузов, в %

Параметры оценки	Результат	
	Преподаватели	Студенты
1) дисциплинированность	73,9	70,5
2) кооперация в сетевых сообществах	25,4	29,9
3) конкурентоспособность	71,2	48,9
4) способность ежедневно в течение всего рабочего дня трудиться за компьютером	13,4	28,6
5) коммуникабельность, умение работать в команде	84,3	76,7
6) способность длительное время находиться без прямых социальных контактов	8,0	14,3

Границы оценки были заданы сторонниками онлайн обучения. В частности, ими высказывались суждения, что в современном обществе произошла резкая смена затребованных компетенций, и теперь высшая школа должна формировать такие навыки, как кооперация в сетевых сообществах, готовность ежедневно в течение всего рабочего дня трудиться за компьютером и способность длительное время находиться без прямых социальных контактов. К категории «отмирающих» были отнесены дисциплинированность, конкурентоспособность и коммуникабельность (умение работать в команде).

Полученные ответы показали надуманность подобного рода представлений. Студенты по-прежнему очень высоко оценивают роль дисциплинированности (70.5%), конкурентоспособности (48.9%) и коммуникабельности (76.7%). И, что особенно важно подчеркнуть, «новые» компетенции заметно уступают по частоте выбора тем, которые входят в образовательные стандарты и признаются академическим сообществом. Возможно, когда изменится традиционная социальная реальность и мир перейдет в цифровой формат по своим основным коммуникациям, тогда результаты будут другими. Современные же студенты достаточно ясно отдают себе отчет в том, в каких условиях им предстоит жить и работать.

Сторонники онлайн обучения высказывают убежденность, что между студентами, которые именуются аборигенами цифрового мира, и преподавателями, легла пропасть: первые нацелены на электронное обучение, вторые на аудиторно-контактное (Подольская, Тимошенко, 2020). Однако результаты исследования показывают, что никакой пропасти на самом деле нет. Да, имеются определенные различия, например, по заданному значению «способность ежедневно в течение всего рабочего дня трудиться за компьютером» (13.4 / 28.6). Но здесь надо принимать во внимание особенности разных профессий. Так, по специальности «лечебное дело» имеет место снижение от 28.6% по всей выборки до 12.6%, по социальным наукам до 14.8%, по естествознанию до 12.8%. А это уже соотносимо с результатом, полученным в группе «преподаватели». И, наоборот, по направлениям «математика и информатика», а также по некоторым инженерным специальностям результат повышается от общих 28.6% до 40-55%. Но это уже специфика профессии, которая и десять, и двадцать лет назад предполагала от программистов готовность проводить за компьютером всё свое рабочее время. Посыл же у сторонников перевода всего образовательного процесса в онлайн принципиально другой. По их мнению, мы уже сейчас живем в цифровой реальности, и профессиональное обучение должно учитывать перспективу резкого снижения частоты социальных контактов и даже полное их прекращение. Если так, то образование должно отражать эту тенденцию. Нам представляется, что подобные выводы несколько поспешны. Современное студенчество, как показывает исследование, вовсе не стремится уводить свои коммуникации в электронное пространство. Следовательно, предположение о каком-то глобальном разрыве между поколениями не подтверждается.

И, второй в рамках анализируемого индикатора, – вопрос рейтинговый.

Таблица 4

Рейтинговая оценка способности онлайн обучения обеспечить овладение универсальными компетенциями, в % и по среднему баллу

Параметры оценки	Результат											
	Студенты						Преподаватели					
	Проценты по баллам					Средний балл	Проценты по баллам					Средний балл
1	2	3	4	5	1		2	3	4	5		
1) умение выражать свои мысли	12,0	11,6	28,9	25,8	21,7	3,34	27,3	30,0	28,3	11,3	3,0	2,33
2) способность выступать публично	23,3	18,4	24,5	17,9	15,8	2,85	32,7	31,0	25,7	7,3	3,3	2,18
3) творческие способности	13,6	11,2	25,4	23,3	26,6	3,38	25,0	28,0	28,7	14,0	4,3	2,45
4) умение работать в команде	16,0	15,0	22,8	21,0	25,1	3,24	39,1	25,9	23,2	8,1	3,7	2,09
5) решение конфликтных ситуаций	18,1	14,7	26,5	20,4	20,3	3,1	45,3	27,7	18,3	7,3	1,3	1,92

Если в рамках первого вопроса оценивалась необходимость дополнения эталона качества новыми умениями и навыками, то в контексте второго рассматривались возможности онлайн обучения по обеспечению ожидаемой степени полезности от традиционно принятых в академической среде компетенций.

По всем пяти заданным значениям результаты оказались примерно одинаковыми. Это освобождает нас от необходимости детальных характеристик. Если коротко, то среди преподавателей общая оценка чуть ниже удовлетворительно, а в группе студенты – чуть выше удовлетворительно (кроме развития навыка публичных выступлений, где средний балл – 2.85, то есть сопоставимый с преподавательским).

Выводы

Проведенное исследование показало, что между преподавателями и студентами нет заметных различий в плане определения эталона качества, полезности образования или согласованности позиций по основным содержательным и сущностным компонентам качества. Кроме того, студенты доверяют преподавателем как основным акторам, ответственным за обеспечение качества в ходе образовательной деятельности. Также важно отметить, что ни студенты, ни преподаватели по большинству совершенных выборов не нацелены на изменение исторически принятого в классической школе качества высшего образования. Данная согласованность в позициях вполне способна служить косвенным подтверждением того, что трансакционные издержки на получение качественного образования, построенного по классическими канонам высшей школы, не могут считаться избыточными в представлениях большинства социальных акторов института высшего образования. Однако данный вывод был бы более релевантным, если бы был сделан на основе качественных исследований. Их проведение мы планируем провести в своих последующих исследовательских практиках по данной проблематике.

Литература

- Вольчик, В.В., Нечаев, А.Д. (2014). Теоретические подходы к идентификации трансакционных издержек. *Journal of economic regulation*, 5(1), 26-38.
- Галлямов, Р., Кузнецова, Ю. (2017). Качество высшего образования в представлениях его акторов: эволюция ведущих трендов в российском регионе (теоретический анализ проблемы). *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 3, 51-56.
- Заборова, Е.Н., Щипачева, Н.В. (2004). Качество образования в системе высшей школы: опыт социологического анализа. *Известия Уральского государственного экономического университета*, 9, 73-78.
- Игнатьев, В.П. Варламова, Л.Ф., Степанов, П.А. (2016). Привлечение студентов к оценке качества образования. *Современные наукоемкие технологии*, 12-1, 141-145.
- Коммонс, Дж. Р. (2012). Институциональная экономика. Перевод с англ. яз. А.А. Оганесян, научный редактор перевода В.М. Ефимов. *Terra Economicus*, 10(3), 69-76.
- Лукичев, М.Ю. (2011). Анализ развития понятия трансакции и трансакционных издержек. *Вестник МГСУ*, 4, 519.
- Московский, А.В. (2006). Пределы институционализма. *Экономист*, 6, 74-81.
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Подольская, Д.С., Тимошенко, М.А. (2020). Влияние социальных сетей на жизнь и обучение цифровых аборигенов. *Наука: взгляд молодых*. М.: ООО Ваш формат, 58-62.
- Савельев, М.Ю. (2016). Неинституционализм: методологические противоречия и мультикультурные средства их преодоления. *Наука Удмуртии*, 3, 47-56.
- Тихонов, Э.А. (2013). Качество субъектов многоуровневого профессионального образования. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 1, 90-95.
- Coase, R.H. (1992). The Institutional Structure of Production. *American Economic Review*, 82(4), 713-719.
- Coggan, A., Buitelaar, E., Whitten, S. and Bennett, J. (2013). Factors that influence transaction costs in development offsets: Who bears what and why? *Ecological Economics*, 88, 222-231.

References

- Volchik, V.V., Nechaev, A.D. (2014). Theoretical approaches to the identification of transaction costs. *Journal of economic regulation*, 5(1), 26-38. In Rus.

Galliamov, R., Kuznetsova, Y. (2017). Quality of higher education in the perceptions of its actors: evolution of leading trends in the Russian region (theoretical analysis of the problem). *Economics and Management: scientific and practical journal*, 3, 51-56. In Rus.

Zaborova, E.N., Shchipacheva, N.V. (2004). Quality of education in the system of higher education: the experience of sociological analysis. *Proceedings of the Ural State University of Economics*, 9, 73-78. In Rus.

Ignatiev, V.P. Varlamova, L.F., Stepanov, P.A. (2016). Engaging students in assessing the quality of education. *Modern science-based technologies*, 12-1, 141-145. In Rus.

Commons, J. R. (2012). Institutional economics. Translated from English by A.A. Oganesyan, scientific editor of translation by V.M. Efimov. *Terra Economicus*, 10(3), 69-76. In Rus.

Lukichev, M.Y. (2011). Analysis of the Development of the Concept of Transaction and Transactional Costs. *Vestnik MGSU*, 4, 519. In Rus.

Moskovsky, A.V. (2006). Limits of institutionalism. *The Economist*, 6, 74-81. In Rus.

North, D. (1997). Institutes, institutional change and the functioning of the economy. Moscow: Nachala. In Rus.

Podolskaya, D.S., Timoshenko, M.A. (2020). The impact of social networks on the lives and learning of digital natives. *Science: the view of the young*. M.: OOO Your format, 58-62. In Rus.

Saveliev, M.Y. (2016). Neoinstitutionalism: methodological contradictions and multicultural means of overcoming them. *Science of Udmurtia*, 3, 47-56. In Rus.

Tikhonov, E.A. (2013). Quality of subjects of multilevel professional education. *Proceedings of Higher Education Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 1, 90-95. In Rus

Coase, R.H. (1992). The Institutional Structure of Production. *American Economic Review*, 82(4), 713-719.

Coggan, A., Buitelaar, E., Whitten, S. and Bennett, J. (2013). Factors that influence transaction costs in development offsets: Who bears what and why? *Ecological Economics*, 88, 222-231.

Дата получения рукописи: 03.11.2021

Дата окончания рецензирования: 05.12.2021

Дата принятия к публикации: 06.12.2021

Информация об авторах

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Лацвеева Александра Владимировна – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Ростовская область, Россия; e-mail: iluxin.2011@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Latsveeva Alexandra Vladimirovna – Postgraduate student, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russia; e-mail: iluxin.2011@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.8

Научная статья

УДК 316.356.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.8>**Особенности добрачного поведения молодежи:
опыт эмпирического исследования****Юлия Ф. Безинских¹**¹Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация**Дина В. Белинская²**²Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Российская Федерация
e-mail: may_1981@mail.ru**Аннотация**

Введение. В статье представлен анализ результатов социологического исследования, целью которого выступило выявление отношения молодежи к феномену добрачного поведения. Полученные данные демонстрируют оптимальный возраст для начала добрачных и брачных отношений, мотивы вступления в них, и в целом отношение к сожительству.

Методы и результаты исследования. Методом анкетного опроса, который проводился в г. Тамбов в октябре 2021 года, было опрошено 300 человек (133 юноши и 167 девушек). Выборка формировалась случайным бесповторным методом. Возраст респондентов охватил диапазон 18-30 лет. Приведенные выводы констатируют важность добрачного периода отношений как важных характеристик формирования и развития будущей ячейки общества.

Ключевые слова

добрачное поведение; соительство; семья; брак; гражданский брак; семейно-брачные отношения; добрачный период; потенциальные партнеры; супруги; молодежь.

Для цитирования

Безинских Ю.Ф., Белинская Д.В. (2021). Особенности добрачного поведения молодежи: опыт эмпирического исследования. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 70–79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.8>

Features of premarital behavior of young people: experience of empirical research**Yulia F. Bezinskih¹**¹ Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation**Dina V. Belinskaya²**² Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

e-mail: may_1981@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents analysis of the results of a sociological study, the purpose of which was to identify the attitude of young people on the phenomenon of premarital behavior. The data obtained show the optimal age for the beginning of premarital and marital relations, the motives for joining them, and in general the attitude towards cohabitation.

Methods and results of the study. 300 people (133 young men and 167 young women) were interviewed by questionnaire survey conducted in Tambov in October 2021. The sample was formed by random, non-repetitive method. Age of the respondents covered the range of 18-30 years. The findings suggest importance of premarital relationships as important characteristics of family formation and development.

Keywords

premarital behavior; cohabitation; family; marriage; civil marriage; family-marriage relations; premarital period; potential partners; spouses; youth.

For Citation

Bezinskih Yu. F., Belinskaya D.V. (2021). Features of premarital behavior of young people: experience of empirical research. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 70–79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.8>

Введение

Добрачное поведение представляет собой значительный интерес для исследователей с точки зрения стабильности института воспроизводства семьи и прогнозируемости рождаемости. Семья выступает тем социальным институтом, который отвечает за сохранение и передачу социального опыта, традиций и ценностей от поколения к поколению.

Социальный феномен «добрачное поведение» выступает объектом исследования философии, психологии, семействедения, социологии. Понятие добрачного поведения не имеет унифицированной интерпретации, его понимание сложно и полиструктурно. В широком смысле оно включает психологические и биологические предпосылки, социокультурные и ценностные ориентации, которые формируют деятельность с целью создания семьи. Добрачное поведение – это не просто выбор партнера. В современном социуме добрачное поведение выступает социальным институтом, который формирует базис будущих брачных отношений (Карцева, 2013).

По мнению Е.Н. Касаркиной, добрачное поведение представляет собой социальный институт, сфера взаимоотношений которого направлена на выбор брачного партнера и определяет характер будущего замужества. Касаркина подмечает, что данный феномен зависит от социокультурных и территориальных условий проживания и национальных традиций (Касаркина, 2019).

А.И. Антонов интерпретирует добрачное поведение как процесс, результатом которого выступает выбор брачного партнера из совокупности возможных (Антонов, 1996).

Н.Е. Новикова трактует добрачное поведение как поведение, которое определено психологическими, биологическими и социальными характеристиками индивида. Оно зависит от социокультурных условий и направлено на выбор партнера и характер будущего брака, эмоциональное отношение к ценностным установкам (Новикова, 2011).

Добрачное поведение важно для формирования эмоциональной, ценностной, потребностной платформы будущих отношений. В рамках прикладных исследований данного феномена выделяют несколько периодов добрачного поведения, которые целесообразно изучать в их взаимосвязи (Савинов, 2000):

- 1) накопление совместных переживаний и впечатлений;
- 2) изучение друг друга и проверка принятого решения;
- 3) проектирование совместной жизни.

Результатом добрачного периода выступает ролевая совместимость как сходство взаимных ценностных представлений о семье и роли в ней мужчины и женщины. Достижение совместимости, отмечает И.А. Шахова, может длиться неограниченное количество времени. Поэтому добрачный период может перетекать в сожительство без вступления в брак (Шахова, 2010).

Таким образом, добрачное поведение представляет собой сферу социальной жизни (Полянцева, 2021). Добрачное поведение уникально, интимно, воплощает разнообразные человеческие свойства, качества, потребности и вместе с тем различается по конструктивным и неконструктивным параметрам. К конструктивным параметрам в добрачном поведении можно отнести наличие установки, направленных на сохранение здоровья и поддержание здорового образа жизни в течение полного жизненного цикла, включая период выбора брачного партнера и добрачного поведения.

Методы и результаты исследования.

Для изучения данного проблемного поля проведено социологическое исследование. Полевой этап исследования проводился в г. Тамбов в октябре 2021 года с охватом 300 человек, из них 133 юноши и 167 девушек. Выборка формировалась случайным бесповторным методом. Возраст респондентов охватил диапазон 18-30 лет.

Основные установки и ценностные ориентации добрачного поведения складываются не спонтанно и формируют представления о браке и семье. В рамках исследования мы актуализировали понятия «гражданский брак» и «добрачные отношения».

На рисунке 1 мы видим, что для большинства девушек гражданский брак – это форма сожительства, тогда как юноши рассматривают его как официально зарегистрированные отношения. Получается, представители сильного пола в большей степени разбираются относительно нюансов в рассмотрении сущности гражданского и фактического браков.

По мнению аналитиков ВЦИОМ, заключение брака большинством россиян по-прежнему считает важным, но теперь это - не способ узаконить отношения в соответствии с ожиданиями общества, а веха, обозначающая осознанность выбора (Аналитический доклад ВЦИОМ, 2021).

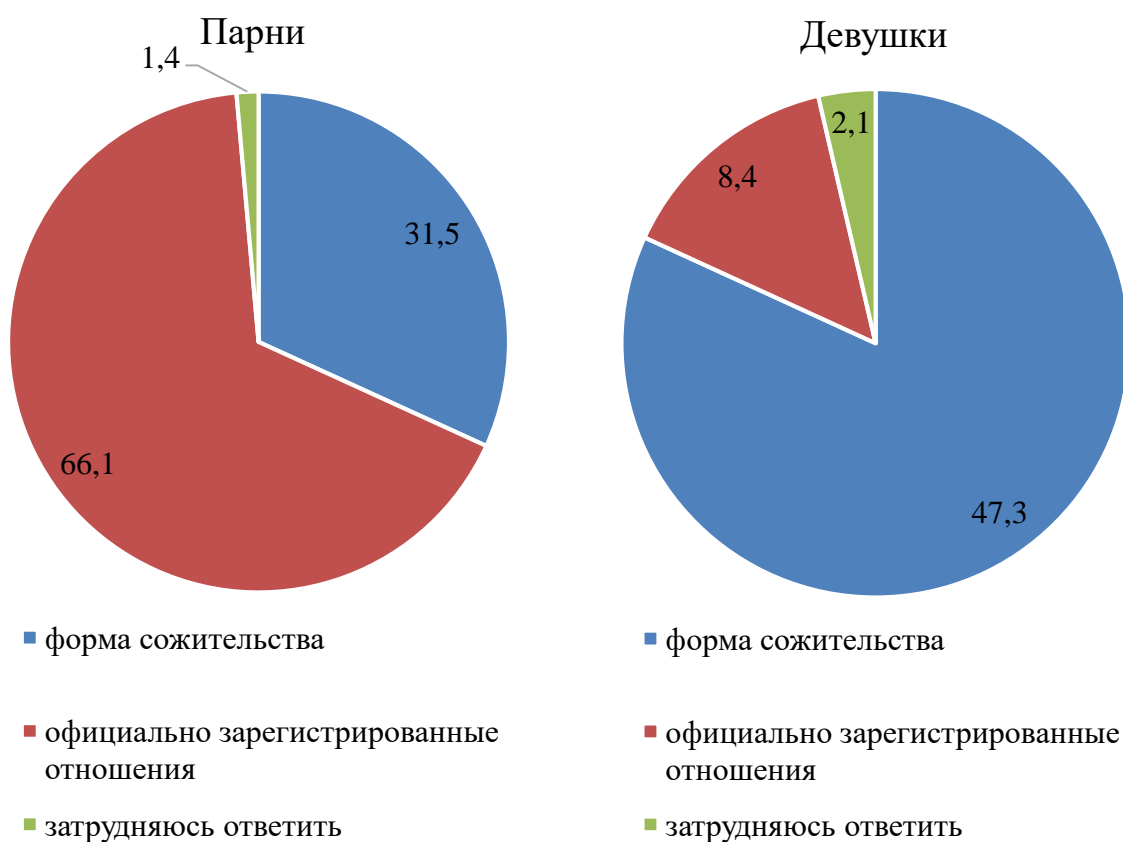

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, означает термин «гражданский брак»?», %

Сегодня вопрос о семейном статусе воспринимается, как показатель надежности и ответственности, и его отсутствие вовсе не приводит к какой-либо стигматизации, поэтому сожительство/фактический брак/гражданский брак чаще всего воспринимаются как ягоды одного поля.

Стоит отметить, что 66,1% опрошенных юношей считают гражданский брак официальной формой отношений и приравнивают к зарегистрированному браку. Каждый третий респондент под добрачными отношениями понимает период от начала отношений до заключения брака (рисунок 2).

Как любой сложный социальный феномен, добрачные отношения имеют собирательный характер и представляют собой систему взаимообусловленных процессов, ха-

рактизирующих взаимоотношения между мужчиной и женщиной. В контексте субъективного понимания содержания добрачного периода существуют существенные гендерные отличия. Так, 59,3% юношей считают, что добрачное поведение априори подразумевает совместное проживание, тогда как 60,4% девушек утверждают, что данный период – это период до регистрации брака. Каждый второй молодой человек считает, что интимные отношения в добрачном поведении являются нормой, а каждая вторая девушка видит обязательным период свиданий (таблица 1).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, означает термин «добрачные отношения»?», %

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что, с Вашей точки зрения, включают в себя добрачные отношения?», %

Значение	Юноши	Девушки
Совместное проживание	59,5	43,7
Период свиданий	23,3	48,5
Интимные отношения	47,3	31,7
Рождение детей	20,3	38,3
Последующая регистрация брака	15,8	60,4

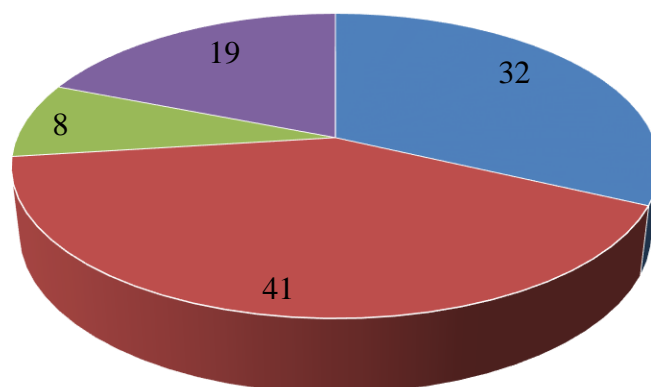
Совместное проживание партнеров в добрачном периоде уже предусматривает смену ролей. Большинство респондентов считают, что уже в добрачном периоде они приобретают роли мужа и жены. Данная тенденция обусловлена тем фактом, что статус жены (мужа) значительно выше, поскольку выражает стремление к постоянству. Большинство респондентов отметили, что имеют опыт добрачных отношений. Каждый третий из опрошенных отметил оптимальным периодом добрачных отношений в среднем от 6 месяцев до года (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какое добрачный период является оптимальным?», %

Значение	Показатель
До 1 месяца	4,6
1-6 месяцев	15,3
6-12 месяцев	37,3
1-3 года	34
4-6 лет	7,6
Больше 6 лет	1,2

Если любые формы сожительства – это, в первую очередь, взаимоотношения между мужчиной и женщиной, то семья – это взаимоотношение родителей и детей. Акцентируя внимание на том, что добрачное поведение – это подготовительный этап в становлении семьи, мы спросили респондентов о готовности к рождению ребенка в добрачный период. 41% опрошенных высказали мнение, что рождение ребенка возможно только в браке. Следует отметить, что данное мнение не является определяющим, так как каждый третий респондент утверждает, что рождение ребенка вне зарегистрированного брака не является проблемой (рисунок 3).

- Да, не вижу никаких проблем
- Нет, рождение ребенка возможно только в браке
- Не собираюсь иметь детей
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Могли бы Вы завести ребенка в добрачных отношениях», %

Так как рождение ребенка не является мотивирующей основой вступления в брак, мы обратились к поиску основных причин, которые побуждают партнеров проживать вместе, не регистрируя отношения официально. 35,3% респондентов мужского пола отметили, что ключевой мотивацией добрачного поведения выступает возможность иметь постоянного сексуального партнера, а 46,1% девушек считают, что главным выступает эмоциональность отношений и отмечают «любовь», которая занимает второе место в рейтинге у мужчин. 38,9% респондентов женского пола определяет основной причиной поиск брачного партнера. Таким образом, добрачный период в отношениях мужчин и женщин выступает некой «примеркой» как в личностном, так в эмоциональном и сексуальном плане (таблица 3).

Совместное проживание для 40,6% респондентов является допустимым при любых обстоятельствах для каждого третьего – только при условии дальнейшей официальной регистрации брака. В данном случае гендерная специфика является очевидной. 57,1% опрошенных юношей считают совместное проживание является естественным и

только 30,8% считают, что оно должно закончиться заключением брака. Женская аудитория респондентов демонстрирует обратную тенденцию: 58,6% опрошенных утверждают, что сожителство можно оправдать только тем фактом, что после него последует посещение ЗАГС, и только 27,5% девушек согласны на гражданский брак без обязательных условий официального оформления отношений (рисунок 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Какие причины побуждают молодежь вступать в добрачные отношения?», %

Значение	Юноши	Девушки
Поиск брачного партнера	23,4	38,9
Способ решения финансовых проблем	0	0
Любовь	27,8	46,1
Постоянный сексуальный партнер	35,3	0
Рождение детей	6	7,2
Забота о партнере	3	4,8
Чтобы не чувствовать одиночество	4,5	3

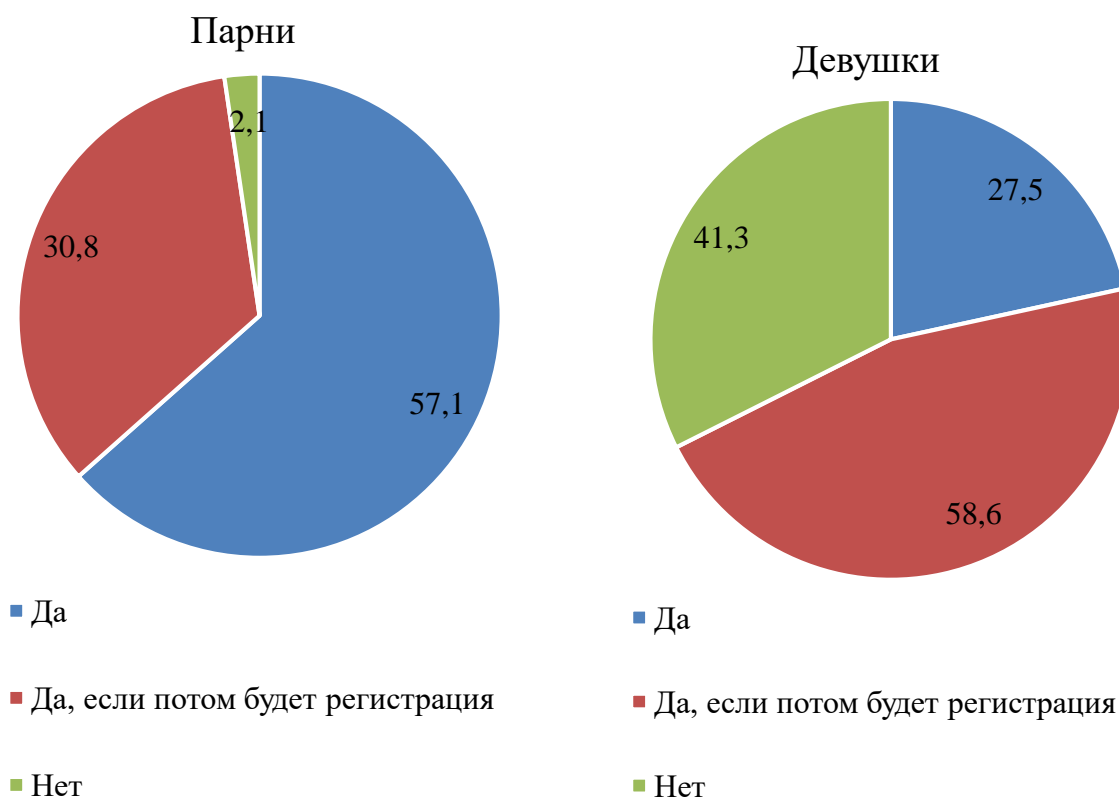

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, допустимо ли проживать совместно без заключения брака?», %

Беря во внимание тот факт, что определяющее число респондентов не отрицают вероятность сожителства до вступления в официальный брак или без вступления, мы посчитали важным акцентировать вопрос, который нашел отражение в рейтинге мотиваций для добрачного поведения, - это добрачные сексуальные отношения.

65,5% опрошенных выразили мнение, что сексуальная жизнь до брака выступает необходимым условием будущей семейной жизни. В данном вопросе мнение полов сопоставимы: положительное утверждение высказали 72,2% юношей и 60,4% девушек.

Оптимальным возрастом для вступления в зарегистрированный брак 45,9% парней считают возраст старше 30 лет, 39,8% – 25-30 лет; женская часть респондентов желает официально оформить отношения с партнером в более раннем возрасте. Для 48,5% – это возраст 21-24 года, для 28,7% – 18-20 лет (рисунок 5).

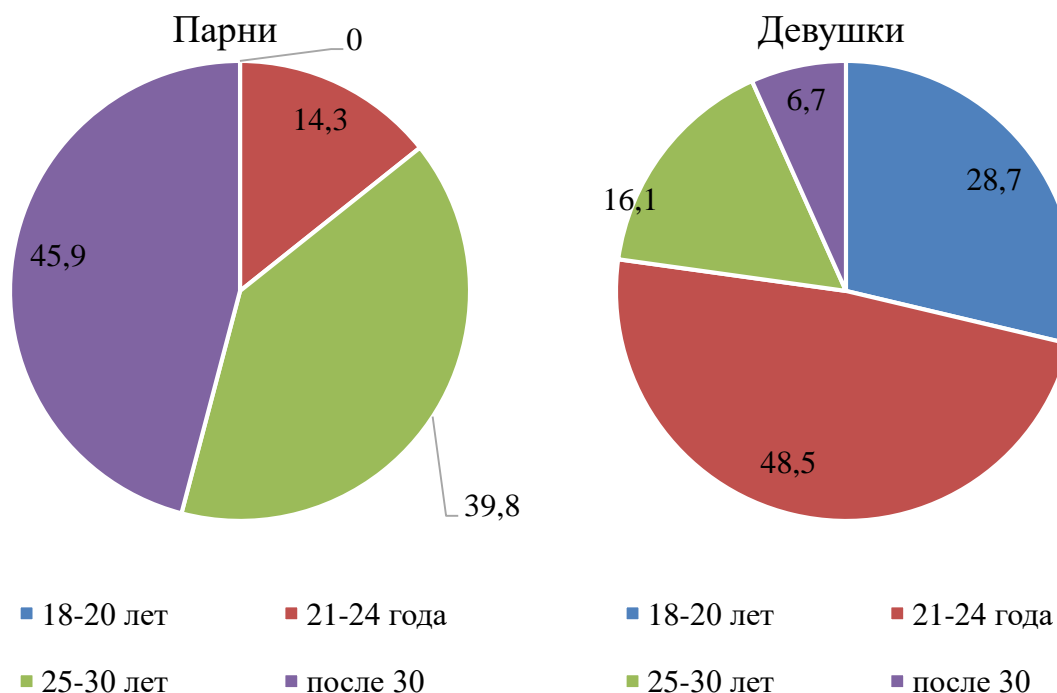

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Какой возраст Вы считаете оптимальным для вступления в брак?», %

Ставя во внимание тот факт, что более 40% респондентов считают допустимым рождение ребенка только в зарегистрированном браке, мы можем предположить, что желание женской аудитории к более раннему вступлению в официальный брак может быть обусловлено репродуктивными особенностями данного возраста.

Для актуализации гендерных особенностей восприятия и понимания добрачного поведения мы предложили респондентам высказать свою точку зрения на ряд утверждений. Несмотря на общую тенденцию, что добрачный период в современных отношениях мужчин и женщин является не просто допустимым, но и вполне естественным явлением, которое сопровождается совместным проживанием и добрачными сексуальными отношениями, к самому феномену и его содержанию существуют различные гендерные точки зрения, зачастую даже полярные. Так, 38,3% парней согласны с мнением, что сожительство лучше, чем официально зарегистрированный брак, 42,5% девушек категорически не согласны с данным утверждением. Каждый третий мужчина утверждает, что в добрачных отношениях имеет место частая смена сексуальных партнеров, 40,7% девушек не согласны с таким положением. Сожительство, можно считать, что Вы женаты, - считает каждый второй мужчина, при этом 48,5% девушек скорее с этим не согласны и каждая четвертая женщина категорически не согласна с данным утверждением (таблица 4).

Необходимо также отметить, что существует ряд позиций, по которым мужчины и женщины солидарны. Так, по мнению того, что в официальном браке появляется больше обязательств, высказывают согласие 51,1% парней и 43,1% девушек. Представители обоих полов приходят к единому мнению по вопросу, что, состоя в официальном браке, отношения разорвать сложнее (38,3% парней и 40,7% девушек соответственно).

Большинство респондентов согласны с утверждением, что появление детей – это повод для официального оформления отношений.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», %

Показатель	Согласен		Скорее согласен		Затрудняюсь ответить		Скорее не согласен		Не согласен	
	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д
Сожительство лучше, чем официально зарегистрированный брак	20,3	7,2	38,3	12,5	9,7	16,7	15	20,9	16,5	42,5
В официальном браке появляется больше обязательств	51,5	43,1	23,3	26,3	3	4,8	10,5	13,7	12	11,9
В добрачных отношениях возможна частая смена сексуальных партнеров	30,8	7,2	24	13,1	6	10,7	20,3	28,1	18,7	40,7
Брак крепче у тех, кто проживал совместно до свадьбы	23,3	14,3	21	13,7	20,3	23,9	20,3	26,3	15	21,5
Состоя в официальном браке, сложнее разорвать отношения	38,3	40,7	23,3	25,7	3	3,4	20,3	16,7	15	13,7
Сожительство, можно считать, что вы женаты/замужем	53,3	10,1	15	10,1	6	6	12,7	48,5	12,7	25,1
Появление детей – это повод для заключения официального брака	51,1	43,1	30,8	40,7	6	2,4	7,5	7,8	4	6

Сформулировав, в целом, представления респондентов о добрачном поведении, мы выяснили, что, по мнению респондентов, общественное мнение о данном феномене не статично и меняется в контексте развития всего общества, что подтверждается эмпирическими данными различных исследователей, приведенные по втором разделе нашей работы.

На данный момент в социуме превалирует мнение, что добрачные отношения являются позитивным явлением: 32,6% респондентов указывают на то, что добрачные отношения полезны для создания крепкой семьи, а 25,6% утверждают, что они просто необходимы как обязательный период.

По мнению большинства респондентов, во временной перспективе сожительство и официальный брак будут равнозначно востребованы (67%), 50,3% уверены, что появятся новые формы брачно-семейных отношений, 40,3% высказались за предположение, что однополые браки регламентируют законодательно (рисунок 6).

Выводы

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что добрачное поведение в целом рассматривается как подготовительный период, в рамках которого осуществляется «примерка» партнера и определение его соответствия ценностным установкам и жизненным ориентирам, а также адаптация как в личностной, так и сексуальной сферах. Добрачное поведение определяет вероятность дальнейшего развития отношений и возможность официальной регистрации брака.

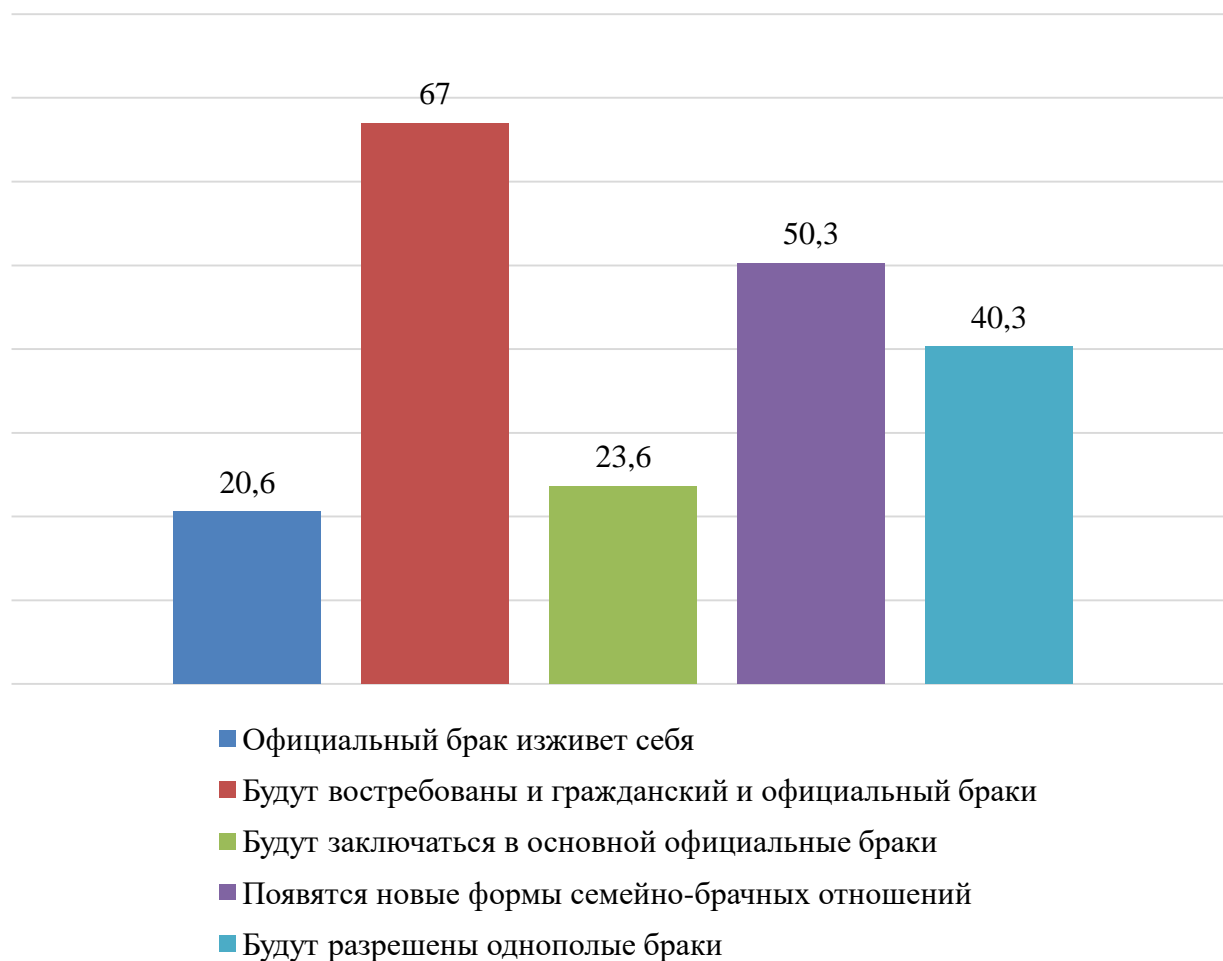

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Какие отношения будут доминировать в будущем?», %

Несмотря на общую положительную оценку данного феномена, существует ряд концептуальных противоречий в понимании добрачного периода в гендерном контексте. Так мужчины считают сожителем альтернативой брака, мотивируя это тем, что официальные отношения усугубляют новые требования и обязанности в тандеме мужчины и женщины, и, более того, неофициальный брак дает возможность смены сексуальных партнеров. Женская аудитория имеет полярную точку зрения и выражает мнение, что сожителем – это мостик к официальному браку, что уже в данном периоде необходимо сохранять верность. Рождение ребенка возможно только в условиях брака, по мнению девушек.

Таким образом, добрачное поведение – это естественный процесс, который не вызывает отторжения со стороны общества и способствует формированию осознанного отношения к браку. Официально зарегистрированные отношения всегда были гарантией стабильного существования семьи, но сегодня семейно-брачные отношения претерпевают существенную трансформацию, что в значительной мере способствовало тому, что заключение брака на данном этапе развития современного общества не рассматривается как обязательный фактор.

Литература

- Антонов, А.И., Медков, В.М. (1996). *Социология*. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 304
- Карцева, Л.В. (2013). *Семьеведение: учебно-методическое пособие*. В Л.В. Карцева (науч.ред. и составитель). Казань: КГУКИ, 166.
- Касаркина, Е.Н., Антипова, А.А. (2019). Социокультурные факторы, формирующие брачные мотивации молодежи (на примере г. Саранска). *Финно-угорский мир*, 11 (4), 437-448.
- Новикова, Е.Н. (2011). Влияние городской среды на добрачное поведение молодежи. *Социология города. Научно-теоретический журнал*, 2, 16-23.
- Полянцева, В.В. (2021). Добрачное поведение молодежи. *Наука XXI века: актуальные направления развития*, 1 (1), 201-203.
- Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы? (2021). Аналитический доклад, ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf
- Савинов, Л.И. (2000). *Семьеведение. Учебное пособие*. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 196.
- Шахова, И.А. (2010). Социальные особенности добрачного поведения современной молодежи. *Вестник Амурского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*, 48, 112-113.

References

- Antonov, A.I., Medkov, V.M. (1996). *Sociology*. Moscow: Moscow State University Press: International University of Business and Management, 304
- Kartseva, L.V. (2013). *Family studies: educational and methodological manual*. In L.V. Kartseva (Ed.). Kazan: KSUKI, 166.
- Kasarkina, E.N., Antipova, A.A. (2019). Sociocultural factors shaping the marriage motivations of young people (on the example of Saransk). *Finno-Ugric World*, 11 (4), 437-448.
- Novikova, E.N. (2011). Influence of urban environment on the premarital behavior of young people. *Sociology of the city. Scientific-theoretical journal*, 2, 16-23.
- Polyantseva, V.V. (2021). Premarital behavior of youth. *Science of the XXI century: actual directions of development*, 1 (1), 201-203.
- Russian family: how to preserve traditions and find new meanings?* (2021). Analytical report, VTsIOM. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf
- Savinov, L.I. (2000). *Family studies. Textbook*. Saransk: Mordovian University Press, 196.
- Shakhova, I.A. (2010). Social peculiarities of premarital behavior of modern youth. *Bulletin of the Amur State University. Humanities Series*, 48, 112-113.

Информация об авторах

Безинских Юлия Фларитовна – студентка 5 курса Факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Белинская Дина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент Факультета истории, мировой политики и социологии, кафедра теоретической и прикладной социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; e-mail: may_1981@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bezinskih Yulia Flaritovna – Fifth-year Student of the Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

Belinskaya Dina Viktorovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Faculty of History, World Politics and Sociology, Department of Theoretical and Applied Sociology, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; e-mail: may_1981@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.9

Научная статья

УДК 316.35

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.9>**Постсекулярное в русском православии: «Бедная вера»****Денис Ю. Сакович¹**¹Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: youraise@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются проблемы современной религиозности на постсоветском пространстве, а именно религиозное сознание православных христиан, которые отвергают внешнее проявление религиозного. Для того, чтобы выявить различия между религиозным сознанием в традиционном русском православии и современной синкретической веры, приводится краткий исторический очерк, рассматривающий переход общества от традиционного к светскому, секулярному, а также исследуется феномен современной религиозности на примерах богословских текстов и интернет-публикаций западных и российский мыслителей. Статья носит проблемный характер, ставит вопросы и создает почву для будущих исследований.

Методы. Главным методологическим принципом данной работы является сравнительный текстологический анализ, а также феноменологический подход к религиозным и социальным явлениям (Рудольф Отто, Питер Бергер, Макс Вебер).

Результаты и их обсуждение. Статья показывает проблемные точки современного религиозного мышления в православной среде, а также показывает необходимость исследования современной религиозности у представителей традиционных религий. Современная религия в Россия прошла трудный путь через гонения, убийства, уничтожение духовного образования и вошла в новое постсекулярное общество, общество информационное, нетрадиционное, и, тем самым, столкнулась с новыми, небывалыми вызовами.

Ключевые слова

религия; религиозное мышление; православие; философия религии; теология; социология религии; секуляризм; постсекуляризм; религия без религии; атеизм; теизм.

Для цитирования

Сакович Д.Ю. (2021). Постсекулярное в русском православии: «Бедная вера». *Caucasian Science Bridge*, 2021, Т. 4, №4 (14), С. 82–87. doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.9

Post-secular in Russian Orthodoxy: “Poor Faith”**Denis Yu. Sakovich¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: youraise@yandex.ru**Abstract**

Introduction. The article examines the problems of contemporary religiosity in the post-Soviet space, namely, the religious consciousness of Orthodox Christians who reject the external manifestation of the religious. In order to identify the differences between religious consciousness in traditional Russian Orthodoxy and modern syncretic faith, the article offers a brief historical sketch of the transition from the traditional to the secular society, and also explores the phenomenon of contemporary religiosity using examples from theological texts and online publications of Western and Russian thinkers. The article is problematic in nature, posing questions and laying the groundwork for future research.

Methods. The comparative textual analysis and the phenomenological approach to religious and social phenomena (Rudolf Otto, Peter Berger, and Max Weber) are the main methodological principles of this work.

Results and its discussion. The article reveals the problematic points of contemporary religious thinking in the Orthodox environment, and also indicates the need to study contemporary religiosity among representatives of traditional religions. Modern religion in Russia has gone a difficult way through persecution, murder, destruction of spiritual education, and entered a new post-secular, informational, non-traditional society, thus facing new, unprecedented challenges.

Keywords

religion; religious thinking; Orthodoxy; philosophy of religion; theology; sociology of religion; secularism; post-secularism; religion without religion; atheism; theism.

For citation

Sakovich D.Yu. (2021). Post-secular in Russian Orthodoxy: "Poor Faith". *Caucasian Science Bridge*, Т. 4, №4 (14), P. 82–87. doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.9

Введение

Современное общество в России, Европе и США принято называть секулярным. Обычно это слово считают тождественным понятию «светское», нерелигиозное, то общество, где религия занимает определенное место, чаще всего периферийное. Своими корнями это слово восходит к латинскому слову «saeculum», которое можно перевести как «поколение», «век» или «дух времени». Термин «секуляризация» (saecularizatio) можно встретить и в каноническом праве Римско-католической Церкви; под ним понимается возвращение в «мир» члена монашеского ордена, сопровождающееся отказом от взятых обетов. Наконец в XIX в. секуляризация из узкого политико-юридического или религиозно-канонического превращается во все более общее понятие, описывающее процесс высвобождения общества в целом из-под влияния религии. В чем же здесь проблема? Неужели никогда ранее не было атеистического мировоззрения?

Хорошо известно, что в традиционных обществах существовали атеистические течения. Исследователь атеизма Анджей Новицкий в своих работах говорит о том, что в античную эпоху составлялись целые каталоги представителей атеистической мысли. В частности, он пишет о Клитомaxe, который описывал учение своего наставника стоика и атеиста Карнеада из Кирены во II веке до н.э. Опираясь на видных атеистических мыслителей Диагора, Феодора и Протогора, Цицерон говорил, что вскоре их учение уничтожит не только страх перед богами, но и всякую религию (Цицерон, 1985). И далее мы можем увидеть мысль Цицерона о победе науки: «Все философские предписания применимы к жизни; и в общих, и в частных делах я поступал так, как предписывают рассудок и наука» (Цицерон, 1985).

Однако все эти школы или учителя были скорее исключением, и не имели большого влияния на массовое сознание людей. Большинство продолжало жить в традиционной религиозной парадигме. С появлением христианства религиозное влияние усилилось за счет единого исповедания. Даже если человек и выступал против Бога или официального учения Церкви, то он мыслил себя и мир как творение Высшего начала. В одной из своих статей Джон Капуто пишет о том, что никогда еще мир не мыслил о Боге с позиции судьбы до современности: «...в современную эпоху вопрос о Боге был основательно переформулирован. Вместо того чтобы приступить к нему, встав на колени, мы с важным видом и суровыми лицами восседаем на жестких скамьях суда Разума» (Капуто, 2011).

Смена парадигм

На смену традиционному религиозному сознанию приходит секулярная парадигма, которая была основной социологической моделью более 100 лет. Под секулярным обычно понимается процесс утраты религии своей социальной значимости (Узла-нер, 2019). Большинство социологов восприняло эту идею как единственную возможную. Именно в этот период появляется религия как религия. Процесс дифференциации (усложнение общества путем институализации) указал религии своё место как отдельного института, который должен заниматься исключительно религиозными вопросами. Об этом процессе начали писать практически все социологи, и, казалось, что это модель будет работать вечно.

Если раньше искусство, образование, право и прочее, не делилось на религиозное и светское, то и до сего дня только так и возможно воспринимать мир; мир, разделенный на пополам – между сакральным и профанным. Именно благодаря долгому развитию

этих идей стал возможен переход от религиозного к секулярному, в том числе и в Советском союзе.

Советские идеологи, как и принято было в европейской мысли, утверждали победу человеческого разума над религиозными предрассудками. Чем больше человек знает, чем больше он просвещён светом научного атеизма, чем больше индустриализация и модернизация, тем меньше человек будет обращаться к идеальному.

Однако, в 60-ых годах 20 века появляется целая группа западных социологов, которые утверждают, что теория секуляризации не работает или же работает, но отчасти. Питер Бергер, Томас Лукман, Чарльз Тейлор, Дэвид Мартин и др., утверждают, что речь о смерти религии слишком надумана и через чур идеологична (Узланер, 2019). В своих работах они показывают, что религия не уходит и не исчезает, она меняет свои формы, появляются новые секты, новые синкретические формы религиозности, квазирелигиозные организации. Михаил Эпштейн приводит пример таких религиозных обществ и СССР. В 60-ых годах появляется общество «Призыв», во главе которого стоял Сандр Рига. Члены данного общества пытались найти истину, которая бы объединила все религии (Эпштейн, 2013).

Особый путь, который прошла Россия, наложил отпечаток на восприятие религиозного. 70 лет атеистической пропаганды, истребление священнослужителей, закрытие духовных школ, отсутствие религиозной литературы – всё это, и многое другое, сильно повлияло на религиозное мышление россиян. После Советского Союза в 90-ые годы был открыт ящик Пандоры, из которого появилось огромное количество религиозных и около религиозных течений. Религия и разговор о невозможном снова стали вновь возможными, однако это всё, как в евангельской притче, упало на дурную почву.

В 2000-х впервые появляются разговоры о новом, постсекулярном пути. Началом серьезного и публичного дискурса о постсекулярном можно считать речь Юргена Хабермаса на вручении ему Премии мира в октябре 2001 года (Хоружий, 2014).

Одним из основных отечественных исследователей постсекуляризма можно считать философа, социолога, главного редактора журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» Дмитрия Узланера. Узланер быстро реагирует на происходящий диалог о постсекулярном на Западе в 2008 году, и сразу начинает писать статьи на эту тему. Он пишет про «расколдовывание» дискурса о религиозном и светском, рассматривает историю и становление понятия «секуляризм». Важное понятие, которое вводит в постсекулярный дискурс Узланер, – это «гибридизация». Гибридизация подразумевает под собой смешение религиозного и секулярного в социальном и политическом пространствах XXI века.

Все эти процессы привели к тому, что стали появляться совершенно новые религиозные формы и религиозные, или квазирелигиозные, организации. Также стала возможна такая форма религиозности, в которой нет места священному и Богу. Тенденция к безрелигиозной религии набирает обороты с каждым днём. Приведём несколько конкретных примеров и представителей данного направления для иллюстрации постсекулярного религиозного сознания внутри православной традиции.

Религиозное сознание православных христиан в постсекулярную эпоху

«Религия без религии» набирает обороты, и среди обычных верующих всё чаще можно встретить не только философов и священников, но и рядовых верующих, которые разделяют эти взгляды. В работе «Религия после атеизма. Новые возможности теологии» Михаил Эпштейн уделяет большое внимание разбору истории возникновения «религии без религии», он называет это течение **«бедной верой»**. «Бедная вера» – это особое религиозное мировосприятие без культа, религиозного общества и, практически, без Бога. Эпштейн исследует философские, психологические и богословские теории, раз-

бирает культуру и быт советского человека с его идеологией, описывает марксизм как квазирелигию с «эдиповым комплексом», в которой Бога-отца свергает сын-человек из-за желания овладеть матерью-землей (Эпштейн, 2013). В поисках Бога человек часто спотыкается о внешние формы религии (догматы, каноны, обряды и т.д.), которые ему тяжело понять, а уж тем более прочувствовать. В этом разрыве, между верой и вероисповеданием, по мнению Эпштейна, и рождается «бедная вера», которая находит «Бога в душе». Такой тип людей может формально относиться к православию и даже иногда заходить в храм, однако такой «верующий» ничего не знает ни о Библии, ни о Таинствах и проч. В своей книге Михаил Эпштейн ссылается на новейшее социологическое исследование, которое указывает на 25% россиян, которые верят «просто в Бога» (Эпштейн, 2013).

Однако это явление, которое хорошо знакомо каждому из нас теперь существует и в научном пространстве и обретает свою исследовательскую базу, развивается концепция бедной веры. На вопрос «что есть человек» в своей работе «Бог после Бога» Светлана Коначева, доктор философских наук, профессор, отвечает, вторя американскому богослову и философу Джону Капуто, что человек должен забыть о том, кто он такой, и забыть о том, кто такой Бог – **«Мы нуждаемся в вере, которая будто проходит «сквозь тусклое стекло»**, иначе такая вера, сильная вера, станет для нас опасна (Коначева, 2019). Забыв о том, кто такой человек, и кто такой Бог, человеку откроется возможность переживать чистое событие, религиозно-мистический опыт встречи с неизвестным Богом, очищенное от метафизических и религиозных нарративов, концептов и понятий. Этот чистый акт религиозного и антропологического незнания Джон Капуто, а за ним и Светлана Коначева, называют **«религией без религии»**. Такая религия больше не нуждается в храмах, богослужениях, теологических трактатах, Священных Писаниях и святых, нужно только событие встречи двух «ты». Да и сам Бог перестает быть Богом, в привычном нам понимании. Этот Бог не всемогущий, не всеведущий, это Бог, страдающий вместе с узниками концлагеря в газовой камере. Говоря о «религии без религии», можно вспомнить Т. Альтайзера и его «теологию смерти Бога», а также Дитриха Бонхёффера с его концепцией «безрелигиозного христианства».

«Я искал новый язык, новые слова, чтобы сказать им о главном – о евангельском, о вечном. Я тогда понял, что наш старый церковный язык годится только для нас, для узкого употребления, а для мира он недостаточен, мир вступил в другую культурную полосу». Бонхёффер считал, что мир стал совершеннолетним, и поэтому он может обходиться без священного» (Мень, 2007).

Всё чаще можно встретить представителей данного направления не только в американской и европейской мысли, но и в современном российском философско-богословском пространстве. Например, Шишков Андрей Владимирович, член Синодальной Библиейско-богословской комиссии Русской Православной Церкви, член Межсоборного присутствия (РПЦ), преподаватель Общецерковной аспирантуры и Докторантуры им. святых Кирилла и Мефодия (Открытая православная энциклопедия...), автор Телеграмм-каналов «Темная теология» и «Православие и зомби», является ярким представителем данного направления. 7 мая 2021 года в культурном пространстве «Никея» состоялся диспут Шишкова А.В. с Гагинским А.М., философом, религиоведом, директором фонда «Теоэстетика» (Гагинский, Шишков, 2021, 9 мая). В данном диспуте Андрей Шишков отстаивал концепцию «слабой теологии», автором которой является Джон Капуто. До сих пор остается непонятным, как человек отвергающий религиозное и священное в религии, продолжает заниматься важные посты в богословских комиссиях Русской Православной Церкви. Также стоит упомянуть диспут Светланы Коначевой с Олегом Давыдовым, богословом, доктором исторических наук, помощником директора фонда «Теоэстетика», на тему «Мета vs пост: как мыслить о Боге» (Давыдов, Коначева, 2021), в котором С.А. Коначева отстаивала позиции «религии без религии».

Следует упомянуть и одесского священника Вячеслава Рубского, который популяризирует данное направление в своём ютуб-канале, а также записал прямой эфир с главным идеологом данного направления Джоном Капуто (Рубский, 2021). Из более маргинальных, но развивающихся пабликов, посвященных «слабой теологии», можно упомянуть сообщество в социальной сети Вконтакте «Нехватка и трата» (Социальная сеть Вконтакте...) (до недавних пор он назывался «не-теология»), в котором неизвестный автор публикует статьи и эссе о данном направлении.

Заключение

Подстраиваясь под современные реалии капиталистического общества, общества потребления, которые зачастую трудносовместимы с привычными православными традициями (долгие богослужения, посты, молитвы, изучение догматов веры), которые требуют определенного усилия и времени, человек изменяет и свои религиозные взгляды, выбирая более легкий и комфортный путь «бедной веры». Однако человек всегда остается человеком, и вопросы о человеке и Боге будут возникать в любую эпоху.

Мы видим, что религиозность не пропала, она приобретает совершенно иные формы. Если мы будем опираться на теорию поколений, то поймем, что грядущее поколение отличается неиерархичностью, свободой. Это поколение не переживало экономические кризисы и военные конфликты, зачастую росло в неполных семьях или в таких семьях, где родители постоянно заняты на работе. Поколение с недоверием к любым большим организациям, власти, традиции. Это поколение информационное, которое за минуту может узнать, что угодно. Но и они ждут встречи с Богом. Для нас является основной задачей и миссией найти язык для выражения вечных истин, ведь, именно это является основной целью богословия.

Литература

- Капуто, Дж. (2011). Как секулярный мир стал постсекулярным. *Логос*, 3 (82). С. 186-205.
- Коначева, С.А. (2019). *Бог после Бога*. М.: РГГУ. С. 217-230.
- Мень, А. (2007). *О себе... Воспоминания, интервью, беседы, письма*. М.: «Жизнь с Богом». Режим доступа: https://royallib.com/book/men_aleksandr/o_sebe.html
- Узланер, Д.А. (2019). *Конец религии? История теории секуляризации*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 240 с.
- Хоружий, С.С. (2014). Постсекуляризм и ситуация человека. В Орлов М.О. (Ред.). *Светское и религиозное. Этика взаимодействия в условиях социального многообразия*. Саратов: ИЦ «Наука». Режим доступа: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf
- Цицерон. (1985). *О природе богов*. М.: Наука. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1422369001>
- Эпштейн, М.Н. (2013). *Религия после атеизма. Новые возможности теологии*. М.: АСТ-ПРЕСС Книга. 416 с.
- Гагинский, А., Шишков, А. (2021, 9 мая). *Диспут теозстетика vs. Темная теология: каким будет богословие в 21 веке?* [Video]. Youtube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cuw-vQGwjHQ>
- Давыдов, О., Коначева, С. (2021). *Богословский диспут. Мета vs. Пост: как говорить и мыслить о Боге*. [Video]. Youtube. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=akjGgfLhkOg>
- Открытая православная энциклопедия. Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/13679489.html>
- Социальная сеть Вконтакте «Нехватка и трата». Режим доступа: <https://vk.com/lackandwaste>

References

- Caputo, J. (2011). *How the secular world became post-secular*. *Logos*, 3 (82). Pp. 18-205.
- Konacheva, S.A. (2019). *God after God*. Moscow: RGGU. Pp. 217-230.
- Men, A. (2007). *About me... Memoirs, interviews, conversations, letters*. М.: "Life with God". Access mode: https://royallib.com/book/men_aleksandr/o_sebe.html
- Uzlaner, D.A. (2019). *The end of religion? History of the theory of secularization*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 240 p.
- Khoruzhiy, S.S. (2014). *Post-secularism and the human situation*. In Orlov M.O. (Ed.). *Secular and religious. Ethics of interaction in conditions of social diversity*. Saratov: IC "Science". Access mode: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf

- Cicero. (1985). *About the nature of the gods*. M.: Nauka. Access mode: <http://ancientrome.ru/ant-litr/t.htm?a=1422369001>
- Epstein, M.N. (2013). *Religion after atheism. New possibilities of theology*. M.: AST-PRESS Book. 416 p.
- Gaginsky, A., Shishkov, A. (2021, May 9). Dispute theoesthetics vs. Dark Theology: What will theology be like in the 21st century? [Video]. Youtube. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=cuw-vQGwjHQ>
- Davydov, O., Konacheva, S. (2021). Theological dispute. Meta vs. Post: how to talk and think about God. [Video]. Youtube. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=akjGgflhkOg>
- Open Orthodox Encyclopedia. Access mode: <https://drevo-info.ru/articles/13679489.html>
- Vkontakte social network "Shortage and waste". Access mode: <https://vk.com/lackandwaste>

Информация об авторе

Сакович Денис Юрьевич – магистрант, Южный Федеральный Университет. г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия; e-mail: youraise@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Sakovich Denis Yurievich – Master Degree Student, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia; e-mail: youraise@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

**ПО СЛЕДАМ
V ВСЕРОССИЙСКОГО
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(г. Ростов-на-Дону, 2021 г.)**

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)

ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ» (Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.10

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.10>

Социокультурная предопределенность конфликтологической компетентности личности в условиях социальной напряженности

Вера Е. Валуйкова¹

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл,
Орловская область, Россия,
e-mail: veraxx@mail.ru

Аннотация

В выступлении автор ставит проблему способности личности овладевать профессиональными конфликтологическими компетенциями, которые необходимы в условиях социальной напряженности для преодоления трудностей социальной дезадаптации. Подчеркивается, что технологическое, инструментальное решение конфликтных ситуаций не будет иметь успеха, если соответствующие компетенции не встроить в социокультурную систему российского общества. Такой подход видится единственно возможным для успешной социализации личности.

Ключевые слова

конфликт; дезадаптация; социальная напряженность; конфликтологическая компетентность; культура; социализация.

Для цитирования

Валуйкова В. Е. (2021). Социокультурная предопределенность конфликтологической компетентности личности в условиях социальной напряженности. *Caucasian Science Bridge*, 4, (4), С. 90–93. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.10>

Socio-cultural predestination of conflictological competence of the individual in conditions of social tension

Vera E. Valuykova¹

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Orel Region, Russia,
e-mail: veraxx@mail.ru

Abstract

In her speech, the author poses the problem of the individual's ability to master professional conflictological competencies, which are necessary to overcome the difficulties of social disadaptation in conditions of social tension. It is emphasized that technological, instrumental solution of conflict situations will not be successful if the relevant competencies are not integrated into the socio-cultural system of Russian society. This approach seems to be the only possible way for successful socialization of the individual.

Keywords

conflict; disadaptation; social tension; conflictological competence; culture; socialization.

For citation

Valuykova V. E. (2021). Socio-cultural predestination of conflictological competence of the individual in conditions of social tension. *Caucasian Science Bridge*, 4, (4), P. 90–93. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.10>

Общественная жизнь складывается из различных сфер деятельности человека – экономической, социальной, политической, духовной; эта система социального взаимодействия людей в исторически сложившихся общественных формах в конкретных усло-

виях пространства и времени их бытия. Изменение общественных форм взаимодействия людей вызывает перестройку установок, ценностей, стереотипов поведения, поэтому одной из важных задач социологии, социальной психологии является определение форм социальной деятельности людей при решении проблем преодоления отчужденности, социальной напряженности, конфликтности, экономической и психической депрессии, позволяя прогнозировать возможное поведение, развития психологии людей.

В период ломки социальных институтов, когда утрачиваются привычные образцы, представления, ценности, социальная напряженность порождает состояние социальной дезадаптации. Причины социальной напряженности объективно-субъективные, не всегда осознаваемые; они зависят как от состояния общества, так и от компетентности личности на разных уровнях власти; поведения широких слоев населения в условиях изменения картины мира, стиля жизни многих из них. Социальную напряженность испытывают прежде всего те, кто не может адаптироваться к социальным изменениям. Проявления дезадаптации различны: тревога, депрессия, стресс, фрустрация. Все это ведет к компенсаторным реакциям: апатии или агрессии, увлечению мистикой и т.д. Приспособление к трудностям и социальным изменениям может принимать деструктивный характер, разрушительно влияя на общество и личность; но может способствовать и конструктивным трансформациям: приспособление к изменениям, преодоление трудностей, стремление адекватно и конкурентноспособно действовать во многих сложных ситуациях.

Социально-психологическая адаптация тесно связана с процессом социализации личности, содержание которой определяется как особенностью социальных влияний, так отношением человека к этому. Человек проявляет себя как член сообщества, референтного для него. Даже не осознавая этого, он использует привычные, возникшие в социуме формы поведения, правила, ценностные ориентации, верования. В человеке органично связано биологическое, социальное, духовное. Проявляется единство свойств типичных для определенной группы людей, так и уникальных, оставляющих его индивидуальность, делающих его не похожим на других. Сложность, противоречивость внутреннего мира человека, который может жить по законам добра, совести, красоты или под действием каких-то случайностей начинает проявлять эгоизм, жестокость, делают его развитие и поведение не всегда предсказуемым (Митяев, 2003).

На развитие человека, его социализацию оказывает большое влияние культура, интегрируя природу, общество, историю человечества и его жизнь, но и этот процесс влияния сложен и неоднозначен. Эффективность воздействия социальных институтов – общественных, экономических, официально организованных или формальных групп и т.д. возможна при наличии гуманистического смысла, что связано с их нравственным, культурным, духовным состоянием (Вербицкий, Щербакова, 2010).

В современных условиях кризиса многих традиционных ценностей, размытости нравственных ориентиров, социальной неопределенности и напряженности, экономических сложностей на одно из важных мест выдвигается процесс развития личности, способной к самореализации в системе общественных отношений, представляющей перспективы своего существования, осознающей смысл и ценности своей жизни. Речь идет о социально-психологической компетентности личности, позволяющей ей действовать адекватно в любой сложной ситуации, выбирая для достижения целей решения, базирующиеся на профессиональных знаниях, знаниях о природе социальных влияний, общения, в области взаимодействия и поведения; при этом важна самостоятельность оценки различных влияний. Владея многими знаниями, в том числе и в области общения, восприятия и познания людей, способами психологического воздействия на них может возникнуть соблазн манипуляции людьми, входя в доверие к ним совершать различные противоправные действия, т.е. в зависимости от уровня развития личности,

ее ответственности за последствия принимаемых решений и поступков социально-психологическая компетентность превращается в инструмент деструктивный, нарушающий гармонию взаимоотношений с социальной средой, равновесие своего внутреннего мира. Смысл жизни, высшие ценности, совесть – это проявления духовности личности. Духовность человека позволяет ему ответственно следовать высшим образцам культуры, нравственности.

В переходные периоды крайней социальной напряженности один человек может утвердиться, творчески переосмыслить свои возможности, искать новые ориентиры, решения, ведущие к обновлению поведения; другой, не справляясь с новыми задачами в этих условиях, может сломаться. Разные типы культуры, формирующие определенные идеалы, нравственные образцы поведения, предлагают широкий спектр возможных подходов к смыслу жизни путям развития в свете глобальных проблем современности (Медведева, 2014).

Профилактика конфликтности предполагает развитие конфликтологической компетентности личности, включающей мотивацию на поддержание бесконфликтного взаимодействия, ценность и значимость сложившихся социальных отношений (внутрисемейных, дружеских, профессиональных и т.д.); владение навыками саморегуляции и самоконтроля в процессе социального взаимодействия; наличие таких качеств как эмоциональная устойчивость, эмпатия, толерантность, ответственность, выраженное стремление к сотрудничеству, принятию компромиссных решений. Эмпатия, толерантность, способность личности принимать компромиссные решения, учитывать интересы другого в контексте современного сообщества нередко ошибочно могут трактоваться как проявления слабости собственной жизненной позиции, что во многом затрудняет процесс развития конфликтологической компетентности. В процессе межличностного взаимодействия конфликтологическая компетентность личности предполагает владение навыками общения и тесно сопряжена с морально-нравственной позицией человека.

Конфликтологическая компетентность является важной составляющей личности на современном этапе развития общества, необходима для поддержания мира на различных уровнях функционирования социальной системы. Развитие конфликтологической компетентности может носить как целенаправленный характер (профессиональная подготовка конфликтологов в вузе – формирование конфликтологической компетентности), так и стихийный, слабо осознаваемый (в процессе включения личности в социальные отношения, конфликтное взаимодействие, как результат интериоризации социальных отношений).

Практическая конфликтология в России на данный момент находится на уверенном пути своего становления, и выраженная потребность в специалистах в области конфликторазрешения диктует требования к подготовке конфликтологов в вузе. Деятельность специалистов конфликторазрешения в различных социальных областях будет способствовать постепенному повышению конфликтологической грамотности населения нашей страны, развитию навыков анализа конфликтных ситуаций, умений находить компромиссные решения.

Процесс социализации личности в современном мире предполагает интеграцию со многими мировыми социальными институтами, формирование толерантного сознания, при этом важно не утратить своих национальных традиций и духовной культуры.

Литература

Вербицкий, А.А., Щербакова, О.И. (2010). *Конфликтологическая культура личности специалиста: контекстный подход*. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова.

Медведева, В.Е. (2014). Конфликтологическая компетентность личности в условиях современного общества. *Конфликтология*, 5, 110-112.

Митяева, А.М. (2003). *Индивидуализация образовательной деятельности студентов вузов*: монография. СПб: Питер.

References

- Verbitsky, A.A., Shcherbakova, O.I. (2010). *Conflictological culture of a specialist's personality: a contextual approach*. Moscow: M.A. Sholokhov Moscow State University.
- Medvedeva, V.E. (2014). Conflictological competence of the individual in the conditions of modern society. *Conflictology*, 5, 110-112.
- Mityaeva, A.M. (2003). *Individualization of educational activities of university students: monograph*. St. Petersburg: Peter.

Дата получения рукописи: 20.11.2021

Дата окончания рецензирования: 10.12.2021

Дата принятия к публикации: 11.12.2021

Информация об авторе

Валуикова Вера Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета, г. Орел, Российская Федерация; e-mail: veraxx@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Valuykova Vera Evgenyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Management and Conflictology, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation; e-mail: veraxx@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.11

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.11>

«Отцы и дети» в цифровую эпоху: причины конфликтов и пути их устранения

Мария Е. Денищенко¹,

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия,
e-mail: mdenishenko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Автор, реально оценивая формат современной эпохи, вступившей в эру господства информационных технологий, показывает ее риски с точки зрения развития межпоколенческих отношений, а также потенциал их преодоления. Обосновывается необходимость формирования цифровой культуры как базиса диалоговой культуры поколений. Подчеркивается доминантная роль системы образования в передаче норм и ценностей цифровой культуры, но при этом указывается на риски, с которыми столкнулась сама система образования в ходе цифровой трансформации.

Ключевые слова

Межпоколенческие отношения, молодежь, конфликт, цифровизация, цифровое поколение, цифровая культура.

Для цитирования

Денищенко М.Е. (2021). «Отцы и дети» в цифровую эпоху: причины конфликтов и пути их устранения. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 94–97. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.11>

"Fathers and children" in the digital age: the causes of conflicts and ways to eliminate them

Maria E. Denishchenko,

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia,
e-mail: mdenishenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The author, really evaluating the format of the modern era, which entered the era of the dominance of information technologies, shows its risks from the point of view of the development of intergenerational relations, as well as the potential to overcome them. The need for the formation of digital culture as the basis of dialogue culture of generations is justified. The dominant role of the education system in transmitting the norms and values of digital culture is emphasized, but the risks faced by the education system itself during the digital transformation are indicated.

Keywords

intergenerational relations, youth, conflict, digitalization, digital generation, digital culture.

For citation

Denishchenko M.E. "(2021) Fathers and children" in the digital age: the causes of conflicts and ways to eliminate them. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 94–97. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.11>

Наступление цифровой эпохи символизирует переход к совершенно иным стандартам и формам отношений, в том числе и в пространстве межпоколенческих отношений. Данная эпоха несет в себе как конфликтогенный потенциал отношений между младшим и старшим поколениями, так и условия для формирования диалоговой культуры межпоколенческих отношений. Конфликтогенный фон этих отношений связан, прежде всего, с погруженностью молодежи в пространство Интернет-среды, с уходом в информационное пространство, которое не только неконтролируемо, а потому риско-

генно для становления молодой личности, но и не позволяет обретать культуру коммуникации вне сетевой среды, культуру реального общения с представителями различных поколений. Иными словами, цифровая среда во многом ограничивает процесс личностного становления и развития молодежи. Погруженность молодежи в виртуальный мир зачастую становится фактором последующей неадаптированности в среде реальных взаимодействий и, как следствие, психологических стрессов и ценностных дезориентаций, болезненных поведенческих стратегий и реакций на окружающую действительность. Итогом может стать полный уход в другую реальность, разрыв социальных связей и отношений, невыстроенность коммуникаций в семейном кругу, неспособность к коммуникации с «реальными» людьми, не находящимися в пространстве сети Интернет.

С другой стороны, цифровая культура, базирующаяся на применении информационных технологий, формирует дополнительные возможности для выстраивания коммуникаций между поколениями, создает еще одну площадку для межпоколенческих отношений (Бештоков, 2021), и эта площадка, такая естественная и удобная для молодых поколений, социализировавшихся в цифровой среде, уже довольно активно осваивается и представителями старших поколений. Да, она не является для них столь же естественной средой обитания, как для молодежи, которую недаром называют цифровой, экранной, информационной, виртуальной (она ведь есть продукт цифровой эпохи), но без информационных (цифровых) технологий не обходится уже ни одно поколение, в том числе и очень взрослое. Цифровизация затронула практически все сферы общественной жизни, проникнув и укоренившись в быту, в профессиональном поле, став частью социальных отношений. Обойтись без цифровых технологий уже не может никто – ни молодежь, ни старшие поколения.

В этой связи на повестке дня остро стоит вопрос о том, как использовать цифровые технологии в качестве дополнительного ресурса межпоколенческих коммуникаций в максимально эффективном ключе. Вопрос, остро стоящий перед взрослой частью населения, заключается также в том, как снизить конфликтогенный потенциал сети Интернет с пониманием того, что без нее уже немыслим современный мир во всем многообразии социальных практик, в том числе коммуникативных.

Не претендуя на то, что наше видение является единственно верным, нам хотелось бы представить свое суждение по указанной проблеме. Мы полагаем, что в сложившейся ситуации необходимо не столько пытаться ограничивать присутствие молодежи в цифровой среде, применяя различного рода санкции (например, когда родители лишают детей доступа в Интернет или устройств доступа – телефонов, планшетов и т. д.), сколько стремиться сформировать цифровую культуру у молодежи. В рамках последней и следует формировать культуру нахождения и поведения в сети Интернет, которая, в свою очередь, предполагает способность саморегуляции относительно времени нахождения в Сети и его перераспределения с точки зрения соотношения в режиме онлайн и офлайн. Формирование цифровой культуры предполагает также приобретение навыков пользования информацией с тем, чтобы не становиться жертвой цифрового мошенничества и манипуляций со стороны различного рода деструктивных сил и организаций.

С точки зрения решения задач, связанных со сближением поколений, выросших в разных мирах (виртуальном и реальном), важно обращение к старшему поколению, которое должно понимать, что мир современной цифровой молодежи иной, и, чтобы понять молодежь, выстроить с ней позитивный диалог, следует понять этот мир, принять его и использовать в отношениях с молодым поколением. Иными словами, информационную культуру следует формировать не только у молодежи, но и у взрослого поколения.

Огромная роль в этом процессе – в формировании цифровой культуры – отводится системе образования, в том числе и дополнительного, в рамках которого старшее

поколение может осваивать мир современных технологий и культуру цифрового общения. Должны быть созданы образовательные программы, которые будут транслировать ценности и установки цифровой молодежи старшему поколению, а также механизмы и способы общения с цифровой молодежью. В основе передачи ценностей и норм цифровой культуры, конечно же, должна находиться целостная, адекватная современной эпохе, но базирующаяся на социокультурных основаниях, культура образования (Агапов, 2013). Именно она призвана способствовать инновационному прорыву общества без драматичных для социума социокультурных потерь, т. е. на основе создания эффективной площадки для поступательного внедрения инноваций с учетом социокультурной составляющей общества (Суркова, 2018). Но сегодня само образование в России попало в ловушку цифровых технологий, и между специалистами не сложилось единства во взглядах на происходящие в образовательной среде процессы цифровизации. Одни убеждены в том, что система образования должна адаптироваться к условиям и вызовам цифровой эпохи, активно переходить на цифровые технологии как гарант эффективности и прогресса в развитии образовательной системы (Тюкавкин, 2019). Другие же акцентируют внимание на глобальных рисках цифровизации образования, и с ними нельзя не согласиться с учетом фиксируемых тенденций ухода от фундаментальности, от личных контактов в образовательном процессе (Стрекалова, 2019), а также, что самое главное, наблюдаемой ситуации потери в ходе образования субъекта социального действия (Воденко, Боровая, Ефимов, 2020). Образование уже не ориентировано на формирование субъекта культуротворящего, и этот риск цифровизации образования не может не внушать опасения, поскольку именно культура и пространство ее творения выступают основой обмена культурным потенциалом и опытом между различными поколениями.

Литература

Агапов, Ю.В. (2013). Культура образования и формирование субъекта образовательной деятельности. *Грамота*, 6 (32). Часть 2. Режим доступа: www.gramota.net

Бештоков, М.В. (2021). Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной социальной системе: социальные институты и риски коммуникации. *Caucasian Science Bridge*, 4, 1, 46–51.

Воденко, К.В., Боровая, Л.В., Ефимов, А.В. (2020). Культурный иммунитет российского общества в свете трансформации культуры образования. *Гуманитарий Юга России*, 9, 4, 42-53. doi: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.3>

Стрекалова, Н.Б. (2019). Риски внедрения цифровых технологий в образовании. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 25, 2, 84–88.

Суркова, И.В. (2018). *Социальная сфера российского общества: на пересечении традиций и инноваций*. РнД.: Фонд науки и образования.

Тюкавкин, Н.М. (2019). Цифровизация образовательных процессов в вузах. *Эксперт: теория и практика*, 1 (1), 35-41.

References

Agapov, Y.V. (2013). Culture of education and formation of the subject of educational activity. *Literacy*, 6 (32). Part 2. Available at: www.gramota.net

Beshtokov, M.V. (2021). Socialization of young people in a computer-interactive social system: social institutions and communication risks. *Caucasian Science Bridge*, 4, 1, 46-51.

Vodenco, K.V., Borovaya, L.V., Efimov, A.V. (2020). Cultural immunity of Russian society in the light of the transformation of the culture of education. *Humanist of the South of Russia*, 9, 4, 42-53. doi: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.3>

Strekalova N.B. (2019). Risks of the introduction of digital technologies in education. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. 2019. T. 25. 2. 84-88.

Surkova I.,V. (2018). *The social sphere of Russian society: at the intersection of traditions and innovations*. RnD.: Foundation for Science and Education.

Tyukavkin, N.M. (2019). Digitalization of educational processes in universities. *Expert: theory and practice*, 1 (1), 35-41.

Информация об авторе

Денищенко Мария Евгеньевна – ведущий специалист отдела расчетов и экономического анализа Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: mdenishenko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Denishchenko Maria Evgenievna – Leading Specialist of the Department of Calculations and Economic Analysis of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: mdenishenko@sfedu.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.12

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.12>

Институт медиации и его роль в укреплении молодой семьи в России

Ангелина А. Жиденко¹

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону,
Ростовская область, Россия
e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются социальные, бытовые и психологические проблемы молодых семей в современном мире, рассматривается отношение молодых людей к незарегистрированным бракам и основные сложности в популяризации процесса медиации на территории Российской Федерации. Основное внимание обращено к реальным практикам реализации процедуры медиации.

Ключевые слова

медиация; молодая семья; семейные споры; конфликты; досудебное урегулирование; разводы; проблемы молодой семьи.

Для цитирования

Жиденко А. А. (2021). Институт медиации и его роль в укреплении молодой семьи в России. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 98–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.12>

The mediation institution and its role in strengthening the young family in Russia

Angelina A. Zhidenko¹

¹ Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Abstract

The article analyzes the social, everyday and psychological problems of young families in the modern world, examines the attitude of young people to unregistered marriages and the main difficulties in popularizing the mediation process in the territory of the Russian Federation. The main attention is paid to the real practices of the mediation procedure.

Keywords

mediation; young family; family disputes; conflicts; pre-trial settlement; divorces; problems of a young family.

For citation

Zhidenko A. A. (2021). The mediation institution and its role in strengthening the young family in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 98–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.12>

В настоящее время происходит трансформация общества в России, которая затрагивает все социальные институты и, в свою очередь, видоизменяет ценности, нормы, образцы поведения. Семья является важнейшим социальным институтом, отвечающим за духовно-нравственное воспитание личности, первичную социализацию, чувство принадлежности. Трансформация общества в первую очередь порождает огромное количество проблем, с которыми сталкивается институт семьи: установка общества на карьерный рост и достижение успеха, культивирование ценности личной свободы и независимости, сопровождающиеся увеличением уровня разводимости, ростом неполных семей

и, набирающим обороты, течением чайлдфри, распространением «гражданских браков», чем и вызывает особо внимание со стороны ученых разных отраслей к молодой семье.

Молодая семья, как особый тип семьи отличается некоторыми особенностями. Молодые люди в силу своего возраста, как правило, не обладают высоким социальным статусом, большим доходом, и недостаток денег становится фактором повышенной конфликтности семейных отношений. Молодые люди, которые только вступили в брак, стремятся к отдельному проживанию, но это не всегда доступно, в связи с чем молодая пара часто вынуждена жить с родителями, что также может сказываться повышенной напряженностью между супругами и остальными членами семьи. В итоге, это зачастую заканчивается бракоразводным процессом.

Урегулирование семейных споров, в первую очередь, должно быть направлено на сохранения уважительных отношений и проработку повышенного эмоционального накала. Соглашение, принятое сторонами в процессе медиации, полностью удовлетворяет интересам сторон, что является гарантией для выполнения договоренностей, и это, в свою очередь, способствует укреплению института семьи в обществе.

Традиционная семья, в которой существует четкое распределение обязанностей между мужчиной, работающим вне дома с основной функцией экономического обеспечения семьи, и женщиной, которая по большей части поглощена заботой о доме и о детях, уже перестала быть самой распространённой в современном обществе (Верещагина, 2009). Женщины также стремятся к социальному развитию и в большинстве своем имеют работу вне дома. В связи с данными изменениями семья столкнулась с новыми проблемами. Возросла необходимость каким-то образом пристраивать детей на полный рабочий день в семьях, где вне дома работают оба родителя, поскольку далеко не везде существует гибкий график или другие лояльные условия. Другой проблемой стало перераспределение домашних обязанностей. С этой проблемой сталкиваются многие современные семьи и молодые, прежде всего.

Ориентируясь на современные тенденции в области развития семьи и семейных отношений, О.Ю. Ангел и Я.В. Сердюченко определяют молодую семью как «союз молодых людей в возрасте до 35 лет на основе супружества, родительства, каждый представитель которого идентифицирует себя с членами этого союза, разделяя ответственность за его существование и жизнедеятельность» (Ангел, Сердюченко, 2017). Данное определение, как нам представляется, соответствует современным представлениям о семье, а потому возьмем его за основу в нашем исследовании.

Молодая семья находится на первых стадиях своего формирования, в связи с чем нестабильность отношений между супругами и освоение новых социальных ролей является ее характерной особенностью. Социологи выделяют несколько причин такого положения дел: социально-институциональные, материально-бытовые, социальное самочувствие, социально-групповые.

Ростовские ученые отмечают, что молодые семьи первого года жизни могут различаться по многим аспектам, таким как материальный достаток, наличие детей, обучение в университете, наличие собственного жилья и т.д., однако, все они могут столкнуться с ситуацией коммуникативной новизны, которая зачастую сопровождается повышенной конфликтностью между супругами и может стать причиной расторжения брака (Верещагина, Ковалев, Самыгин, 2016). Ими выделяется три основных блока проблем, с которыми сталкивается семья в первый год своего существования в зависимости от своего типа. Так, борьба за лидерство по-разному выстраивается в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типа. Межпоколенческие конфликты также находятся в непосредственной зависимости от этой характеристики семьи, как и ценностный конфликт, связанный с нормами культуры семейных отношений. Основными показателями разделения семей на матриархальные и патриархальные является неравенство в юридическом плане и различия в функционально-ролевом аспектах.

В эпоху модерна и постмодерна развитие получает такая форма семейных отношений, как эгалитарная, которая базируется на юридическом равенстве и функционально-ролевой взаимозаменяемости. Однако данная форма часто сталкивается с такой распространенной проблемой, как неготовность в общественном сознании, особенно мужчин, жить по данным правилам. Ученые приходят к выводам, что на территории России распространены все три формы отношений в семье, однако, матриархат является самой непопулярной, и именно на начальном этапе существования семьи реализуется процесс выявления лидера среди супругов. Также отмечается, что на современном этапе по мере урбанизации и глобализации все большее развитие получает эгалитарная форма семейных отношений (Верещагина, Ковалев, Самыгин, 2016).

Также важно отметить, что в 21 веке многие молодые пары предпочитают не регистрировать свои отношения и жить в так называемом гражданском браке. Современные социологи выделяют четыре основных позиции большей привлекательности для молодежи «гражданского брака»: у молодой пары зарегистрированный брак ассоциируется с большим количеством обязанностей; неофициальный брак рассматривается как пробный, чтобы проверить свои отношения; «гражданский брак» у молодых людей ассоциируется со свободой; недоступность официального брака по причинам материального характера, и приходят к выводу, что у современной молодежи в России все же сохранились традиционные ценности брака, однако, многие отдают предпочтение эгалитарным принципам, выбирая в качестве семейных отношений незарегистрированный брак (Рачипа, Самыгин, Верещагина, 2016).

По итогам исследования, проведенного Левада-центром в апреле 2021 года, 63% россиян считают форму сожителства приемлемой и превалирующей над зарегистрированным браком. При этом, молодые женщины более склонны к проживанию без регистрации, нежели взрослые: 65% респондентов в возрасте от 18-39 отметили положительный настрой к данной форме отношений, тогда как процент женщин в возрасте от 55 лет и старше снизился до 52%. Что касается мужского взгляда на этот вопрос, также можно отследить корреляцию с возрастом: мужчин в возрасте 18-24, давших положительную оценку, составило 76%, мужчин в возрасте 55 и старше - 60%. Развод и сексуальные отношения между людьми, которые не регистрировали брак, считают нормальными и допустимыми явлениями больше половины опрошенных (около 55%) (О семье и...).

Формирование института медиации в России несет за собой решение многих проблем, так как за счет медиативных практик происходит экономия бюджетных средств и издержек, снижение нагрузки на суды, и, самое главное, создание альтернативного судам способа урегулирования конфликтов.

Институт медиации стал трансформировать судебную систему в сторону гражданских и арбитражных споров без государственного принуждения, тем самым оказывая сильно влияние на саму суть судебной практики. Безусловно, институту медиации на территории Российской Федерации необходимо дальнейшее развитие как в гражданско-правовой, так и уголовно-правовой сфере урегулирования конфликтов. Учитывая отсутствие в области публичного права какой-либо регламентации применения процедуры медиации для разрешения споров, на данный момент главными целями развития института медиации являются введение новых направлений медиации, проработка законодательных инициатив и восполнение существующий пробелов в данной области.

В работе «Медиация в семейных спорах» О.И. Дерюшева поднимает вопрос о необходимости закрепления в Российском законодательстве процедуры медиации в качестве обязательной для семейных споров, так как это в ряде случаев может способствовать сохранению брака или поможет нивелировать напряженность в отношениях, найти взаимовыгодное решение конфликтной ситуации. С точки зрения этого автора, в качестве основной цели института медиации является формирование гибкого и удобного

способа разрешения конфликта, который сможет гарантировать выполнение условий соглашения и сэкономить судебные издержки (Дерюшева, 2017).

Н.В. Федоренко, С.А. Григорянц и Д.М. Павленко поднимают проблему низкой популярности процедуры медиации в семейных спорах на территории Российской Федерации. Авторы выделяют несколько основных проблем, таких как низкая информированность населения о данном альтернативном способе урегулирования конфликтов, отсутствие доверия и уверенности в эффективности этой процедуры у участников конфликтных ситуаций, нехватка профессиональных и квалифицированных специалистов. В этой связи указанные авторы приходят к выводам о необходимости долговременной государственной поддержки в части финансирования и реализации медиативных программ, их популяризации среди населения (Федоренко, Григорянц, Павленко, 2019).

Анализируя вышеизложенное, становится очевидным, что институт медиации нуждается в постоянной и непрерывной поддержке со стороны государства как в части популяризации медиативной процедуры, так и ее финансирования.

В российской практике медиативные практики получают постепенное распространение. Приведем некоторые примеры. В 2016 году при Правительстве города Санкт-Петербург была создана Городская служба медиации как подразделение Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» (Центр «Контакт»). В ней специалисты из разных областей (психологии, юриспруденции, конфликтологии и медиации) оказывают помощь в разрешении конфликтных ситуаций с участием несовершеннолетних/молодежи на безвозмездной основе. Важно отметить тот факт, что все специалисты получают заработную плату от государства. Изначально данная служба имела штат из 7 человек, состоящий из пяти медиаторов, начальника и заместителя начальника службы. Благодаря успешной и продуктивной работе в 2019 году штат был увеличен до 21 специалиста, включая педагога-психолога и юрисконсульта. В 2019 году в Городскую службу медиации поступило 568 заявок. Специалистами службы были выделены основные предметы споров:

- детско-родительские конфликты – 180;
- семейные споры или споры между родителями (развод, определение места жительства ребенка, определение порядка общения с ребенком, алименты, раздел имущества) – 226;
- конфликты в образовании – 44;
- правонарушение – 67;
- внутрисемейные (конфликты со старшим поколением) – 30;
- межличностные – 19;
- внутриличностные – 0;
- организационные (конфликты в организациях) – 2.

В 2020 году в Городскую службу медиации поступило 555 заявок. В указанном году количество заявок по предметам спора распределились следующим образом: детско-родительские конфликты – 235; семейные споры или споры между родителями – 193; конфликты в образовании – 24; правонарушение – 12; внутрисемейные (конфликты со старшим поколением) – 35; межличностные – 44; внутриличностные – 8; организационные (конфликты в организациях) – 4.

Из приведенной выше статистики можно сделать вывод, что основными категориями споров на постоянной основе являются детско-родительские конфликты и споры между родителями. Количество заявок также подчеркивает востребованность данной процедуры в городе Санкт-Петербурге. Ее востребованность фиксируется и на Юге России. В 2018 году на территории Краснодарского края был реализован схожий проект «Миру быть! Медиация при разрешении семейных конфликтов», получивший грантовую поддержку от Фонда президентских грантов (Фонд президентских грантов). Проект

был направлен на популяризацию медиативных технологий при решении семейных конфликтных ситуаций. В рамках проекта были открыты и осуществляли свою деятельность три Центра по досудебному разрешению споров. Прием граждан велся совершенно бесплатно. Реализация данного проекта еще раз подтвердила востребованность медиации при разрешении семейных споров.

Итак, институт медиации и институт молодой семьи в современном мире сталкиваются с рядом сложностей в своем развитии. Многие молодые пары имеют нереалистичные представления о супружеской жизни и завышенные ожидания. Сталкиваясь с неопределенностью социальных ролей, норм и ценностей, разными моделями семейных отношений у молодых супругов, проблемами распределения обязанностей и иерархии отношений, материальными и жилищными вопросами, освоением общей семейной культуры, молодые люди зачастую не справляются и видят единственным выходом из конфликтной ситуации развод. Рост количества разводов и стремление к «гражданским бракам» говорят о кризисном характере развития института молодой семьи в современном российском, обществе.

При этом к медиативным практикам в ходе разрешения семейных конфликтов молодые российские семьи обращаются крайне редко в своем большинстве. Основными причинами сложившейся ситуации можно назвать низкую юридическую грамотность населения, сложности с выбором медиатора, низкую информированность населения о данном альтернативном способе урегулирования конфликтов, отсутствие доверия и уверенности в эффективности медиации у участников конфликтных ситуаций, нехватка профессиональных и квалифицированных специалистов.

Однако реализующаяся в регионах России медиативная практика разрешения семейных конфликтов подтверждает эффективность и актуальность применения процедуры медиации при разрешении семейных споров.

Литература

- Ангел, О.Ю., Сердюченко, Я.В. (2017). Карьера в структуре жизненных стратегий российской молодой семьи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 12, 1-21.
- Верещагина, А.В. (2009). Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ.
- Верещагина, А.В., Ковалев, В.В., Самыгин, С.И. (2016). Проблемы молодой семьи первого года жизни с позиции ее типологической характеристики. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10, 46-50.
- Дерюшева, О.И. (2017). Медиация в семейных спорах. *Территория науки*, 3, 173-176.
О семье и браке. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/04/19/o-seme-i-brake-2>
- Рачипа, А.В., Самыгин, С.И., Верещагина, А.В. (2016). «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8-9, 122-126.
- Федоренко, Н.В., Григорянц, С.А., Павленко, Д.М. (2019). Медиация в семейных и бракоразводных спорах. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 4 (107), 116-119.
- Фонд президентских грантов. Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=119e2c93-6707-4beb-a450-6cac0b161cf7>
- Центр «КОНТАКТ». Режим доступа: <https://profcenter.spb.ru/about-us/>

References

- Angel, O.Yu., Serdyuchenko, Ya.V. (2017). Career in the structure of life strategies of the Russian young family. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 12, 1-21.
- Vereshchagina, A.V. (2009). *Transformation of the family institution and demographic processes in modern Russia*. Rostov n/D : Publishing House of the Southern Federal University.
- Vereshchagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2016). Problems of a young family of the first year of life from the position of its typological characteristics. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 10, 46-50.
- Deryusheva, O.I. (2017). Mediation in family disputes. *Territory of Science*, 3, 173-176.
About family and marriage. Available at: <https://www.levada.ru/2021/04/19/o-seme-i-brake-2>

Rachipa, A.V., Samygin, S.I., Vereshchagina, A.V. (2016). "Civil marriage" in Russia: causes and consequences of the spread among young people. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 8-9, 122-126.

Fedorenko, N.V., Grigoryants, S.A., Pavlenko, D.M. (2019). Mediation in family and divorce disputes. *Science and Education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*, 4 (107), 116-119.

Presidential Grants Fund. Available at: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=119e2c93-6707-4beb-a450-6cac0b161cf7>

"CONTACT" Center. Available at: <https://profcenter.spb.ru/about-us/>

Дата получения рукописи: 30.11.2021

Дата окончания рецензирования: 01.12.2021

Дата принятия к публикации: 03.12.2021

Информация об авторе

Жиденко Ангелина Александровна – ассистент кафедры Экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), начальник отдела по воспитательной работе и реализации молодежных программ РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zhidenko Angelina Alexandrovna – Assistant of the Department of Economic Theory of Rostov State University of Economics (RINH), Head of the Department for Educational Work and Implementation of Youth Programs of the Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.13

Научная статья
УДК 316.48

**Книжная полка конфликтолога: методологический инструментарий
анализа гражданских войн**

Валерий Н. Коновалов¹,

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия,
e-mail: kwn_2006@mail.ru

Андрей Г. Большаков²

² Казанский (Поволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия,
e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Аннотация.

В статье предложены методологические наработки и диагностический инструментарий, который осуществили зарубежные ученые в своей книге «Идентификация сложных причин гражданской войны. Подход к машинному обучению». Данный инструментарий поможет глубже проникнуть в характер основных причин гражданских конфликтов, позволит точнее прогнозировать отношение к социальным проблемам и политическим решениям в различных социальных группах. Этим определяется методологическая и практическая ценность анализируемой книги.

Ключевые слова

Конфликты, гражданские конфликты, гражданская война, угрозы, риски, национальная безопасность.

Для цитирования

Коновалов Н.В., Большаков А. Г. Книжная полка конфликтолога: методологический инструментарий анализа гражданских войн // *Caucasian Science Bridge*, 2021, Т. 4, №4 (14), С. 104–108. doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.13

Conflictologist's Book Regiment: Methodological Tools for the Analysis of Civil Wars

Valery N. Konovalov¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia,
e-mail: kwn_2006@mail.ru

Andrey G. Bolshakov²

² Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia,
e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Abstract.

The article proposes methodological developments and a diagnostic tool, carried out by foreign scientists in their book "Identifying the Complex Causes of Civil War. A Machine Learning Approach". This toolkit will help to penetrate deeper into the main characters of the causes of various communities, to more accurately predict attitudes towards social problems and political decisions in various social groups. This determines the methodological and practical value of the analyzed book.

Key words

Conflicts, civil conflicts, civil war, threats, risks, national security.

For citation

Konovalov V.N., Bolshakov A. G. Conflictologist's Book Regiment: Methodological Tools for the Analysis of Civil Wars. *Caucasian Science Bridge*, 2021, Т. 4, №4 (14), P. 104–108. doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.13

Геостратегические последствия роспуска Советского полюса биполярного мира для роста конфликтности являются сегодня предметом всестороннего осмысления в научном сообществе. В российском социуме завязываются новые узлы политико-экономических проблем и противоречий, развитие которых при определенных ситуациях может приобрести значение гражданских конфликтов.

Исследователи в своих работах пытаются выявить не только причины, но и определить экономические, политические последствия гражданских конфликтов на постсоветском пространстве.

Аналитики и эксперты разрабатывают различные прогнозные сценарии развития на постсоветском пространстве. В качестве примеров можно привести разработки Гусейнова (Гусейнов, 2002), Давыдова (Давыдова, 2004), Ожиганова (Ожиганов, 2006), Коновалова, Цветовата (Коновалов, Цветоватов, 2007).

Системный и сетевой подходы в значительной степени позволяют обеспечить инструменты для моделирования гражданского мира относительно к факторам конфликтности и угроз национальной безопасности.

Тем больший интерес вызывают работы, в которых предлагается другой набор инструментов анализа социально-политической действительности. К такого рода публикациям относится книга под названием «Идентификация сложных причин гражданской войны. Подход к машинному обучению» (Basuchoudhary, Bang, David, Sen, 2021).

Сегодня машинное обучение является не только одной из наиболее развивающихся областей прикладной математики, помогающих решать широкий спектр задач, делать предсказания и распознавания, но и позволяющих в ряде областей социальных наук использовать его методы анализа.

Любая задача машинного обучения предполагает наличие выборки -совокупности данных или переменных, которые содержат определённую информацию о выбранном объекте исследования. На основе имеющихся данных выстраивается модель функционирования объекта.

Так, Atin Basuchoudhary, James T. Bang, John David, Tinni Sen в своей работе представляют систематический способ определения правильных причинных переменных в подходе к моделированию, напоминающем методологию дозирования/лечения, распространённую в эпидемиологической медицинской литературе. Этот процесс, который авторы называют **эмпирически обоснованным ковариатным отбором (EICS)**, выделяет типы переменных, которые должны или не должны быть включены в модель, чтобы определить, является ли переменная причинной. После демонстрации этого процесса авторы выбирают несколько переменных, чтобы проверить природу их причинной связи с гражданским конфликтом, используя **графики частичной зависимости (Partial Dependence Plots - PDP)**. Эти графики показывают незначительное влияние одного или двух признаков на прогнозируемый результат модели машинного обучения.

Авторы предполагают, что знание природы причинно-следственных связей через призму EICS выявляет значимые политические меры для прекращения гражданского конфликта. Ученые выбрали эти переменные не для того, чтобы предложить исчерпывающий ответ на вопрос о том, как положить конец гражданской войне. Выбор этих переменных, должен продемонстрировать методологические проблемы, которые возникают при исследовании причины гражданской войны.

К авторскому новшеству мы можем отнести создание такого рабочего процесса, который способствует нахождению надежных причинно-следственных связей. Авторы предоставили подробное описание переменных, включая те, которые не используются. В приложении 1 книги описываются переменные в окончательном наборе для выбора модели. Хорошим подспорьем для специалистов в области машинного обучения представляются коды для всех аспектов данной работы: от предварительной обработки данных до причинно-следственного анализа (Приложение 2).

Отметим, что используемые авторские технологии также позволяют более детально понять причины гражданских конфликтов. Вместо того, чтобы сообщать параметрические точечные оценки, авторы приводят графики частичной зависимости. Эти графики показывают, как изменяется риск гражданской войны, когда интересующая переменная принимает разные значения. Заметно стремление исследователей выявить причинные предикторы (прогностические факторы) гражданской войны. При этом авторы рассматриваемой работы утверждают, что они находят точные и причинные переменные для различных аспектов войны на пять лет раньше, чем она произойдет.

Большой интерес вызывает источниковедческая база исследования.

Гражданский конфликт как конечная переменная представляет, по мнению авторского коллектива, бинарную переменную, основанную на комбинации четырех показателей конфликта, собранных Целевой группой по политической нестабильности (PITF) в Центре системного мира (CSP). Этими четырьмя индикаторами являются: революционная гражданская война, этнический конфликт, неблагоприятная смена режима и геноцид или политицид. (синонимы последнего: изгнание, преследование, уничтожение). PITF считает, что страна находилась в гражданском конфликте, если она пережила любой из этих четырех типов конфликтов в любой год или если она пережила несколько случаев любого одного вида конфликта в течение года. Авторы определяют страну как находящуюся в гражданском конфликте в данном году, если в ней произошел хотя бы один инцидент любого из этих четырех видов конфликта. Соответственно, страна не была задействована в гражданском конфликте, если она не переживала ни одного из четырех конфликтов за год. За основу первоначально берутся более чем 1500 переменных из девяти различных источников. В процессе обработки данных идет сокращения количества переменных до оптимального уровня. Промежуточный список переменных включал 261 позицию. В конечном счете выясняется, что модель с 65 самыми важными переменными достигает наивысшей степени точности прогнозирования, после чего наблюдается небольшое снижение точности. Таким образом, пик точности в 98% достигается в интервале 65 переменных.

Экономические и демографические данные авторы брали из Penn World Tables (PWT), Стандартизированной базы данных о мировом неравенстве доходов (SWIID) и показателей мирового развития (WDI). PWT измеряет ключевые компоненты расходов – потребление, инвестиции, правительство и торговлю – в ценах, скорректированных с учетом паритета покупательной способности. Стандартизированная база данных о мировом неравенстве доходов (SWIID) производит показатели неравенства доходов для большинства стран.

Самый крупный из наборов данных в 2021 оказался в «Индикаторах мирового развития» – WDI (World Development Indicators). Пакет данных поставляется с полной загрузкой WDI, включая 1435 переменных, которые поступают из исходного WDI, а также из других источников, спонсируемых Всемирным банком, таких как: Международный валютный фонд, Международная организация труда, Организация Экономического сотрудничества и развития, Отдел народонаселения ООН, Всемирная организация здравоохранения и другие структуры Всемирного банка по работе с данными.

Данные об институциональных коррелятах конфликта заимствованы из архивов данных политических институтов (DPI), базы данных Внутренние конфликты (CNTS), включающие в себя терроризм и партизанская война, убийства, революции, бунты, правительственные кризисы, антиправительственные демонстрации, всеобщие стачки.

Другим важным источником информации по 140 странам явилась база данных Международного справочника по страновым рискам (ICRG). ICRG обеспечивает детальный подход к общей геополитической оценке рисков, предлагает проверенный, количественный взгляд на проблемы государственной стабильности, основ социально-эконо-

мического здоровья страны, основных рисков, с которыми сталкиваются бизнес и инвестиции. Отмечает растущую роль внутренней и международной политики по отношению к формам внутреннего несогласия (забастовка, терроризм, гражданская война) и глобальным отношениям (трансграничный конфликт, санкции). База данных Polity от Центра системного мира (CSP) связаны с управлением конфликтами и возникновением политической нестабильности. В Polity измеряют демократическую подотчетность институтов страны. База включает в себя измерения ограничений исполнительной и законодательной власти, конкурентоспособности процессов отбора, устойчивости режима и смены режима.

Одной из важнейших проблем современной России является рост конфликтности на фоне интенсивной миграции, поликультурности и углубления социального неравенства. В данном контексте возникает необходимость проведения научных исследований и реализации образовательных инициатив в социально-гуманитарной сфере, нацеленных на поиск решения, способствующие развитию солидарного общества, разработке мер по снижению уровня конфликтности и социального неравенства. Понимание основных факторов влияния на миграцию, поликультурность и углубление социального неравенства, на гражданские конфликты в целом, позволит точнее прогнозировать отношение к социальным проблемам и политическим решениям в различных социальных группах, а также успешнее влиять на это отношение с учетом релевантной сценарно-рисковой модели развития макрорегиона.

Решению этой задачи будут способствовать те методологические наработки, тот диагностический инструментарий, который осуществили в своей книге «Идентификация сложных причин гражданской войны. Подход к машинному обучению» наши зарубежные коллеги.

Литература

- Гусейнов, В. (2002). *Каспийская нефть. Экономика и геополитика*. М.: Олма-Пресс, 384.
Ожиганов, Э.Н. (2006). *Стратегический анализ политики*. М.: Аспект Пресс, 272.
Давыдова, Ю.П. (2004). *Политика США в меняющемся мире*. М.: Наука, 333.
Коновалов, В.Н., Цветоват, М. (2007). Геостратегические игры на Кавказе. *Космополис*, 2, 77-90.
Basuchoudhary, A., Bang, J.T., David, J., Sen, T. (2021). *Identifying the Complex Causes of Civil War. A Machine Learning Approach*. Cham: Springer Nature, 140.

References

- Huseynov, V. (2002). *Caspian oil. Economics and Geopolitics*. Moscow: Olma-Press, 384. Ozhiganov, E.N. (2006). *Strategic Policy Analysis*. Moscow: Aspect Press, 272.
Davydova, Yu.P. (2004). *US Policy in a Changing World*. Moscow: Nauka, 333.
Konovalov, V.N., Tsvetov, M. (2007). Geostrategic games in the Caucasus. *Cosmopolis*, 2, 77-90.
Basuchoudhary, A., Bang, J.T., David, J., Sen, T. (2021). *Identifying the Complex Causes of Civil War. A Machine Learning Approach*. Than: Springer Nature, 140.

Информация об авторах

Коновалов Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: kwn_2006@mail.ru

Большаков Андрей Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Поволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Information about the authors

Konovalov Valery Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: Kwn_2006@mail.ru

Bolshakov Andrey Georgievich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Conflictology, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.14

Научная статья

УДК 316.344.3

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.14>

Сущность и содержание формирования экономической культуры курсантов военного вуза

Елена А. Кузнецова¹

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орел, Орловская область, Россия
e-mail: lk-11@mail.ru

Анна М. Митяева²

² Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орел, Орловская область, Россия
email: konflikt_@mail.ru

Аннотация

Введение. Настоящее исследование посвящено изучению процесса формирования экономической культуры курсантов военного училища, что нам представляется важным в контексте овладения ими универсальных компетенций.

Методы. В данной статье подводятся итоги апробации метода деловых игр, реализованных на занятиях по экономике в группах курсантов военного вуза.

Результаты. Рассмотрены и определены особенности развития экономической культуры личности курсантов и формирование экономических компетенций в процессе использования интерактивных методов обучения в форме деловых игр, позволяющих обеспечить единство приобретаемых экономических знаний и практических умений курсанта в его будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова

экономическая культура; интерактивные методы обучения; деловая игра; знания; умения; профессиональная деятельность.

Для цитирования

Кузнецова Е.А., Митяева А.М. (2021). Сущность и содержание формирования экономической культуры курсантов военного вуза. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 109–118. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.14>

The essence and content of the formation of economic culture of military university cadets

Elena A. Kuznetsova¹

¹ I.S. Turgenev Orel State University. I.S. Turgenev State University, Orel, Orel region, Russia
e-mail: lk-11@mail.ru

Anna M. Mityaeva²

² I.S. Turgenev Orel State University. I.S. Turgenev State University, Orel, Orel region, Russia
email: konflikt_@mail.ru

Abstract

Introduction. The present study is devoted to the study of the process of formation of economic culture of military school cadets, which we consider important in the context of mastering their universal competences.

Methods. This article summarizes the results of approbation of the method of business games, implemented in the economics classes in the groups of military cadets.

Results. The peculiarities of the development of cadets' economic culture and formation of economic competencies in the process of using interactive teaching methods in the form of business games, which allow to provide the unity of acquired economic knowledge and practical skills of a cadet in his future professional activities, were analyzed and determined.

Keywords

economic culture; interactive methods of teaching, business game, knowledge, skills, professional activity.

For citation

Kuznetsova E.A., Mityaeva A.M. (2021). Essence and content of formation of economic culture of military university cadets. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 109–118. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.14>

Введение

Современные требования к Вооруженным Силам включают решение многочисленных и важных задач подготовки офицеров, которые должны обладать не только высокопрофессиональными знаниями и умениями в рамках своей военной специализации, но и достигать высокого уровня экономической культуры, как в целом, так и овладевать экономическими компетенциями, позволяющими наиболее эффективно решать задачи в их профессиональной деятельности. При этом необходимо учитывать, что экономическая культура основана на единстве экономических знаний и практических умений курсанта в его будущей экономической активности, в том числе и в процессах производства военной продукции, ведения войскового хозяйства и т.п.

Экономическая культура личности военнослужащего отражает его индивидуальную способность осознавать сущность экономических законов общества как основу интеграции его личности в экономическую систему общества и свойственный ему способ экономической деятельности. В целом, как это трактуется в современном представлении, экономическая культура личности – это взаимосвязанная многокомпонентная структура, представляющая единство экономических знаний, экономического мышления и экономически-ценностной направленности деятельности личности.

Овладение экономическими знаниями происходит при изучении курсантами дисциплин экономического цикла, и в первую очередь теоретического курса экономики. При этом необходимо использовать такие педагогические приемы подготовки курсанта в процессе обучения, при которых освоение теоретических аспектов экономики могло бы стать методологической базой последующего экономического поведения подготовленного военного профессионала, связанного с обеспечением хозяйственно-экономической деятельности военных подразделений.

Отсюда следует, что экономическая культура курсанта должна стать основой для использования его экономических знаний и умений в форме повышения эффективности профессиональных проявлений его воинского труда с целью всестороннего способствования обеспечению требуемого уровня обороноспособности страны. Эти освоенные экономические знания и в целом экономическая культура обеспечивают верное отношение к должности командира воинского подразделения, задачей которого в этом аспекте является рационализация организационно-управленческой деятельности подразделения с использованием преимуществ экономического мышления офицера.

С учетом сказанного цель исследования представляется возможным определить как изучение процесса формирования экономической культуры курсантов военного училища.

Основная часть

На рисунке 1 представлены компоненты экономической культуры личности военнослужащего. Рассмотрим их более обстоятельно.

Следует отметить, что при обучении необходимо обеспечить реализацию такого уровня экономической культуры военного специалиста, которая могла бы гарантировать решение всех поставленных задач в соответствии с важнейшим экономическим принципом, связанным с наилучшим использованием минимальных ресурсов, которые дадут максимальную отдачу при решении боевых задач.

С педагогической точки зрения экономическую культуру курсантов можно представить как единство приобретения ими экономических теоретических знаний и обучение их практическим навыкам будущей профессиональной деятельности, основанной на экономическом подходе, обеспечивающем эффективное выполнение ими поставленных задач.

Одним из педагогических приемов формирования экономической культуры курсантов в целом и привития им экономических компетенций в процессе изучения экономических дисциплин является применение интерактивных методов обучения в форме деловых игр (ДИ), использование которых полностью соответствует требованиям ФГОС ВПО 3++, предусматривающих широкое использование таких методов обучения.

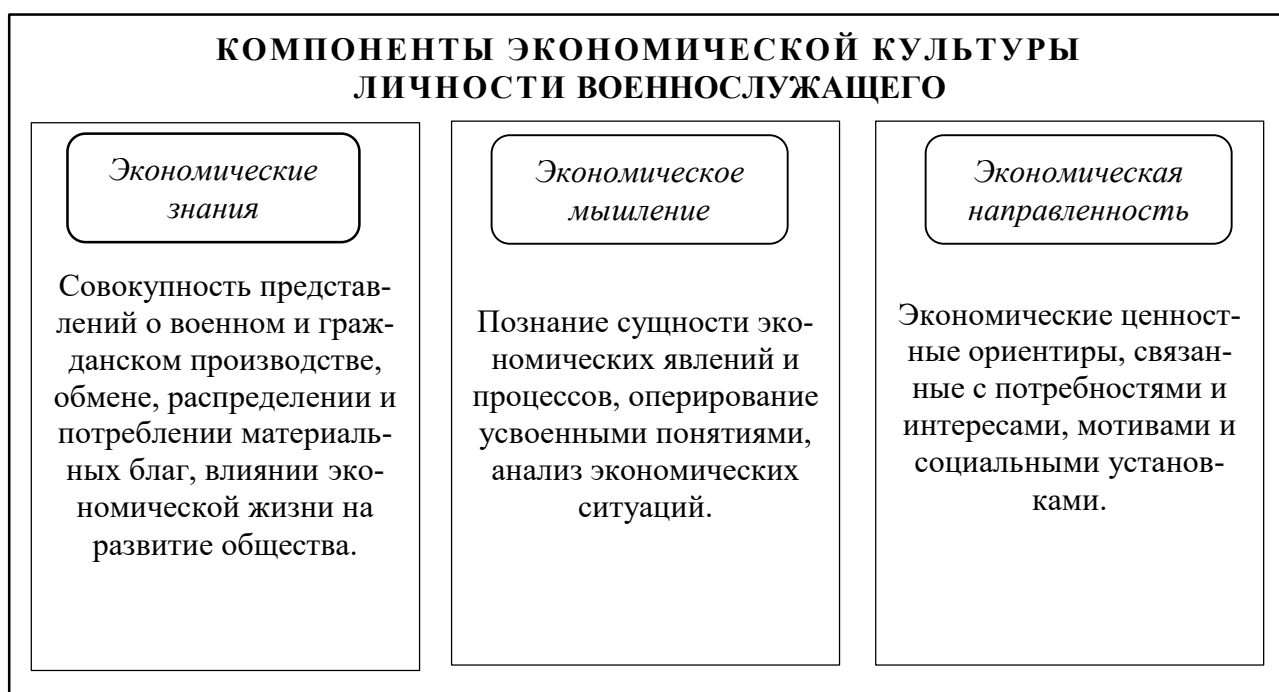

Рисунок 1. Основные компоненты экономической культуры личности военнослужащего

Имеющийся опыт использования деловых игр в этих целях показал их достаточно высокую эффективность, в частности, при изучении курсантами дисциплин «Экономика», «Экономика предприятий», «Экономика и управление» и др. Эффективность данного метода обучения является следствием ряда факторов, одним из которых является то, что они одновременно являются и организационной формой обучения, и методом игрового моделирования, имитирующего условия, аналогичные тем, в которых будущий военный специалист будет выполнять свои профессиональные задачи.

Представляя собой активную форму обучения, деловая игра способствует выработке у курсантов навыков в принятии экономически обоснованных решений путем моделирования хозяйственно-управленческих задач, возникающих в практике работы военного специалиста, часто с использованием коллективного поиска наилучших вариантов действий (Абрамова, Степанович, 2018).

Именно с целью наработок курсантами практических навыков применения полученных ими экономических знаний и был разработан комплекс деловых игр, позволяющий имитировать на компьютере реальные экономические ситуации, которые могут возникнуть в профессиональной деятельности военного специалиста, обеспечивающего организацию и управление повседневной деятельностью воинских подразделений.

Характеристика влияния интерактивных методов обучения в форме деловых игр на формирование экономической культуры курсантов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Влияние интерактивных методов обучения на формирование экономической культуры курсантов

<i>Компоненты экономической культуры</i>	<i>Содержание умений</i>	<i>Влияние ДИ на развитие экономической культуры</i>
Способность решать возникающие проблемные ситуации	Умение разрабатывать и использовать рациональные управленческие воздействия для решения проблемы	Овладение навыками учета положительных и отрицательных последствий принимаемых решений
Способность к самообучению	Готовность к активности и самостоятельности в освоении новых экономических знаний	Систематизированный поиск необходимой и достоверной экономической информации
Способность к развитию системного мышления	Умение анализировать, систематизировать и целостно воспринимать объекты и события экономического характера	Циклический анализ ситуаций и принятие оптимальных и эффективных решений
Способность самостоятельно генерировать и предлагать решение проблем	Умение самостоятельно вырабатывать способы достижения поставленных целей	Принятие решений в условиях неполноты информации, неопределенности и риска
Способность к адаптации в изменяемых условиях	Умение оперативно реагировать и вносить коррективы в принятое решение (в том числе в соответствии с конъюнктурой рынка)	Применение динамического подхода к принятию решений в изменяющихся условиях
Способность использовать экономический подход при разрешении проблем	Умение применять принцип привлечения минимально объема необходимых ресурсов для получения наилучшего результата	Систематизация поиска осуществимого на практике варианта решения проблемы
Способность к адекватному восприятию поступающей информации	Умение находить, использовать систематизировать экономическую информацию, а также способ ее предоставления	Оперативный поиск, группировка, анализ и преобразование меняющейся информации
Способность использовать навыки публичного общения	Умение обосновывать и аргументированно убеждать оппонентов в своем мнении, адекватно воспринимать их ответные соображения	Выработка оптимальных решений, позволяющих обосновывать и защищать свою точку зрения перед оппонентами

Для достижения показателей развития экономической культуры курсантов, представленных в табл. 1, преподавательским составом кафедры разработан комплекс имитационных компьютерных программ, используемых в деловых играх, как инструмент реализации интерактивного метода обучения курсантов и приобретения ими как теоретических экономических знаний, так и практических навыков решения экономических задач, возникающих при организации и управлении процессами производства

и реализации предприятиями ОПК продукции как военного, так и гражданского назначения.

Следует отметить, что применение разработанных деловых игр преследует две цели. С одной стороны, они используются как традиционный педагогический прием активного метода обучения курсантов, осваивающих темы дисциплин экономического блока. С другой стороны, эти ДИ превращаются в инструмент моделирования имитационными методами реальных производственных ситуаций, которые требуют использования нарабатываемых курсантами в процессе реализации ДИ навыков для выработки рациональных решений с использованием экономического подхода.

Алгоритм использования ДИ в укрупненном виде представлен схемой, отраженной на рис. 2. Конечно, было бы опрометчивым полагать, что найденные курсантами решения производственного характера с использованием моделей, заложенных в ДИ можно будет без всякой коррекции перенести в реалии будущего выполнения ими военно-профессиональных задач как дипломированным военным специалистом. Дело в том, что производственные ситуации, генерируемые алгоритмами компьютерных программ основаны на симуляции модельных задач, которые лишь с определенным уровнем достоверности приближены к реальным, и которые в принципе не способны детально отразить сценарии реальных производственных ситуаций.

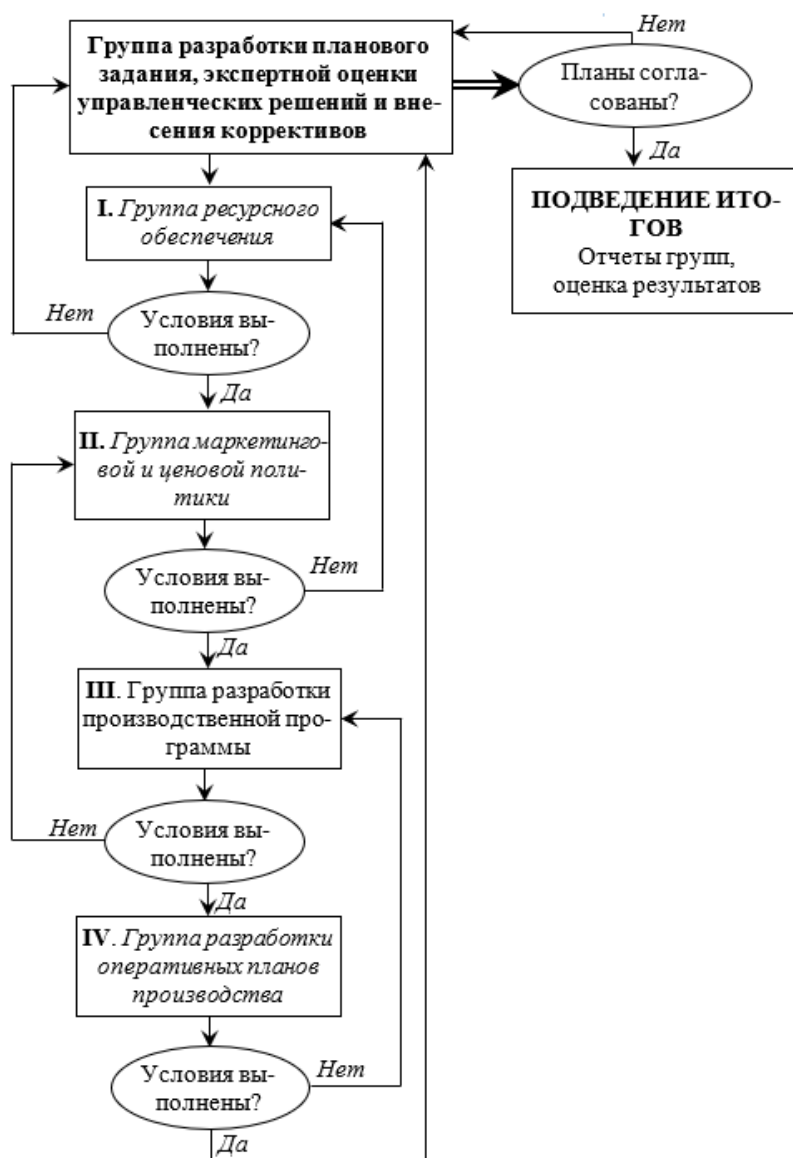

Рисунок 2. Этапы проведения деловой игры и ее участники

Используемые в ДИ модели являются лишь неким компромиссом между простотой и реальностью, обеспечивая имитирование реальных задач с допустимым уровнем приближения. Как видно из вышеприведенного, положительным фактором использования ДИ в обучении является то, что обучаемые будут нарабатывать некую поведенческую модель принятия решения, которая будет в будущем наполняться конкретным содержанием в зависимости от возникающей совокупности практических обстоятельств.

Сценарий проведения ДИ включает выполнение определенных процедур в четыре этапа различными группами курсантов, последовательно решающих задачи по ходу выполнения сценарного сюжета ДИ.

До начала проведения ДИ экспертной группой курсантов во главе с руководителем ДИ (преподавателем) вырабатываются планы-задания для решения поставленной практической задачи. В качестве примера задачи здесь демонстрируется разработка программы выпуска продукции в условиях ограниченных ресурсов с использованием критерия минимизации экономических потерь от возможного завышения или занижения планируемого объема производства.

Разработанные плано-прогнозные показатели производственной программы, сформированные с учетом решения задачи удовлетворения поставок по гособоронзаказу или сформированные по заявкам потребителей гражданской продукции передаются на обработку в группу I, условно названную «Группа ресурсного обеспечения». Этот коллектив курсантов на основе имеющей информации с использованием оптимизационного блока программы POISK формирует в экспертном режиме основные показатели производственной программы, включая такие выходные данные, как издержки производства, предполагаемая цена за единицу продукции, сгенерированные программой прогнозы спроса и предложения (Данильян, Кузнецова, Попова, 2021). Группой принимается вариант программы производства по критерию минимизации совокупных ожидаемых экономических потерь от возможного завышения и занижения плановых показателей. В качестве выходных показателей выдаются величины ожидаемого объема продаж, общие затраты на производство, ожидаемой прибыли, возможных потерь прибыли из-за конъюнктуры рынка, уровня надежности плана и другие расчетные показатели, которые должны будут уточнены и детализированы во второй подгруппе – *группе маркетинговой и ценовой политики*.

Эта группа на основе полученных от группы I предварительных данных формирует стратегию выпуска продукции с учетом маркетинговых мероприятий по стимулированию сбыта продукции. В качестве математического аппарата расчетов используется оптимизационная программа MARKET, входящая в комплект программного обеспечения ДИ.

Объем сбыта Q , здесь рассматривается как функция отпускной цены P со скидками, расходами на рекламу A и стимулирование продаж D , а также переменными затратами. При этом курсантам должно быть ясно, что более высокому уровню затрат, отражающим повышение потребительской стоимости товара, будет соответствовать и более высокий уровень спроса, а, следовательно, и объем сбыта, который моделируется программой в виде функционала:

$$Q = f(P, A, D). \quad (1)$$

Установление вида функции f в явном аналитическом виде весьма затруднительно в виду наличия неопределенности и неполноты информации, требуемой для определения значений независимых вероятностных параметров P , A и D , в связи с чем для выработки оптимальной стратегии, обеспечивающей максимизацию прибыли при рациональном уровне прейскуррантной цены и затрат на маркетинг, используется разработанная модель (Данильян, Кузнецова, Попова, 2021), которая позволяет выбрать из

заданного числа вариантов стратегий N , вариант маркетинга с рангом r [$r \in (1, N)$], которому соответствует намерение лица, принимающего решение действовать с коэффициентом риска K_z^* , обеспечивающего получение планируемой величины прибыли в размере $Z^* = Z_r$. В соответствии с этой стратегией программой рассчитываются и другие выходные параметры, такие как наилучший объем сбыта – Q^r , отпускная цена – P^r , затраты на рекламу – A^r , расходы на стимулирование сбыта – D^r , а также переменные и постоянные издержки производства, не связанные с маркетингом и не зависящие от количества реализуемой продукции.

Группа разработки производственной программы (группа III) на основе информации, полученной от группы II разрабатывает окончательный вариант годовой программы выпуска продукции, используя вычислительный блок программы ОРТИ (Данильян, Кузнецова, Попова, 2021), сформулированной в виде обычной задачи линейного программирования, но со стохастическими характеристиками:

$$\left. \begin{array}{l} \text{условия -} \\ AX \leq B; \\ x \geq 0, \\ \text{целевая функция -} \\ z = \sum CX \rightarrow \max, \end{array} \right\} \quad (2)$$

где A – матрица размером $M \times N$, определяющая расход i -го ресурса на выпуск продукции j -го вида: x – вектор-столбец размерности N , определяющий искомый объем выпуска продукции j -го типа, включаемого в производственную программу;

B – вектор-столбец размерности N , определяющий суммарное количество каждого i -го вида ресурса, имеющегося в распоряжении предприятия;

C – вектор-строка размерности M , задающая размеры прибыли от реализации продукции каждого вида;

z – прибыль от реализации производственной программы.

В целом расчетный стохастический модуль программы ОРТИ работает следующим образом. С помощью датчика случайных чисел, генерируемых нормальным законом распределения вероятностей, создается массив векторов ограничений (2), для каждого из которых определяется оптимальный вариант плана симплекс-методом линейного программирования, получая таким образом совокупность смоделированных значений прибылей Z^e , число которых соответствуют заданному числу испытаний модели E . Для этой совокупности прибылей производится расчет всех параметров, включая и степени риска принятия того или иного решения. При этом лица, принимающие решения получают возможность самостоятельно определять какое решение они считают наилучшим, основываясь на полученных данных.

Для формирования массива z_{\max}^e , $\forall e \in \{1, T\}$ используется симулятивная модель, которая в каждой e -й симуляции имитирует значения элементов матрицы B и находит в соответствии с (2) максимальные значения z_{\max}^e при наилучшем распределении наличных ресурсов, заданный векторам B .

В результате решения модели в качестве выходных данных будет получена матрица (табл. 2), однозначно характеризующая последствия принятия решений при определенном уровне риска, задаваемые лицами принимающими решения экспертным путем.

Рассчитанные программой данные, входящие в табл. 2, позволяют принимать наилучшие решения по размеру планируемого дохода.

Обычно в качестве наилучших используются стратегии из зон «золотая середина» или «предприимчивая». При этом программа выдает определенный набор выходных показателей, включающих, в частности, наилучшие объемы производства для каждого вида продукции, необходимые размеры ресурсов для выполнения запланированной программы, диапазон значений ожидаемой прибыли и вероятности ее реализации в соответствии с минимумом математического ожидания потерь от возможного завышения или занижения целевого показателя, а также величину нормированного коэффициента риска принятия решения.

Таблица 2

Соотношение коэффициентов риска, прибыли и потерь

Категории шкалы риска	Коэффициент риска	Планируемая прибыль	Ожидаемые потери прибыли		Дополнительная прибыль	
			d_i	p_i	e_i	w_i
пессимистическая	$0,00...K_1$	$Z_{\min}...Z_1$	d_1	p_1	e_1	w_1
		
		
осторожная	$K_1+\Delta K...K_2$	$Z_1+\Delta Z...Z_2$
		
		
золотая середина	$K_2+\Delta K...K_3$	$Z_2+\Delta Z...Z_3$	d_i	p_i	e_i	w_i
		
		
предприимчивая	$K_3+\Delta K...K_4$	$Z_3+\Delta Z...Z_4$
		
		
оптимистическая	$K_4+\Delta K...K_5$	$Z_4+\Delta Z...Z_5$
		
		
большого риска	$K_5+\Delta K...K_{\max}$	$Z_5+\Delta Z...Z_{\max}$
		
			d_m	p_m	e_m	w_m

Следует отметить, что реализация рассмотренных процедур позволяет принимать обоснованные управленческие решения для экономических объектов, осуществляющих производственную деятельность в условиях риска и неопределенности в двух постановках: в первой – формируется оптимальная стратегия, соответствующая принятому волевым решением уровню риска, во втором – путем минимизации математического ожидания штрафной функции потерь, учитывающей риск возможного завышения или занижения целевого показателя (прибыли). Полученные на этом этапе параметры обычно соответствуют годовой программе производства. Для формирования оперативных месячных планов-прогнозов вся совокупность выходных данных передается группе IV – *группе разработки оперативных планов производства*.

Эта группа разрабатывает вариант оперативного плана производства, используя расчетный блок программы UPR, входящий в состав комплекса ДИ. Использование оптимального режима программы сводится к многократной имитации процессов выпуска продукции и ее реализации, с расчетом управляющих воздействий для корректировки программы выпуска для каждого месяца планового периода, моделируемого в каждой симуляции модели.

Применяемый в программе метод расчета основан на использовании стохастической теории управления с адаптацией и осуществляет поиск оптимального выпуска по критерию минимизации функции потерь.

Рассматриваемый процесс выпуска описывается рекуррентной системой уравнений:

$$X_{t-1} = \alpha_t X_t + \beta_t + U_t + Z_t, \quad \forall t \in \{1:T\}, \quad (3)$$

где $\alpha_t \neq 0$ и β_t – заданные константы;

Z_t – нормально распределенная случайная величина с математическим ожиданием, равным нулю и дисперсией σ_e^2 .

При заданном начальном состоянии системы $X_1 = x_1$ выбираются значения управления U_1 и тогда следующее фазовое состояние системы будет иметь нормальное распределение с математическим ожиданием $X_2 = \alpha_1 x_1 + \beta_1 + U_1$ и дисперсией σ_e^2 . Для любого t имеет место:

$$\left. \begin{aligned} X_t &= \alpha_{t-1} X_{t-1} + \beta_{t-1} + U_{t-1}. \\ \sigma_t &= \sigma_{t-1} = \sigma. \end{aligned} \right\} \quad (4)$$

Не вдаваясь в подробности вычислительных процедур, которые подробно рассмотрены в (Данильян, Кузнецова, Попова, 2021), укажем лишь, что модель позволяет имитировать поведение спроса Y_t , и из массива смоделированных значений $\{U_t^e\}$, где e – номер симуляции модели, выбирать вариант фазовой траектории $\{X_t^h, Y_t^h, U_t^h\}$, который обеспечивает минимум совокупных потерь λ_t .

Таким образом с помощью модели выполняет расчет оптимальных значений месячного выпуска продукции, спроса на нее и величин управленческих затрат по критерию минимизации совокупных экономических потерь.

Весь массив выходных данных, сформированный группами I-IV участников игры, передается после всех выполненных корректировок на рассмотрение группе экспертов для оценки полученных результатов моделирования и итогов решения задачи. Поскольку все группы разрабатывали свои предложения с использованием экспертного режима, предусмотренного компьютерными программами ДИ, то группа разработки планового задания и экспертной оценки управленческих решений для обоснованной оценки их предложений, производит повторно все расчеты, но уже в оптимальном режиме, а затем сравнивает эти оптимальные решения с результатами расчетов, представленными группами участников ДИ. Та группа или те группы, которые добились результатов, наиболее приближенных к оптимальным, в процессе обсуждения объявляются победителями, а лучшая группа из их числа, получает дополнительные баллы для последующего учета в окончательной аттестации участников ДИ.

После изучения группами участников полученных оптимальных решений, они должны вновь и снова в экспертном режиме выполнить повторные расчеты своих предложений, внося необходимую корректировку во все входные данные программы. После получения новых результатов все предложения каждой из групп должны пройти повторную процедуру согласования для утверждения новых разработанных планов, после чего эти планы, войдя составной частью в комплексный план производственной программы, получают статус принятого к исполнению. Это решение экспертной группы является основанием для подведения итоговых оценок как комплексного решения, так и тех решений, которые были окончательно доработаны каждой из групп участников ДИ.

Описанная процедура проведения деловой игры прошла стадию апробации при изучении курсантами дисциплин «Экономика» (ФГОС ВПО 3+ и 3++), «Основы экономики» (с курсантами СПО) и показала достаточную эффективность как эффективный инструмент формирования экономической культуры курсантов (Данильян, 2017).

Заключение

Предлагаемый подход и полученные в ходе обучения курсантов результаты позволяют сделать вывод о том, что использование передовых педагогических приемов, в частно-

сти, интерактивных методов в форме деловых игр, способствует качественному формированию их экономической культуры, что является важной задачей в подготовке будущих офицеров (Митяева, Кузнецова, 2020). Приобретаемые умения будут способствовать повышению их профессионального уровня за счет применения в необходимых сферах деятельности экономического подхода, а достигнутая высокая экономическая культура военнослужащего позволит ему подходить к решению практических проблем с учетом экономических критериев в таких вопросах, как использование материальных средств в подразделениях, соблюдение режима экономии, привлечение дополнительных доходов, а главное в повышении эффективности решения профессиональных задач в целом.

Литература

Абрамова, Г.С., Степанович, В.А. (2018). *Деловые игры: теория и организация: учебно-методическое пособие*. М.: ИНФРА-М, 189.

Данильян, С.Б., Кузнецова, Е.А., Попова, Л.В. (2021). *Методы принятия управленческих решений в условиях неопределенности и риска: монография*. Серпухов: ФВА РВСН имени Петра Великого, 236.

Данильян, С.Б. (2017). Особенности использования электронной информационно-образовательной среды при изучении дисциплин гуманитарного цикла в военном вузе. *Сборник трудов XXXIV межведомственной научно-технической конференции: Проблемы обеспечения эффективности и устойчивости функционирования сложных систем*. Серпухов.

Митяева, А.М., Кузнецова, Е.А. (2020). Формирование основ экономической культуры обучающихся с помощью информационно-коммуникативных технологий обучения. *Сборник трудов VII Международной научно-практической заочной интернет-конференции «ПОСТДИП-2020: Современные технологии образования взрослых»*. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы.

References

Abramova, G.S., Stepanovich, V.A. (2018). *Business games: theory and organization: educational and methodical manual*. M.: INFRA-M, 189.

Danilyan, S.B., Kuznetsova, E.A., Popova, L.V. (2021). *Methods of managerial decision-making in conditions of uncertainty and risk: monograph*. Serpukhov: FVA RVSU named after Peter the Great, 236.

Danilyan, S.B. (2017). Features of the use of electronic information and educational environment in the study of disciplines of the humanities cycle in the military university. *Proceedings of XXXIV interdepartmental scientific and technical conference: Problems of effectiveness and stability of functioning of complex systems*. Serpukhov.

Mityaeva, A.M., Kuznetsova, E.A. (2020). Formation of the bases of economic culture of students with the help of information and communication technologies of education. *Proceedings of the VII International Scientific-Practical Correspondence Internet-Conference "POSTDIP-2020: Modern Technologies of Adult Education"*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno. Yanka Kupala State University.

Информация об авторах

Кузнецова Елена Александровна – соискатель кафедры социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, Орел, Орловская область, Россия; e-mail: lk-11@mail.ru

Митяева Анна Михайловна – заведующий кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, Орел, Орловская область, Российская Федерация; e-mail: konflikt_@mail.ru

Information about the authors

Kuznetsova Elena Aleksandrovna – Applicant at the Department of Social Management and Conflictology, I.S. Turgenev Orlov State University, Orel, Orel region, Russia; e-mail: lk-11@mail.ru

Mityaeva Anna Mikhailovna – Head of the Department of Social Management and Conflictology, I.S. Turgenev Orel State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Orel, Orel region, Russian Federation; e-mail: konflikt_@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.15

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.15>

Скулшутинг в эпоху цифровизации

София А. Мартиросян¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: social_rostov@mail.ru

Гульнора К. Овруцкая²

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: social_rostov@mail.ru

Нарине А. Безвербная³

³ Ростовский государственный медицинский университет,
Ростовская область, Ростов-на-Дону,
e-mail: narine-rnd@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье предложены определения нового для российского общества явления «Скулшутинг», представляющего собой формы вооруженного насилия в образовательных учреждениях.

Методы. В качестве метода используется анализ документов, по преимуществу зарубежных средств массовой информации.

Результаты и их обсуждение. Авторами обобщается совокупность определяющих признаков «Скулшутинга», а также его причины. Выявляются роль личностных и средовых триггеров формирования деструктивного поведения скулшутеров. Авторы определяют пути профилактики данного явления не только в семьях, но и в соответствующих образовательных организациях с помощью специалистов, которые предлагают механизмы снижения агрессии и напряжения обучающихся, минимизируя риски и угрозы данного феномена.

Ключевые слова

скулшутинг; скулшутер; вооруженное нападение; причины скулшутинга; меры профилактики.

Для цитирования

Мартиросян С.А., Овруцкая Г.К., Безвербная Н.А. (2021). Скулшутинг в эпоху цифровизации. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 119–123. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.15>

School shooting in the age of digitalization

Sofia A. Martirosyan¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov region, Russia,
e-mail: social_rostov@mail.ru

Gulnora K. Ovrutskaya²

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia,
e-mail: social_rostov@mail.ru

Narine A. Bezverbnaya³

³ Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: narine-rnd@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article offers definitions of "school shooting", a new phenomenon to Russian society, which is a form of armed violence in educational institutions.

Methods. Analysis of documents (predominantly, from foreign mass media) was used as a method.

Results and its discussion. The authors summarize the set of defining characteristics of "school shooting", as well as its reasons. The role of personal and environmental triggers of destructive formation of school shooters' behavior is being revealed. The authors identify ways to prevent this phenomenon not only in families, but also in the relevant educational organizations with the help of specialists who offer mechanisms to reduce aggression and tension of students, minimizing the risks and threats of this phenomenon.

Keywords

school shooting; school shooter; armed attack; reasons of school shooting; prevention measures.

For citation.

Martirosyan S.A., Ovrutskaya G.K., Bezverbnaya N. A. (2021). School shooting in the age of digitalization. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 119–123. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.15>

Современной молодежи приходится расти в известных крайне непростых условиях доступа к информационным потокам, в то время как старшее поколение было довольно ограничено в этом, и родители могли легко повлиять на увлечения своих детей. Сегодня ситуация носит совершенно иной характер: с появлением эпохи интернета и социальных сетей, крайне затруднительно контролировать то, чем увлекается молодежь, и на что направлены их мысли и деятельность. На формирование сознания молодого поколения стали оказывать влияние социальные сети и видеоролики на разных каналах Сетей сомнительного характера и содержания.

Скулшутинг (Колумбайн) довольно распространенное явление в эпоху цифровизации и в самом общем представляет собой вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на людей внутри учебного заведения. Причинами указанного явления выступает в большинстве случаев человеческое безразличие и халатность (Ванян, 2020).

В российском обществе данное явление новое. Заговорили о нем совсем недавно, но, как известно, на Западе оно уже имеет свою историю – случаи вооружённого нападения в школе уже происходили в начале прошлого столетия. История гласит, что еще в 1927 году в США в результате массового расстрела, совершенного в стенах учебного заведения, погибло более 44 человек, а 56 получили тяжелые ранения. Именно с этого момента идет отсчет и распространение случаев так называемого «скулшутинга» во всем мире (Карпов, 2018).

Что же такое Скулшутинг, и почему слово «Колумбайн» является его синонимом? В переводе с английского языка «скул» (school) означает – школа, а «шут» (shoot), соответственно – стрельба. Следовательно, явление скулшутинга мы можем трактовать как массовую стрельбу в школе.

Из истории мы знаем, что утром 20 апреля 1999 года ученики школы «Колумбайн» Дилан Клиболд и Эрик Харрис поднимаясь по школьной лестнице открыли огонь по обучающимся. Среди первых убитых стали 17-летние Рейчел Скотт и Ричард Кастальдо, которые обедали возле на школьном дворе: девушка погибла сразу, а молодой человек смог выжить, несмотря на тяжелые ранения. Скулшутеры или Колумбайнеры убили 13 человек, из которых были 12 учеников и один учитель, и 23 человека получили ранениями различной степени тяжести, а потом закончили жизнь самоубийством. В общественном сознании и массовой культуре данная трагедия стала символом скулшутинга и вызвала наибольший общественный резонанс в Америке за прошлое столетие (Малова, 2020).

Подобные преступления преимущественно фиксируются в Соединенных Штатах Америки, реже в Европейских странах. Но начиная с 2014 года уже в России было зарегистрировано до девятнадцати преступлений с насилием в образовательных учреждениях, имеющие идентичные признаки подражания скулшутинга как в США, так и в Европе.

Специалисты, занимающиеся исследованием данного феномена, отмечают общие формальные признаки скулшутинга:

- во-первых, все правонарушители имели непосредственное отношение к данной школе, то есть учились в ней;
- во-вторых, умышленными были только ранения или убийства, при этом не имели каких-либо корыстных мотивов;
- в-третьих, тщательно, за долговременно планировалось преступление, которое чаще всего сводилось к целенаправленным убийствам неопределенного круга лиц, а также к публичным или демонстративным актам с использованием преимущественно огнестрельного оружия.
- и, наконец, в-четвертых, применение холодного колюще-режущего оружия обусловлено той же целью массовой бойни, только недоступностью огнестрельного (Орлова, 2020).

Основными факторами риска любого скулшутинга является крайнее социальное неприятие и издевательства учеников, чему подтверждением предстают многочисленные научные исследования.

Преимущественно в данных исследованиях в качестве определяющих факторов наблюдалось романтическое отвержение. Скулшутинг как социальное явление нельзя отождествлять с террористическими актами. Для последних применяются разные виды вооружения (можно вспомнить трагические события в Беслане в 2004 году). Скулшутеров отличает то, что их цели, как правило, не носят четкий, конкретный характер, а потому стрельба очень быстро принимает форму хаотичной и беспорядочной. Необходимо отметить, что российский скулшутинг осуществляется с использованием холодного оружия. Данный факт можно объяснить тем, что в нашей стране огнестрельное оружие не продается в открытом доступе – нож как орудие убийства для подростка доступнее, чем пистолет.

Издевательства приобретали бесчисленные формы: словесные и физические, преимущественно сопровождались унижающими действиями и словами в адрес жертвы.

Научные исследования выявили и другие факторы риска, такие как увлечение насильственными и жесткими элементами средств массовой информации, соответствующей им музыки, телевизионных шоу и фильмов, и, конечно же, жестокими видеоиграми.

Определяющим фактором риска потенциальных скулшутеров выявлены издевательские формы над жертвой в виде вызова мужественности мальчиков, в частности, «травля геев», а также физическими особенностями, например, «тощий», «маленький», «толстый». И тогда жертвами скулшутеров становились самые продвинутые юноши в школе, спортсмены и «продвинутые», потенциальные обидчики. Но при этом они также могли набрасываться на других людей, в том числе с низким статусом в школе, показывая свою силу над ними.

Жертвы издевательства испытывали стыд и не могли сообщать о нарушениях их мужественности родителям и педагогам. Школьное руководство не знало, либо игнорировало повседневную деморализующую, унижительную и издевательскую атмосферу, встроенную в рамки школьной и общественной культуры, в которой учились будущие скулшутеры. Поэтому им было предоставлено самостоятельно решать, как справляться со своими чувствами, дискриминирующим и дискредитирующим их социальное положение в школе среди сверстников. Скулшутеры выбирали механизмы защиты собственного достоинства экстремальными физическими способами уничтожения других.

Если обращаться к причинам, которые заставляют детей совершать скулшутинг, то не стоит винить во всем сеть Интернет, компьютерные игры, боевики. Этот вопрос носит, во многом, дискуссионный характер. Причин может быть огромное количество.

Важно понимать, что для совершения подобного противоправного действия, связанного с уничтожением себя или другого человека, индивид (скулшутер) должен пребывать в особом состоянии, которое может стать следствием как внешних, так и внутренних факторов, среди которых исследователи выделяют и внутрисемейные отношения, в особенности отношений со сверстниками, и проявление подростком агрессии, и наличие психологических травм, а также в целом уровень психического здоровья (Пастыка, Питанова, 2020).

Совокупность вышеперечисленных факторов – СМИ, видеоигры, социальные сети – могут явиться триггером, своеобразным спусковым механизмом в совершении криминального противоправного поступка, именно большинство данных факторов оказывали свое влияние на протяжении длительного периода на психику ребенка.

Поэтому важно родителям внимательнее относиться к психолого-психическому здоровью своего ребенка. Здоровый семейный уклад является основой для любого ребенка, где он получает информацию о социуме, об окружающем мире, развивается и растет. Именно родительская забота и внимание формирует авторитет и представление об обществе и ценностях, необходимых для формирования полноценной «здоровой» личности (Суходольская, 2019).

Становясь другом для своего ребенка, можете рассчитывать на его доверие, он может делиться своими переживаниями, не боясь быть отвергнутым. Необходимо обеспечивать достойный досуг и взаимоотношения с другими сверстниками. Необходимо обучать эффективным коммуникациям вне Интернета. Помимо доверия необходим и контроль действия в случае замкнутости ребенка, резкого изменения его поведения и проявлений агрессивности, и при необходимости предпринять необходимые меры обращения за помощью к соответствующим специалистам.

Литература

- Ваян, К.Б. (2020). Современные массовики как новое воплощение проблемы преступности на почве маниакальной одержимости. *Вопросы российской юстиции*, 10, 309-324.
- Карпов, В.О. (2018). Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 4, 442-446.
- Малова, Е.О. (2020). Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве. *Инновационное развитие профессионального образования*, 2, 107-114.
- Орлова, Ю.Р. (2020). Актуальные вопросы организации органами внутренних дел предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в образовательных учреждениях. *Криминологический журнал*, 1, 43-46.
- Пастыка, Е.А., Питанова, М.Е. (2020). Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях. *Вестник Пензенского государственного университета*, 3, 21-25.
- Суходольская, Ю.В. (2019). Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования. *Вестник науки и образования*, 6-1, 51-53.

References

- Vanyan, K.B. (2020). Modern mass-murderers as a new incarnation of the problem of manic obsession crime. *Voprosy rossiiskoi justitii*, 10, 309-324.
- Karpov, V.O. (2018). Cult of Columbine: the main determinants of mass murders in schools. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 4, 442-446.
- Malova, E.O. (2020). Modern realities of asocial manifestations of adolescents in the Internet space. *Innovative development of professional education*, 2, 107-114.
- Orlova, Y.R. (2020). Topical issues of the organization by the internal affairs bodies of the prevention of violent crimes committed by minors in educational institutions. *Criminological Journal*, 1, 43-46.
- Pastyka, E.A., Pitanova, M.E. (2020). The problem of armed assaults by adolescents in educational institutions. *Bulletin of Penza State University*, 3, 21-25.
- Sukhodolskaya, Y.V. (2019). Mass murder in educational organizations as an object of criminological research. *Bulletin of Science and Education*, 6-1, 51-53.

Дата получения рукописи: 13.11.2021

Дата окончания рецензирования: 10.12.2021

Дата принятия к публикации: 10.12.2021

Информация об авторах

Мартirosян София Ашотовна – кандидат философских наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: social_rostov@mail.ru

Овруцкая Гульнора Каримовна – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: gurisov@yandex.ru

Безвербная Нарине Арамовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической и социальной теории Ростовского государственного медицинского университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: narine-rnd@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Martirosyan Sofia Ashotovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: social_rostov@mail.ru

Gulnora Karimovna Ovrutskaya – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: social_rostov@mail.ru

Bezverbnaya Narine Aramovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory, Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: narine-rnd@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.16

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.16>

Технология «Драматек» в медиации

Татьяна М. Овчинникова¹

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Омская область, Россия,
e-mail: t_ovch@mail.ru

Аннотация. Автор предпринимает попытку обосновать потенциал технологии «Драматек» в медиации как инструмент разрешения социального конфликта. Данная технология представлена в качестве результата трансформации теории игр, которая, приобретая новые свойства и характеристики, предоставляет особые возможности для преодоления конфликтов. В выступлении подробно описывается алгоритм реализации технологии «Драматек» в процессе медиативной сессии с применением классической (фасилитативной) модели медиации. В заключении указывается, что заявленный алгоритм позволяет построить ассертивную коммуникацию между сторонами медиации для отстаивания своей точки зрения, прояснения разногласий и объективной оценки своего личностного потенциала в конфликте.

Ключевые слова

социальный конфликт; теория игр; теория драмы; алгоритм технологии «Драматек»; сотрудничество; доверие; медиация.

Для цитирования

Овчинникова Т. М. (2021). Технология «Драматек» в медиации. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 124–128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.16>

DramaTech technology in mediation

Tatiana M. Ovchinnikova¹

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Omsk region, Russia,
e-mail: t_ovch@mail.ru

Abstract

The author attempts to substantiate the potential of the "DramaTech" technology in mediation as a tool for resolving social conflict. This technology is presented as a result of the transformation of game theory, which, having acquired new properties and characteristics, provides special opportunities for overcoming conflicts. The presentation describes in detail the algorithm for implementing the "DramaTech" technology during mediation session using the classical (facilitative) mediation model. In conclusion, it is indicated that the claimed algorithm allows to build assertive communication between the parties to mediation to defend point of view, clarify disagreements and objectively assess personal potential in the conflict.

Keywords

social conflict; game theory; drama theory; algorithm of "DramaTech" technology; cooperation; trust; mediation.

For citation

Ovchinnikova T. M. (2021). Dramatek technology in mediation. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 124–128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.16>

Проблемой создания универсальной модели решения конфликтов любой субъектности, возникающих в различных сферах социальной жизни, ученые интересовались на всем протяжении изучения конфликта как явления. Не осталась в стороне от решения этой проблемы и теория игр, окончательно сформировавшаяся к середине XX века. Предполагалось, что именно логически и математически упорядоченная модель и будет

искомой междисциплинарной моделью решения конфликтов. Долгое время теория игр использовалась в основном для решения экономических задач оптимизации. Интерес к ней в разные периоды то пропадал, то возобновлялся. Во второй половине прошлого века положения классической теории игр начинают использоваться в кибернетике, биологии, военных науках, и, наконец, в конфликтологии. Обозначились и проблемные моменты, связанные со сложностью практического использования элементов теории игр в конфликтотрешительных технологиях. «Негибкость» классической матричной игры выражается в том, что в ней невозможно учесть динамику конфликта, стратегии игроков неподвижны на всем ее протяжении, до начала игры игроки должны знать обо всех возможных ходах (выборах) друг друга, не учитывается и реакция игроков на выборы оппонентов. Как правило, в реальном конфликте у сторон отсутствует полная информация не только о возможностях и ресурсах оппонента, но и о своих собственных, и выявить их можно только с помощью посредника. Классическая игра не учитывает ценностных установок игроков, их индивидуальных и групповых интересов, у игроков основная цель – максимизировать выигрыш и минимизировать проигрыш. Такое упрощение несет в себе явную опасность формализации в принятии принципиально важных стратегических решений. Более того, если такое решение необходимо принять однократно, и решения игры в чистых стратегиях не существует, то исследование смешанных стратегий превращается не более чем в «игру математического разума».

Первым расширением классических игр стали метаигры, которые изначально задумывались как инструмент решения политических конфликтов. Но во всех модернизациях классической теории игр «оставалось неприкосновенным одно существенное требование – неизменяемость правил самой игры» (Семенов, 2012. С. 50). То есть полностью исключалось какое бы то ни было творчество участников конфликта: их иррациональность, спонтанность, инициатива.

Следующим шагом к созданию универсальной модели разрешения конфликтов стала разработка в 1991 году группой ученых под руководством Найджела Ховарда теории драмы. Ховард и его коллеги употребляют понятие «драма» вместо понятия «игра», тем самым подчеркивая, что их подход к анализу и разрешению конфликтов учитывает «человеческие, эмоциональные и социальные аспекты» (Ховард, 2008. С. 33). Если героям драмы для того, чтобы достигнуть единой позиции, разрешается модифицировать ее в любом направлении, то игра в классическом смысле – это «жесткая» игра, по ее правилам игроки не могут изменить ни свой состав, ни свои действия, ни исходы, ни свои предпочтения (Семенов, 2012. С. 52). В результате драматического развития исходная ситуация преобразуется до тех пор, пока не будет найдено решение, оптимальное для всех ее героев. Поиск такого решения и есть цель драматического анализа конфликта.

Несмотря на то, что теория драмы является продолжением теории игр, у нее имеются особенности, которые позволяют более полно учитывать специфику реального конфликтного взаимодействия. Во-первых, теория драмы – не количественная теория, то есть при анализе конфликта в ней не используются числа, поскольку в отношениях и взаимодействии людей далеко не все поддается количественному измерению. Во-вторых, предлагаемый теоретиками драмы подход, по мнению самих авторов, «позитивен»: утверждения игроков о своих действиях и контрдействиях являются эмпирическими суждениями, а их следствия должны «подвергаться контролируемому испытанию настолько, насколько это возможно» (Ховард, 2008. С. 31). В-третьих, теория драмы более динамична, чем теория игр, так как позволяет анализировать конфликтную ситуацию на том этапе ее развития, когда стороны еще могут провести переговоры и прийти к общему решению. Драматический анализ направлен не только на создание алгоритма действий для героев драмы, но и на выявление надежности и убедительности их позиций. В-четвертых, если классическая теория игр основана на рациональности игроков,

то теория драмы – на их самореализации, сущность которой состоит «в изменении убеждений и ценностей в процессе интеллектуального и эмоционального освоения ситуации игры и ее условий» (Ховард, 2008. С. 36).

Рассмотрим алгоритм реализации технологии «Драматек» в процессе медиативной сессии с применением классической (фасилитативной) модели медиации. Заметим, что в теории драмы не исключается участие более двух героев, но классическая медиация двухсторонняя, поэтому мы ограничиваем множество героев до двух элементов. Как и теоретики драмы, представим алгоритм решения конфликта в виде набора стадий, допуская, однако, иное их наполнение.

1. На стадии презентации сторон оппоненты заявляют свои позиции, назовем их первичными (исходными) и обозначим А и В. Позиция героя в теории драмы – это действия, которые он обещает выполнить сам, и действия, которые, по его мнению, должен совершить его оппонент (Семенов, 2012. С. 53). Мы предлагаем понимать первичную позицию героя только как действия, которые он требует от оппонента в качестве варианта решения конфликта. То есть позиция – это то, что должен сделать другой. Такое понимание, на наш взгляд, приближено к реальности, ибо каждая из сторон конфликта усматривает проблему именно в другом, его действиях или бездействии, но не в себе. На этой же стадии сторонами конфликта объявляются и санкции (угрозы) – действия, которые они собираются совершить, если их позиции не будут приняты. Назовем эти действия запасными позициями и обозначим А₁ и В₁. Тогда санкции (угрозы) будут иметь имплицитивную форму: $\neg A \rightarrow A_1$; $\neg B \rightarrow B_1$: «Если *ты* не сделаешь того, что, по моему мнению, должен сделать для урегулирования ситуации, то *с моей стороны* последует ...». Возможный результат совместного осуществления заявленных санкций в теории драмы называется угрожающим будущим. Таким образом, резюмируя то, как видят сложившуюся ситуацию герои, мы получим угрожающее будущее в конъюнктивной форме: $(\neg A \rightarrow A_1) \& (\neg B \rightarrow B_1)$.

2. В теории драмы позиции героев могут быть эквивалентными, совместимыми и несовместимыми. Но авторы данной теории не говорят о том, на основании каких критериев выявляется соотношение позиций. Мы предлагаем априорно допускать отсутствие эквивалентности позиций сторон, пришедших на медиацию, поскольку медиация и предназначена для того, чтобы снять противоречие, существующее между сторонами. Противоречие между героями закрепляется в их позициях, следовательно, на первой стадии развития драмы они не могут быть идентичными (эквивалентными).

3. Выявляем дилеммы, с которыми столкнулись герои драмы. Поскольку героев ровно два, и мы допустили, что их позиции несовместимы, то возможны дилеммы сдерживания (убеждения), искушения и вынужденного реализма (в теории драмы называется дилемма угрозы при числе игроков больше двух) (Семенов, 2012. С. 56). Испытывая дилемму убеждения (убеждать / не убеждать), герой начинает сомневаться в том, что его угрозы могут заставить оппонента согласиться с его требованиями. Испытывая дилемму искушения и вынужденного реализма (согласиться / не согласиться с требованиями оппонента), герой задумывается о том, насколько санкции со стороны противника значимы для него. Только в первом случае, уступая оппоненту, он осознает, что эта уступка соответствует его истинным интересам, а во втором – идет на компромисс вынужденно, как правило, из соображений прагматизма. Очевидно, что работа по выявлению дилемм возможна только в кокусе посредством задавания вопросов на расстановку целей и осознание реальности.

4. Разрушаем дилеммы, выявленные у героев. Для решения дилеммы убеждения, субъектом которой является А, работаем с героем В. Он должен осознать осуществимость угроз А. Как правило, каждая сторона конфликта, в том числе и наш герой В, сосредоточен на том, что значит для него исполнение выдвинутых им же требований, какую пользу он *получит*, что приобретет. Необходимо же сосредоточить его внимание на

том, что он *теряет* в результате осуществления угрожающего будущего. Он должен почувствовать, что несогласие с А для него менее выгодно, чем хотя бы частичное, но принятие его позиции. Если В не верит в реальность санкций со стороны А, то движение к совместимости позиций затруднительно. Можно для решения данной дилеммы скорректировать и санкции А: они должны быть сильнее требований для того, чтобы не быть проигнорированными.

К дилемме убеждения А могут привести и его чрезмерные требования. Если он требует больше, чем может исполнить его оппонент, то последний может рассуждать следующим образом: «Если напряжения всех моих все равно не хватит для того, чтобы договориться, то зачем и начинать договариваться, и лучшая защита в данном случае – это нападение».

Работая с дилеммами искушения и вынужденного реализма, существующими у А, необходимо обесценить угрозы В: помочь игроку А осознать, что либо санкции В невыполнимы в принципе, либо что В и не собирается претворять свои угрозы в реальности. Санкции В тоже могут быть подвергнуты коррекции: герой должен осознать, располагает ли он достаточным потенциалом для того, чтобы привести свои санкции в исполнение. При работе с дилеммой вынужденного реализма, необходимо помочь субъекту понять, что он теряет в результате уступки требованиям другой стороны.

Таким образом, для устранения дилемм при несовместимости позиций героев необходимо добиться того, чтобы их позиции, санкции и потенциал санкций находились бы в реалистичных отношениях, то есть должен быть восстановлен баланс в треугольнике угроз (Глазл, 2002. С. 287-288).

5. Корректируем первичные позиции и санкции, получая промежуточные позиции \bar{A} и \bar{B} и промежуточные санкции \bar{A}_1 и \bar{B}_1 . Возможно, для такой коррекции понадобится ни один кокус, и даже ни одна медиационная сессия. Вообще, такая коррекция возможна только на основе осознания сторонами их общих интересов. По мнению теоретиков драмы, отсутствие дилемм убеждения, искушения и вынужденного реализма свидетельствует о совместимости позиций, занимаемых героями.

6. Промежуточные позиции объединяем в общую позицию $\bar{A} \& \bar{B}$. Именно общая позиция и есть позиция в понимании теоретиков драмы, поскольку в ней устранены или сглажены противоречия героев по поводу решения конфликта, следовательно, в ней для каждого героя обозначены его действия и действия оппонента. На предыдущем этапе изменилось и угрожающее будущее: санкции усилены или ослаблены, их потенциал проверен на реалистичность. После формирования общей позиции выявляем наличие у героев дилемм сотрудничества и доверия. Герой А испытывает дилемму сотрудничества (придерживаться / не придерживаться общей позиции, исполнять / не исполнять достигнутое на этом этапе соглашение), если скорректированные санкции не так уж и страшны для него, то есть ему выгоднее «предать В», нежели сотрудничать с ним в рамках достигнутых договоренностей (Семенов, 2012. С. 57). Герой А испытывает дилемму доверия (доверять / не доверять оппоненту), если у него есть основания не доверять В. Для героев драмы дилеммы сотрудничества и доверия являются взаимобратными: если А испытывает дилемму сотрудничества, то В становится субъектом дилеммы доверия, и наоборот.

7. Разрушаем дилеммы сотрудничества и доверия, для этого продолжаем корректировать позиции и санкции героев, также соблюдая баланс в треугольнике угроз. На этом этапе работаем с надежностью и убедительностью достигнутых договоренностей, а также корректируем пессимистическую антиципацию, когда оппоненту предписывается большая несостоятельность в качестве делового партнера, чем это есть на самом деле.

8. Формируем окончательные позиции $\overline{\overline{A}}$ и $\overline{\overline{B}}$; окончательные санкции $\overline{\overline{A_1}}$ и $\overline{\overline{B_1}}$, которые и войдут в медиативное соглашение.

Представляется интересным тот момент, что теоретики драмы предполагают, что дилеммы убеждения, искушения и вынужденного реализма могут и не быть разрушены. В этом случае герои остаются на своих позициях и готовятся к силовому разрешению ситуации. Если же не удастся убрать дилеммы сотрудничества и доверия, то достигнутое соглашение не будет устойчивым, то есть в любой момент стороны могут перестать его выполнять, что на практике бывает довольно часто.

В заключении отметим, что использование технологии «Драматек» в работе медиатора подчиняется определенной логике. Оно позволяет построить ассертивную коммуникацию между сторонами медиации для отстаивания своей точки зрения, прояснения разногласий и объективной оценки своего личностного потенциала в конфликте, что способствует осознанному изменению оппонентами своих позиций и отношения к проблеме в целом. По мнению же теоретиков драмы, если игрок начинает осознавать «теорию» своего поведения, он больше не зависит от нее и освобождается от необходимости подчиняться ее требованиям (Ховард, 2008. С. 32).

Литература

- Глазл, Ф. (2002). *Конфликт-менеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта* / Пер. с нем., Калуга: Духовное познание, 516.
- Семенов, В.А. (2012). «Drama technology» – технология анализа социально-политических конфликтов. *Управленческое консультирование*, 2, 48-67.
- Ховард, Н. (2008). Теория драмы (избранные фрагменты). Пер. с англ. В.А. Светлова и В.А. Семенова. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XI(14), 30-46.

References

- Glazl, F. (2002). *Conflict management. The handbook of the head and consultant* / translated from German, Kaluga: Spiritual cognition, 516.
- Semenov, V.A. (2012). "Drama technology – is a technology for analyzing socio-political conflicts. *Management Consulting*, 2, 48-67.
- Howard, N. (2008). Theory of drama (selected fragments). Translated from the English by V.A. Svetlov and V.A. Semenov. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XI(14), 30-46.

Дата получения рукописи: 21.11.2021

Дата окончания рецензирования: 05.12.2021

Дата принятия к публикации: 06.12.2021

Информация об авторе

Овчинникова Татьяна Маратовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: t_ovch@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов Information about the author

Ovchinnikova Tatiana Maratovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation; e-mail: t_ovch@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.17

Научная статья

УДК 327.88

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.17>

Российско-американское информационное противоборство на рубеже XX-XXI вв.

Николай И. Пупыкин¹

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,

Орел, Орловская область, Россия

e-mail: nickset@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция российско-американского противоборства в информационном пространстве после окончания холодной войны, рассматриваются особенности применения информации как инструмента для создания положительного имиджа государства или его демонизации. В ходе исследования установлено, что на рубеже XX-XXI вв. международные отношения прошли путь от становления однополярной мировой системы после распада СССР к утверждению полицентризма на современном этапе, что привело к интенсификации соперничества ключевых мировых акторов (США, России и Китая) в сферах, не связанных напрямую с применением вооруженной силы, – информационном пространстве, экономике, культуре, духовной сфере. За последние десятилетия произошел качественный скачок в развитии методологии и практики организации и проведения информационных операций, связанных с дезинформированием населения, манипулированием общественным мнением, запугиванием и устрашением потенциальных врагов, подменой нравственных и этических норм, лоббированием интересов, особенно в рамках российско-американских двусторонних отношений, что усугубило конфликтность международных отношений, как в планетарном, так и региональном масштабах. Информационное противоборство США и России привело к возникновению новых зон конфликтов в странах, подвергшихся воздействию «мягкой силы» и дезинтегрирующих процессов «цветных революций».

Ключевые слова

информационное противоборство; США; Россия; информационная война; международные отношения; информационные операции; дезинформация.

Для цитирования

Пупыкин Н.И. (2021). Российско-американское информационное противоборство на рубеже XX-XXI вв. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 129–137. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.17>

Russian-American information confrontation at the turn of the XX-XXI centuries

Nikolay I. Pupykin¹

¹Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Orel Region, Russia

e-mail: nickset@mail.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of the Russian-American confrontation in the information space after the end of the Cold War, examines the features of the use of information as a tool for creating a positive image of the state or its demonization. The study found that at the turn of the XX-XXI centuries international relations have gone from the formation of a unipolar world system after the collapse of the USSR to the establishment of polycentrism at the present stage, which led to the intensification of rivalry between key world actors (the United States, Russia and China) in areas not directly related to the use of armed force – the information space, economy, culture, spiritual sphere. Over the past decades there has been a qualitative leap in the development of methodology and practice of organizing and conducting information operations related to disinformation of the population, manipulation of public opinion, intimidation of potential enemies, substitution of moral and ethical norms, lobbying of interests, especially within the framework of Russian-American bilateral relations, which has aggravated the con-

flictogenicity of international relations, both on a planetary and regional scale. The information confrontation between the United States and Russia has led to the emergence of new conflict zones in countries affected by "soft power" and the disintegrating processes of "color revolutions".

Keywords

information warfare; USA; Russia; information war; international relations; information operations; disinformation.

For citation

Pupykin N. I. (2021). Russian-American information confrontation at the turn of the XX-XXI centuries. *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 129–137. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.17>

Введение

Окончание холодной войны ознаменовано широкомасштабными геополитическими изменениями – распад СССР, СФРЮ, Чехословакии, объединение Германии, постепенное расширение блока НАТО на Восток, повсеместное распространение глобализационных и демократических ценностей. На протяжении 1990-х гг. становление однополярного мира сопровождалось эйфорией западных исследователей и политиков, полагающих, что наступил «конец истории» (Фукуяма, 1990), который неминуемо приведет к безграничному влиянию США на мировой арене и западных ценностей в общественном сознании. Однако на рубеже XX-XXI вв. нашла практическое подтверждение противоположная по смыслу концепция о столкновении цивилизаций (Хантингтон, 2003). Проведение операции США и их союзников по Североатлантическому Альянсу в 1999 г. на территории Югославии покончило с иллюзиями многих специалистов в области международных отношений о бесконфликтном развитии всей системы международных отношений. Именно тогда впервые после распада социалистического лагеря Российская Федерация не побоялась заявить о своей несогласии с действиями своих «партнеров» в лице коллективного Запада. Как представляется, именно бомбардировки Белграда стали прологом нового витка российско-американского информационного противоборства.

Новизна исследования заключается в том, что автор комплексно рассматривает вопросы развития методологии российско-американского противоборства в информационном пространстве сквозь призму исторического развития системы международных отношений, выявляя тем самым особенности влияния конфликтогенности отношений между США и Россией на ход мировой истории.

Методология исследования

В ходе исследования основными методологическими подходами выступают принципы комплексности, объективности и историзма. Принцип комплексности позволяет проанализировать российско-американские двусторонние отношения в информационном пространстве на разных уровнях и в разных сферах. В соответствии с принципом объективности, автор выделяет ключевые тенденции в международных отношениях, влияющие на возникновение и динамику информационных войн, отказавшись от использования ярких оценочных суждений. При помощи принципа историзма, можно охарактеризовать количественное и качественное развитие способов и технологий информационного противоборства России и США в последние десятилетия. Среди специфических методов исследования необходимо отметить историко-сравнительный метод, направленный на сопоставление основных подходов России и США к ведению информационных операций; историко-генетический метод, позволяющий последовательно выявлять причинно-следственные связи исторического развития теории и практики информационных войн и конфликтов; историко-системный метод, применяемый для характеристики устойчивых закономерностей эволюции мировой системы.

Российско-американское информационное противостояние после окончания холодной войны невозможно корректно оценить без использования проблемно-хронологического метода, который дает возможность проследить поэтапное развитие катего-

риального аппарата информационных операций и манипулирования общественным сознанием. Кроме того, в ходе исследования применяются и общенаучные методы – дедукция, индукция, анализ, синтез, – которые позволяют выявить характерные особенности зарождения и ведения современных гибридных, санкционных, торговых и других разновидностей информационных конфликтов.

Результаты исследования

На протяжении последних десятилетий можно наблюдать устойчивую тенденцию интенсификации проявлений информационной агрессии Запада в отношении национальных интересов и сфер геополитического влияния России, причины которых обусловлены рядом факторов:

- Россия и США имеют порой диаметрально противоположные интересы в самых различных вопросах (решение проблемы иранской ядерной программы, корейского вопроса, сирийского кризиса, проблем обеспечения энергетической безопасности Европы, вопросов борьбы с международным терроризмом и др.);

- сферы геополитического влияния России и США все чаще стали пересекаться (Украина, Грузия, страны Средней Азии, Ближний Восток, территориальные притязания на Арктику, участие в урегулировании региональных международных конфликтов и др.);

- заинтересованность правящих кругов США вне зависимости от партийной принадлежности в подрыве информационной стабильности ключевых мировых акторов (Россия, Китай, Европейский Союз, Индия и др.);

- стремление США к полному контролю над информационными каналами и потоками в мировом масштабе, что направлено на достижение максимальных возможностей для реализации концепции «мягкой силы» и придание глобализационным процессам необходимых векторов развития;

- экономическое российско-американское противоборство в некоторых сферах (торговля продукцией военно-промышленного комплекса, конкуренция на нефтяном и газовом рынках, конкуренция в области программ мирного атома, строительства атомных электростанций и др.)

Американский исследователь М. Либики (2007) отмечает, что «военная политика США во многом опирается на политику информационную, в связи с этим США заинтересованы в поддержании определенной информационной напряженности и даже информационного хаоса» (Либики, 2007, 17-18).

Информационное противоборство США и России имеет под собой многочисленные основания, однако, по мнению, некоторых специалистов, все их можно свести к тезису о том, что «на рубеже XX-XXI вв. Россия стала играть важную роль на мировой арене» (Панарин, 2003, 51). Российская Федерация как один из ключевых международных субъектов обладает значительными ресурсами и возможностями, а, следовательно, вести открытое противостояние с ней может быть весьма затратным и сложным. Именно по этой причине в отношении российского государства правительство США предпочитает использовать самые разнообразные методы скрытой борьбы:

1. Распространение слухов в мировом и российском информационных пространствах. Например, после 2014 г. в американских СМИ, а также на брифингах представителей Белого дома и государственного секретаря все чаще стало встречаться обсуждение информации о скором военном нападении российских войск не только на Украину, но и на территорию стран ЕС. В июне 2020 г. солидная американская газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала сенсационный материал, согласно которому, «подразделение российской военной разведки тайно предлагало боевикам, связанным с запрещенным в России движением «Талибан», вознаграждения за убийство военных коалиции в Афганистане, включая США» (MashaI, 2020). Это так называемые «слухи-пугала», которые используют для создания и поддержания негативных настроений и психоэмоциональных

состояний в определенных странах. Кроме того, система распространения слухов работает и непосредственно в Российской Федерации посредством финансовой поддержки многочисленных некоммерческих организаций и негосударственных СМИ. Именно по этой причине российские власти, начиная с 2012 г., ввели статус «иностранный агент», который позволяет идентифицировать обычным гражданам принадлежность того или иного источника информации. А в самих США Акт об иностранных агентах действует с 1938 г., что не мешает им постоянно «отстаивать» и «защищать» гражданские права и свободу слова по всему миру.

2. Распространение дезинформации является одним из наиболее распространенных методов ведения российско-американского информационного противоборства, к которому прибегают обе стороны. Например, и американские, и российские источники прибегают к манипуляции количественными показателями протестных движений в чужих странах, представляя однобоко ту или иную позицию или информацию. Определенной формой дезинформации можно считать выпады в сторону России в контексте возможного вмешательства в американские президентские выборы в 2016 г., когда ее бездоказательно обвиняли, то во взломе серверов демократической партии США, то в активных манипуляциях общественным мнением в социальных сетях Фейсбук и Твиттер. Всего Сенатом США было опубликовано 5 томов расследования данных событий, в которых все обвинения строятся на участии России в финансировании и создании «ферм-троллей» в социальных сетях и деятельности канала Russia Today на территории США (Якимчук, 2020, 93).

3. Обвинения российского руководства со стороны США в отказе от современных западных ценностей. Ярким примером данной технологии информационной войны выступают постоянные упреки в нежелании России и российских властей поднимать и открыто обсуждать вопросы гендерной принадлежности и самоидентификации граждан, проблемы законодательного закрепления статуса представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций. В информационном пространстве США формируется четкое представление о России и россиянах, как анахроничном и староукладном, глубоко консервативном обществе наряду с устоявшимися стереотипами о шапках-ушанках, мужиках с балалайками и медведях на улицах городов.

4. Безапелляционные обвинения российских властей в нежелании поддерживать демократические ценности и свободы. В США ежегодно публикуются многочисленные доклады о нарушениях прав человека и гражданина в России (вмешательство в частную жизнь; препятствование деятельности СМИ; ужесточение информационного законодательства; пресечение, в том числе и силовое, любых попыток провести гражданские акции и др.). Результатом подобных обвинений в разное время стали принятие Закона о правосудии для жертв коррумпированных иностранных должностных лиц 2012 г. (Акт Сергея Магнитского), введение санкций по делу А.А. Навального и др.

5. Очернение внешнеполитического имиджа России на мировой арене при помощи западных СМИ, навешивание ярлыков агрессора на высших должностных лиц России, их демонизация (сравнение В.В. Путина со И.В. Сталиным и его режимом, активное использование карикатур, обвинения в имперских амбициях и пр.). Среди основных ярлыков о политическом строе России можно встретить следующие: «свертывающаяся демократия», «ущербная демократия», «бедная демократия» (Баталов, Журавлева, Хозинская, 2009, 47). В рамках формирования негативного образа России были информационно поддержаны дела А.В. Литвиненко и семьи Скрипалей, «отравление» А.А. Навального, вокруг фигур которых заранее был создан ареол борцов с режимом В.В. Путина. В зарубежных СМИ активно раздувалась фактура отравлений полонием и «новичком», чтобы подчеркнуть «безумство» российского руководства, которое готово использовать оружие массового поражения на территории Европы. Во всех этих случаях ответствен-

ность за отравление возлагали на руководство России порой еще до начала официальных расследований. И сразу же в отношении Москвы вводились санкции. Основной целью американских СМИ было недопущение остывания «конфликта», для чего они прибегали к любым возможным средствам – «от дезинформации до голословных обвинений и публикаций якобы новых подробностей возможных отравлений, достоверность которых проверить не представляется возможным, ссылались на собственные источники» (Джума, 2019, 179). Процесс демонизации образа президента РФ можно отчетливо проследить через заголовки статей, вышедших в США: «"Месть Путина": анализируем мотивы российского лидера» (Lowry, 2017), «Клинтон о Путине: "Не спускайте с него глаз, он еще не все закончил"» (Watkins, 2017), «Владимир Путин должен почувствовать реальные последствия своей агрессии» (Eronen, 2018) и др.

6. Противопоставление национальных интересов России интересам западных стран, при котором она представляется в виде агрессора и завоевателя. Данный прием очень часто применяется при объяснении позиции США по вопросу расширения блока НАТО на Восток, когда подменяются причинно-следственные связи и стремления Запада преподносятся в зарубежном информационном пространстве как ответ на действия российской стороны.

В современных международных отношениях прослеживается устойчивая тенденция, при которой все обвинения в адрес России со стороны США сопровождаются четкой апелляцией к западным ценностям и интересам, которые преподносятся как единственно верные и объективные. Согласно данному подходу, все «незападные страны» или страны, чьи интересы несопоставимы с американскими интересами, подвергаются жесткой, но не всегда обоснованной критике.

Известный российский философ А.А. Зиновьев (1995) в своих работах дает подробную оценку информационной деятельности США, используя термин «западнизация» – это «пропаганда достоинств западной цивилизации и западного образа жизни, включая бескорыстную помощь незападным народам планеты в их добровольном развитии в направлении западной модели общественного устройства» (Зиновьев, 1995, 122). Важно отметить, что западные ценности преподносятся как единственно верные и правильные, а все действия США, даже весьма спорные, в которых прослеживается очевидный экономический интерес, расцениваются как операции по поддержанию мира и баланса. В случае «западнизации» все западное подвергается жесткой критике, а на страны, которые не поддерживают политический или военный курс США сразу навешиваются негативные ярлыки.

Известный российский политолог А.В. Манойло (2018) отмечает, что «информационная агрессия Запада в отношении России во многом обусловлена заинтересованностью Запада в поддержании постоянной нестабильности в информационном пространстве» (Манойло, 2018, 6). Основной целью подобной политики выступает снижение предсказуемости формирования и развития информационных потоков в мировом масштабе, что повлияет на возможности ключевых мировых акторов в лице России и Китая контролировать информационное пространство вокруг себя. В этой связи США концентрируют свое внимание в рамках ведения информационной войны на проведение специальных операций по следующим направлениям:

– тактическое манипулирование массовым, групповым и индивидуальным сознанием для решения специфических краткосрочных задач информационного воздействия на население противника (устрашение, запугивание, формирование чувства безысходности, паники и др.). Ярким примером служат постоянные разговоры в американском политическом истеблишменте о возможности отключения российского финансового сектора от системы международной межбанковской системы передачи информа-

ции и совершения платежей (SWIFT), что может повлечь за собой возникновение проблем у российских граждан при пользовании платежными системами «Виза» и «Мастеркард»;

– стратегическое информационное манипулирование общественным сознанием для достижения долгосрочных целей (формирование у россиян устойчивого чувства депривации и обездоленности, имиджа мировых изгоев и др.);

– прямое и косвенное воздействие на структуры принятия решений и управления (создание лоббистских групп влияния, подкуп представителей государственного аппарата, финансовое и санкционное давление на высшее руководство страны, бизнес-элиту и пр.).

При этом важно отметить, что ведение информационной войны против России вовсе не исключает отказа от использования военных или экономических методов воздействия на ее внутри- и внешнеполитический курс:

– экономические санкции против крупнейших компаний, причем не только тех, которые имеют государственное участие. В декабре 2020 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США опубликовало список из 103 компаний и организаций, находящихся под американскими санкциями, среди которых 45 российских: Служба внешней разведки; Министерство обороны России; Специальный летный отряд «Россия»; Научно-исследовательский технологический институт им. А.П. Александрова; Всероссийский научно-исследовательский институт автоматики имени Н.Л. Духова; Институт катализа им. Г.К. Борескова; Центральный научно-исследовательский институт машиностроения; Ракетно-космический центр «Прогресс»; Корпорация «Иркут»; «Гражданские самолеты Сухого»; Холдинг «Вертолеты России»; Госкорпорация «Ростех»; Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) и др. (Addition, 2020). Кроме того, невозможно не упомянуть широкую санкционную политику США, развернутую против строительства и введение в строй трубопроводов «Северный поток-2» и «Турецкий поток»;

– политические санкции против представителей законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти (запрет на въезд на территорию США, объявление персонами нон грата работников посольства, консульств и даже дипломатических сотрудников международных организаций) (Хедайти Шахидани, 2015, 65-66);

– постоянное проведение военных учений стран НАТО вблизи российских границ. Причем для их организации прописываются не гипотетические враги, а непосредственно Российская Федерация.

Член-корреспондент Академии военных наук РФ А.А. Бартош (2021) отмечает, что «противостояние США и России уже давно вышло за рамки борьбы за информационное пространство» (Бартош, 2021, 4). В качестве подтверждения этому тезису исследователь приводит несколько примеров основных конфликтогенных зон международных отношений, которые опосредуют российско-американское информационное противоборство:

1) формирование труднопреодолимых противоречий между ключевыми акторами мировой политики, как на общепланетарном уровне, так и на региональном. После окончания холодной войны именно регионализация международных отношений оказывает деструктивное воздействие на всю архитектуру международной безопасности – межконфессиональные и этнополитические конфликты Афганистане, Ираке, Украине, Сирии, на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове;

2) международные отношения пошли по пути развития санкционного и торгового противостояния, что неминуемо приводит к возникновению финансово-экономических кризисов, последствия которых могут быть сравнимы с масштабными военными конфликтами;

3) интенсификация информационного противоборства в международных отношениях приводит к росту числа террористических организаций, что несет угрозы международной безопасности и миру. Причем часть таких организаций создается искусственно для усиления давления на те или иные политические режимы в разных странах. Например, так называемая умеренная оппозиция в Сирии расценивается в России как террористическая структура, а в США – как политическая сила;

4) действия США по размещению в Европе элементов своей системы противоракетной обороны, а также наращивание военной активности вблизи российских границ способствуют дестабилизации международных отношений (Бартош, 2018).

В целом, можно отметить, что на современном этапе большую роль на политической арене играет имидж страны. Большая часть информационных атак против России направлена именно на создание ее негативного образа. Наиболее частый сценарий информационных атак, которые используют США, можно охарактеризовать следующим образом:

1) представляется на суд общественности определенная ситуация, которая может быть конкретной или созданной искусственно;

2) акцентируется внимание на вовлеченности в нее России, при этом оценки носят ярко выраженный негативный характер;

3) отдельные «ужасные» факты о России преподносятся как закономерность.

Анализируя эволюцию российско-американского информационного противоборства на рубеже XX-XXI вв., можно выявить несколько уязвимых сфер, которые, так или иначе, подрывают информационную безопасность РФ:

– информационная политика России обладает недостаточной гибкостью и не всегда своевременно адаптируется к новым реалиям межгосударственного сотрудничества и соперничества;

– в России относительно недавно начали уделять внимание вопросам законодательного регулирования информационной сферы и информационного обмена в сети Интернет;

– неблагоприятная экономическая и социальная ситуация снижает уровень доверия россиян к институтам власти, что создает возможности для информационного манипулирования общественным сознанием;

– в России традиционно большое внимание уделяется телевидению и печатным СМИ, в то время как неформальные источники информации (блогеры, сетевые ресурсы) не получают должного внимания;

– российские СМИ, в отличие от зарубежных, не имеют достаточной информационной поддержки в сети Интернет.

Заключение

Можно отметить, что любой виток информационного противоборства России и США может спровоцировать возникновение новых конфликтов по всему миру. В рамках своей внешнеполитической линии США пытаются постоянно скомпрометировать Россию путем воздействия на третьи страны и негативной оценки участия России в этих процессах (например, способствуя продвижению роста национализма на Украине), а также вводят определенные запреты для участия России в различного рода мероприятиях (Евровидение, спортивные соревнования и др.). Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в ближайшее время изменений в отношениях США и России не предвидится, а уровень противостояния между двумя странами в информационном поле будет неуклонно расти. Развитие методов и способов ведения информационных войн неминуемо ведет к увеличению интенсивности возникновения информационных

конфликтов, информационному хаосу в международных отношениях. К сожалению, Россия все чаще становится объектом западной информационной агрессии, что подталкивает специалистов и политиков не только к мысли о необходимости усиления теоретического осмысления работы по обеспечению информационной безопасности государства, но и к конкретным действиям в этом направлении.

Литература

- Бартош, А. А. (2018). Гибридные угрозы и особенности войны нового типа. *Независимая газета*, 10 августа. Режим доступа: https://nvo.ng.ru/realty/2018-08-10/1_1008_hybrid.html
- Бартош, А. А. (2021). *Серая зона: театр гибридной войны*. М.: Горячая линия-Телеком, 305.
- Баталов, Э. Я., Журавлева, В. Ю., Хозинская, К. В. (2009). «Рычащий медведь» на «Диком Востоке». М.: Рос-СПЭН, 384.
- Джума, А. М. (2019). Различия в подходах западных СМИ к освещению дела Скрипалей и убийства саудовского журналиста Джамала Хашогги. *Свободная мысль*, 6, 177–182.
- Зиновьев, А. А. (1995). *Русский эксперимент*. М.: L'Age d'Homme – Наш дом, 448.
- Манойло, А. В. (2018). *Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию*. М.: Горячая линия-Телеком, 495.
- Панарин, И. Н. (2003). *Технология информационной войны*. М.: КСП+, 319.
- Фукуяма, Ф. (1990). Конец истории. *Вопросы философии*, 3, 134–148.
- Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций* (Т. Велимеева, Ю. Новикова, пер. с англ.). М.: ООО «Издательство АСТ», 603.
- Хедайати Шахидани, М. (2015). Односторонние санкции как несправедливый прием в международных отношениях: кейс-стади на примере односторонних санкций США против России (2014). *Мировая политика*, 2, 64–85. DOI: 10.7256/2409-8671.2015.2.14059.
- Якимчук, В. В. (2020). Вмешательство Российской Федерации в президентские выборы США 2016 года. *Скиф*, 12 (52), 89–94.
- Eronen, P. (2018). Vladimir Putin needs to feel real consequences for his aggression. *CNN*, November 26. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/opinions/putin-ukraine-kerch-opinion-intl/index.html>.
- Libicki, M. C. (2007). *Conquest in cyberspace. National security and information warfare*. New York: Cambridge University Press, 323.
- Lowry, B. (2017). «Putin's revenge» dissects Russian leader's motives. *CNN*, October 25. Available at: <https://edition.cnn.com/2017/10/25/entertainment/putins-revenge-frontline-review/index.html>.
- Mashal, M. (2020) Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says. *The New York Times*, June 26. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html>.
- Watkins, E. (2017). Clinton on Putin: «Keep an eye on him, because he's not done». *CNN*, October 15. Available at: <https://edition.cnn.com/2017/10/15/politics/hillary-clinton-vladimir-putin-2016/index.html>.
- Addition of "Military End User" (MEU) List to the Export Administration Regulations and Addition of Entities to the MEU List (2020). Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-12-23/pdf/2020-28052.pdf>.

References

- Addition of "Military End User" (MEU) List to the Export Administration Regulations and Addition of Entities to the MEU List (2020). Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-12-23/pdf/2020-28052.pdf>.
- Bartosh, A. A. (2018) Hybrid threats and features of a new type of war. *Nezavisimaya Gazeta*, August 10. Available at: https://nvo.ng.ru/realty/2018-08-10/1_1008_hybrid.html
- Bartosz, A. A. (2021). *Gray zone: Hybrid war theater*. Moscow: Hotline-Telecom, 305.
- Batalov, E. Y., Zhuravlev, V. Yu., Jasinska, K. V. (2009) "Roaring bear" in the "Wild East". Moscow: ROSSPEN, 384.
- Dzhuma, A. M. (2019). Differences in the approaches of Western media to the coverage of Skripals case and the murder of Saudi journalist Jamal Khashoggi. *Free Thought*, 6, 177–182.
- Eronen, P. (2018). Vladimir Putin needs to feel real consequences for his aggression. *CNN*, November 26. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/opinions/putin-ukraine-kerch-opinion-intl/index.html>.
- Fukuyama, F. (1990). The end of the story. *Questions of Philosophy*, 3, 134–148.
- Hedayati Shahidani, M. (2015). Unilateral sanctions as an unfair technique in International Relations: a case study on the example of unilateral US sanctions against Russia (2014). *World Politics*, 2, 64–85. Doi: 10.7256/2409-8671.2015.2.14059.
- Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations* (T. Velimeeva, Yu. Novikova, trans. from English). Moscow: LLC "AST Publishing House", 603.

- Libicki, M. C. (2007). *Conquest in cyberspace. National security and information warfare*. New York: Cambridge University Press, 323.
- Lowry, B. (2017). «Putin's revenge» dissects Russian leader's motives. *CNN*, October 25. Available at: <https://edition.cnn.com/2017/10/25/entertainment/putins-revenge-frontline-review/index.html>.
- Manoilo, A. V. (2018). *Information wars and psychological operations. Guide to action*. Moscow: Hotline-Telecom, 495.
- Mashal, M. (2020) Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says. *The New York Times*, June 26. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html>.
- Panarin, I. N. (2003). *Technology of information warfare*. Moscow: KSP+, 319.
- Watkins, E. (2017). Clinton on Putin: «Keep an eye on him, because he's not done». *CNN*, October 15. Available at: <https://edition.cnn.com/2017/10/15/politics/hillary-clinton-vladimir-putin-2016/index.html>.
- Yakimchuk, V. V. (2020). Interference of the Russian Federation in the 2016 US presidential election. *Skif*, 12(52), 89–94.
- Zinoviev, A. A. (1995). *Russian experiment*. Moscow: L'age d'Homme - Our house, 448.

Дата получения рукописи: 15.11.2021

Дата окончания рецензирования: 13.12.2021

Дата принятия к публикации: 14.12.2021

Информация об авторе

Пупыкин Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация; e-mail: nickset@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Pupykin Nikolay Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Social Management and Conflictology, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia, email: nickset@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №4 (14)
ПО СЛЕДАМ V ВСЕРОССИЙСКОГО КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ»
(Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2021 Г.)
doi: 10.18522/2658-5820.2021.4.18

Научная статья

УДК 316.48

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.18>

Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска)

Ирина А. Скалабан¹

¹Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Новосибирская область, Россия,
e-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Аннотация. В публикации предлагается концепция картирования конфликтов, возникающих в городской среде. Объектом исследования выступает Новосибирская городская агломерация. Методы исследования: качественно-количественный контент-анализ с использованием информационной автоматизированной системы мониторинга Скан-Интерфакс, полуструктурированное интервью (N = 40), контент-анализ. Исследование показало, что основными сферами в городской среде, где чаще всего возникают конфликты, является строительство, городское хозяйство/благоустройство, экология, культура и общественные ценности. Картирование конфликтов в соответствии с принятыми эмпирическими индикаторами позволяет адекватно оценить их природу, особенности и способы преодоления.

Ключевые слова

конфликт; город; картирование; геоинформационная база данных; пространственные данные; полуструктурированные интервью; контент-анализ.

Для цитирования

Скалабан И. А. (2021). Инструменты анализа сообществ в городских конфликтах (на примере г. Новосибирска). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), С. 138–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.18>

Благодарности: Текст подготовлен в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ и Правительство Новосибирской области № 20-411-540003).

Community analysis tools in urban conflicts (on the example of Novosibirsk)

Irina A. Skalaban¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Novosibirsk Region, Russia,
e-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Abstract. The publication proposes the concept of mapping conflicts arising in the urban environment. Object of the study is the Novosibirsk urban agglomeration. Research methods: qualitative and quantitative content analysis using the automated information monitoring system Scan-Interfax, semi-structured interview (N = 40), content analysis. The study showed that main areas in the urban environment where conflicts most often arise are construction, urban economy/landscaping, ecology, culture and social values. In accordance with accepted empirical indicators mapping of conflicts allows us to adequately assess their nature, features and ways of overcoming.

Keywords

conflict; city; mapping; geo-information database; spatial data; semi-structured interviews; content analysis.

For citation

Skalaban I. A. (2021). Community analysis tools in urban conflicts (on the example of Novosibirsk). *Caucasian Science Bridge*, 4 (4), P. 138–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.18>

Acknowledgments: The article is supported by the project "Defensive communities of residents in urban conflicts" (RHSF and the Government of the Novosibirsk Region No. 20-411-540003).

В последние десятилетия конфликт как естественная часть городской культуры и городского образа жизни стал объектом исследований с разных концептуальных позиций и научных направлений социологии, политологии, правоведения, психологии, антропологии, урбанистики. Однако если для нас важен город как целостный объект, продуцирующий и поддерживающий текущие конфликты, то они не могут быть в полной мере осмыслены без использования пространственных параметров. Задача не только аккумулировать данные о конфликтной повестке, важно видеть горячие точки и места их локализации, понимать какие структурные дисбалансы в городской среде или реализуемые изменения стимулируют появление новых устойчивых зон сопротивления при реализации проектов и воспроизводятся ли они в подобных проектах на других территориях.

С этих позиций нельзя не согласиться с тезисом, авторство которого приписывают Ж. Деррида, что визуальное – первичный измеритель социальной действительности и с этих позиций перспективным компонентом анализа видится реконструкция карты конфликтов (Деррида, 2007). Но конфликт динамичен. Можно ли картировать не просто конфликты, но пространственные привязанные конфликтные процессы?

Картирование традиционно используются для отображения конфликтов макрообъектов: на уровне стран, регионов и пр. Последние десятилетия ситуация меняется. Город испытывает потребность в оперативном кризисном мониторинге, и среди исследователей растет интерес к пространствам крупных городов и мегаполисов, их локальных территорий. Пример, мониторингом пространственного распределения конфликтов в городах Южной и Латинской Америки таких как Сантьяго, Рио-де-Жанейро, Сант-Пауло в мониторинговом режиме уже несколько десятилетий занимаются лаборатории социальных географов местных университетов. Подобные практики появляются и в Европе. К примеру, в Бухаресте исследования ведутся в рамках методологии активистской географии. Производится картирование конфликтных практик городских активистов в отношении застройки и землепользования (Nae, Dumitrache, Suditu, MateiHousing, 2019). Акцентируется внимание не только на пространственных проявлениях конфликтов, но и (не)слаженности воспринимаемых значений, ценностей и властных отношений между участвующими в них партиями. В этих городах такие карты используются при принятии некоторых градостроительных решений. Единицей анализа для сбора данных служат здесь тексты в СМИ и интернет-публиках, которые содержат информацию об акции или событии, имеющем признаки конфликта.

С этих позиций картирование как процесс – это пространственное отображение, моделирование социальных процессов или явлений, отобранных по определенному основанию и значимых для достижения поставленной исследовательской задачи. Оно представляет собой не просто репрезентацию данных, но исследовательский метод, который за счет структурирования, пространственного и временного упорядочения информации, позволяет получить новое знание. Метод дополняется иными эмпирическими методами сбора данных от анализа конкретных случаев до big data.

В нашем случае, когда объектом картирования стали городские конфликты и общества в конфликтах Новосибирской городской агломерации последних десяти лет, использовались три метода.

Метод качественно-количественного контент-анализа с использованием информационной автоматизированной системы мониторинга Скан-Интерфакс (Scaninterfax.ru). Единица анализа: текст в СМИ и публиках интернет-сетей, которые содержат информацию об акции, событии, несущем в себе признаки конфликта, напряжения, социального риска. Дополнительные источники информации: групповые и индивидуальные интервью (возможность дополнения данных), хранение в БД (закрытые данные). Для анализа-запроса в массиве данных, были использованы индикаторы – ключевые

слова, по которым было выявлено 1568 публикаций, из которых было отобрано релевантно поставленной цели – 101 конфликт Новосибирска и городов, составляющих Новосибирскую агломерацию.

Метод полуструктурированного интервью лидеров конфликтных сообществ, экспертов, имеющих опыт работы с ситуациями конфликтов (40 интервью).

Метод контент-анализа. На основе данных сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей Popster был проведен контент-анализ 72 городских и групповых пабликов жителей Новосибирской агломерации в социальных сетях. На основании собранных данных осуществлялось группирование, систематизация информации о конфликтах в Новосибирской агломерации по критериям, включая пространство, повестку, участников.

Выявить конфликт и сделать его единицей исследовательской картотеки позволили не только нанести их на карту, но и разработать геоинформационную базу данных городских конфликтов (<http://conflictsnsk.ru>)

Геоинформационная база данных (ГБД) – это организованная совокупность пространственных и табличных данных, которые описывают некоторую территорию и расположенные на ней объекты. Геоинформационная система (ГИС) – это программная система, предназначенная для хранения, обработки и отображения данных, хранящихся в ГБД.

База данных предназначена для мониторинга событий, конфликтов в городской среде и вовлеченных в них сообществ. Ее пространственные границы: городская агломерация. Она содержит информацию и карту городских конфликтах г. Новосибирска и средних (1), малых городов (2), наукограда (1), поселения городского типа (1), входящих в Новосибирскую агломерацию

Структурно ГБД состоит из данных двух типов: атрибутивных и пространственных. (Рисунок 1) Атрибутивные данные включают в себя данные по ключевым параметрам конфликта, составляющих его событий, триггера, акторов, сообществ, вовлеченных или возникших в ходе конфликта. Всего тридцать два параметра, десять из которых представляют собой закрытые типологии. Пространственные данные: графический объект с привязкой к географической системе координат. Конфликт или событие как объект на карте задается одной парой координат, определяющей точку его местоположения. Однако в перспективе в процессе разработки тематических слоев он будет дополняться выделением пространств, имеющих определенную форму и размеры (тепловая карта цен на недвижимость (2ГИС), границы депутатских округов, зон социального и этносоциального благополучия и т.д.

Технические требования к ГБД во многом определяются ее уникальностью, и, как следствие, необходимостью многократной апробации и доработки. Важна модульность архитектуры, возможность ее расширяемости, масштабируемости, переносимости, интероперабельности, защиты данных.

Конфликт в этом контексте характеризуется с точки зрения сферы жизнедеятельности (экономика, экология, городское хозяйство и т.д.), масштаба (городской, региональный, федеральный) и уровня его резонансности, то есть освещения в СМИ. В систему закладываются параметры триггера конфликта и сообщества, участвующего в нем: участники, их связь с другими сообществами, периоды активности и т.д. Объект конфликта позволяет локализовать его на карте города. В настоящее время выделено 300 конфликтных событий, которые сгруппированы по 150 городским конфликтам. В базу внесены 52 конфликта, и работа продолжается. Используемые в ней данные типологизированы, поддержаны медийными данными об акторах конфликта, триггерах событий и конфликтов с их базовыми характеристиками (проект, уровень и масштаб инвестиций), дополнительной информацией справочного характера о городской среде и

параметрах конфликта. Данные позволяет получить целостную пространственно организованную картину конфликтности и распределения сообществ оборонительного типа, вовлеченных в конфликт в пределах новосибирской агломерации.

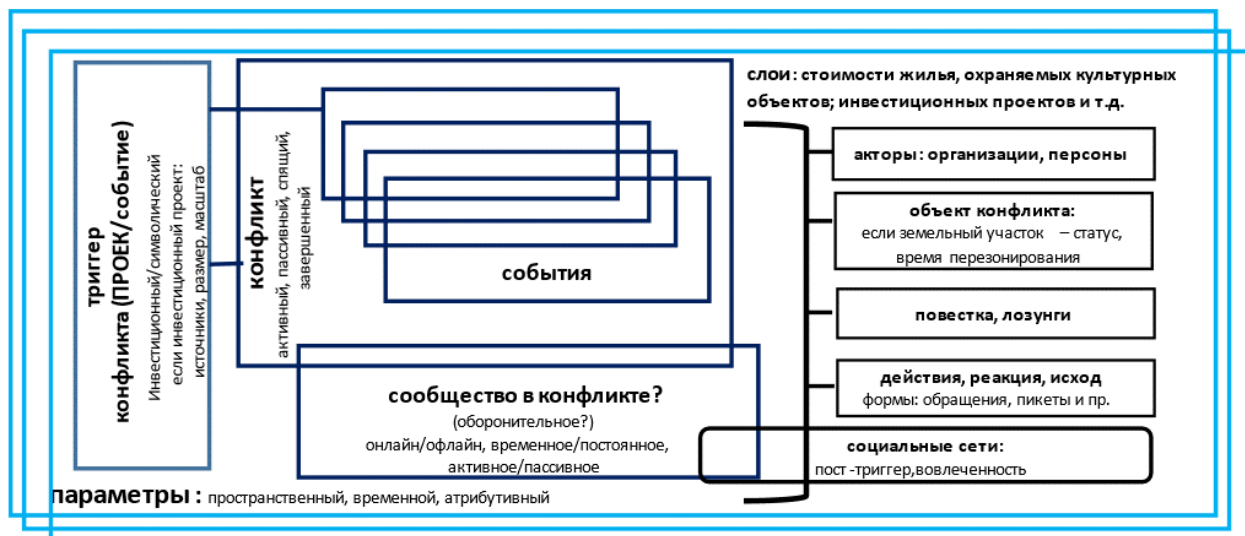

Рисунок 1. Увеличенная схема структуры данных ГБД

База данных может использоваться органами власти муниципального и регионального уровня, девелоперами и другими субъектами городских отношений для оценки ситуации на конкретной территории, для принятия управленческих решений. Также она обладает большим исследовательским потенциалом для изучения процессов изменений в городской среде и вызванных ими городских конфликтах.

Анализ введенных в базу данных показывает, основные сферы развертывания конфликтов в крупном городе, к какому относится Новосибирск, примерно в равных пропорциях определяются четырьмя сферами: строительство; городское хозяйство/благоустройство; экология; культура и общественные ценности. Их удельный вес в общем числе конфликтов составляет 85%. При этом конфликты четвертой сферы тоже во многом связаны с тремя предыдущим, поскольку значительная их часть – это конфликты, вызванные сносом и реконструкцией объектов культурного значения.

Наблюдается следующая связь, чем выше статусный уровень одного из субъектов конфликта и больше объем инвестиций, тем меньше вероятность успешного исхода для городского сообщества, если оно участвует в конфликте. Федеральные проекты редко претерпевают какие-то изменения. Присутствует и специфическое пространственное распределение конфликтов. Для девелоперских и символических конфликтов – это центр, так называемая «золотая миля» и Академгородок. Распределение конфликтов коррелирует с ценами на недвижимость: чем выше на территории цены, тем больше там конфликтов. Однако этот параметр действует только для зон, где выше социальная гетерогенность населения. Еще одна системная особенность: более 70% конфликтов локализованы вблизи зеленых зон или водоемов, в том числе неблагоустроенных. В свою очередь, этно-религиозные конфликты такой зависимости не демонстрируют. Их распределение более рандомно, но скорее тяготеет к местам концентрации мигрантов вокруг региональных рынков и/или местам строительства, функционирования символических, преимущественно религиозных, объектов.

Для того, чтобы расширить понимание факторов, влияющих на конфликтность, установления конфликтогенерирующих сфер городской жизни, особую значимость приобретает реконструкция контекстных слоев, которые бы позволили увидеть связь между политическими, экономическими, этносоциальными процессами в городской

среде и интенсивностью распределения конфликтов. Карта позволяет выделить специфику Новосибирска по сравнению, например, с другими сибирскими городами. Здесь высоким конфликтогенным потенциалом обладает строительная сфера, связанная с жилой застройкой. Зафиксировано формирование в конфликтах оборонительных сообществ – это один из механизмов создания коалиций общественных интересов, согласования позиций и их отстаивания силами активной части сообщества (Скалабан, 2021). Часть из них сохраняют устойчивость и после завершения конфликта.

Сетевой анализ вовлеченности аудитории Вконтакте и Facebook в конфликтную проблематику аккаунтов конфликтующих сообществ и их обсуждение на городских публических платформах позволили выделить несколько стратегий, которые зависят от размера целевой аудитории и пространственного масштаба конфликта. При этом наиболее эффективна стратегия информирования и вовлечения горожан в общегородской конфликт, что предполагает соединение нескольких механизмов влияния: создаются собственные публики в разных соцсетях, привлекаются референтные персоны, которые могут влиять на общественное мнение, и используются общегородские группы.

Таким образом, аккумуляция кейсов конфликта одной локации, в данном случае крупного города, открывает возможности для понимания конфликтных процессов, которые происходят на его территории.

Литература

Деррида, Ж. (2007). *Позиции. Пер. с фр. В. В. Бибихина*, М.: Академический проект, 160.

Скалабан, И.А. (2021). Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции. *Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов*, Иркутск: издательство ИГУ, 110-115.

Nae M., Dumitrache L., Suditu B., MateiHousing E. (2019). Activism Initiatives and Land-Use Conflicts: Pathways for Participatory Planning and Urban Sustainable Development in Bucharest City, Romania. *Sustainability*, 19(11), 1-26.

References

Derrida, J. (2007). *Positions. Per. with fr. V.V. Bibikhina*, M.: Academic project, 160.

Skalaban, I.A. (2021). *Defensive communities in urban conflicts. The formation of the concept. Civilizational shifts in the development of a modern city: a collection of scientific papers*, Irkutsk: Publishing house of IGU, 110-115.

Nae M., Dumitrache L., Suditu B., MateiHousing E. (2019). Activism Initiatives and Land-Use Conflicts: Pathways for Participatory Planning and Urban Sustainable Development in Bucharest City, Romania. *Sustainability*, 19(11), 1-26.

Дата получения рукописи: 21.11.2021

Дата окончания рецензирования: 05.12.2021

Дата принятия к публикации: 06.12.2021

Информация об авторе

Скалабан Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Skalaban Irina Anatoliyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: skalaban@corp.nstu.ru

The author has no conflict of interests to declare

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge»

(редакция от 25.06.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

<p>Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Контактный мобильный телефон (для ответственного автора), Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя), Номер идентификатора ORCID, Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.</p> <p>Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в <i>Researcher ORCID</i>.</p>
<p>Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения - обычно находится в разделе "Документы" Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения); Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны); Рабочий телефон (с кодом города);</p>

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, (<i>Anna V. Ivanova</i>) <i>Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i>

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи - 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному "слепому" принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукомет-

рических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (а, b, с). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / a, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi: Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с

помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL

Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность:

методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от circa – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических

работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: "автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор".

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.

9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: "рекомендуется", "рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков" или "не рекомендуется".

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.